

**СЕРИЯ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

Филологические науки

Исторические науки

Журналистика

ISSN 2306-8450

Вестник
Сыктывкарского
университета

1(29)2024

<p>Вестник Сыктывкарского университета (научный журнал)</p> <p>Выходит 4 раза в год</p>	<p>Серия гуманитарных наук</p> <p>ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ ЖУРНАЛИСТИКА</p>	<p>12+</p> <p>ISSN 2306-8450</p> <p>Выпуск 1(29)</p> <p>2024</p>
--	---	---

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Бральнин Д. О.</i> Структурные компоненты в креолизованных и мультимодальных текстах и типы их взаимодействия	4
<i>Бешкарев А. А., Пыстина О. В.</i> Медиаобраз города Сыктывкара в сетевых СМИ Республики Коми	13
<i>Бруцкая Л. А.</i> Пермь, ее обитатели в художественном пространстве В. Т. Феонова (1794–1835) и мире внетекстовой реальности	22
<i>Урманчеева И. С., Карманова К. И.</i> К вопросу о русских и коми цветонаименованиях	39

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ, ОБЗОРЫ, МАТЕРИАЛЫ, ВОСПОМИНАНИЯ

<i>Павлов А. А., Макаров В. А.</i> Любовь Михайловна Макарова: генеалогия судьбы	53
<i>Яковлева С. И., Рапопорт М. Ю.</i> Юрий Михайлович Рапопорт. Вехи жизни и творчества	67
<i>Тубылевич Р. Е.</i> Всероссийская научная конференция с международным участием «Фольклор и книжность: памяти Андрея Николаевича Власова»	84

Bulletin of Syktyvkar University (Science journal) Published 4 times a year	Humanities Series PHILOLOGICAL SCIENCES HISTORICAL SCIENCES JOURNALISM	12+ ISSN 2306-8450 Issue 1(29) 2024
--	--	--

CONTENTS

RESEARCHES

<i>Bralnin D. O.</i> Structural components in creolised and multimodal texts and types of their interaction	4
<i>Beshkarev A. A., Pystina O. V.</i> Media image of Syktyvkar city in online media Komi Republic	13
<i>Brutskaya L. A.</i> Perm, its inhabitants in the artistic space of V. T. Feonov (1794–1835) and the world of extra-textual reality	22
<i>Urmancheeva I. S., Karmanova K. I.</i> On the issue of Russian and Komi color names	39

PUBLICATION OF SOURCES, REVIEWS, MATERIALS, MEMORIES

<i>Pavlov A. A., Makarov V. A.</i> Lyubov Mikhailovna Makarova: genealogy of fate	53
<i>Yakovleva S. I., Rapoport M. Yu.</i> Yuri M. Rapoport. Milestones of life and oeuvre	67
<i>Tubylevich R. E.</i> All-Russian scientific conference with international participation “Folklore and bookishness: in memory of Andrei Nikolaevich Vlasov”	84

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(167001, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский просп., д. 55)

Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. Сыктывкар:
Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2024. Выпуск 1(29). 96 с.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

М. В. Мелихов, д-р филол. наук, профессор кафедры русской филологии
СГУ им. Питирима Сорокина

Заместитель главного редактора:

Т. Ф. Волкова, д-р филол. наук, профессор кафедры русской филологии
Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Редакционная коллегия:

Мелихов Михаил Васильевич, д-р филол. наук, профессор Сыктывкарского государственного
университета имени Питирима Сорокина (главный редактор)

Волкова Татьяна Федоровна, д-р филол. наук, профессор Сыктывкарского государственного
университета имени Питирима Сорокина (зам. главного редактора)

Обшанская Светлана Евстафьевна, начальник международного отдела, старший преподаватель
кафедры иностранных языков Сыктывкарского государственного университета
имени Питирима Сорокина

Военушкина Екатерина Алексеевна, канд. филол. наук, доцент кафедры русской филологии
Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Тубылевич Руслана Евгеньевна, младший научный сотрудник, Научно-исследовательская лабо-
ратория «Филологические исследования духовной культуры Севера»,
Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Адрес редакции:

167001, Республика Коми, Сыктывкар, Октябрьский пр., 55
Тел./факс (8212) 390-397

Редактор *О. В. Габова*

Верстка и техническое редактирование *Е. Н. Старцевой*

Выпускающий редактор *Л. Н. Руденко*

Подписано в печать 30.09.2024. Дата выхода в свет 16.10.2024.
Формат 70×108/16. Усл.-печ. л. 11,4. Тираж 50 экз.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Коми республиканская типография»
167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81

Свободная цена

© ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина», 2024
© Авторы статей, 2024

ИССЛЕДОВАНИЯ

RESEARCH

Научная статья / Article

УДК 81-139

<https://doi.org/10.34130/2306-8450-2024-1-4>

Структурные компоненты в креолизованных и мультимодальных текстах и типы их взаимодействия

Дмитрий Олегович Бральнин

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия
bralnin00@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-1777-8132>

***Аннотация.** В работе систематизируются теоретические знания о структурных компонентах и типах их взаимодействия в рамках креолизованных и мультимодальных текстов, что важно для разработки эффективных коммуникативных стратегий. Представленный анализ структуры мультимодальных текстов, представляющих собой сочетание вербальных и невербальных средств в устной коммуникации и креолизованных в письменной, позволяет выделить ключевые компоненты двух данных типов текста: вербальный, просодический и визуальный модулы – для мультимодальных текстов, а для креолизованных – вербальный и иконический. Рассмотренные в статье типы взаимодействия вербальных и невербальных средств, такие как комплементарное, редупликационное, различительное, транспозиционное, «оркестровое», дивергентное, пространственное, темпоральное, регулятивное, антагонистическое и резонансное взаимодействия, многие из которых характерны как для мультимодальных, так и для креолизованных текстов, способствуют реализации ключевых свойств текста, таких как связность и цельность. В статье приводится детальный анализ интонационных конструкций и классификация жестов, а также описываются основные типы взаимодействия вербальных и невербальных средств в процессе коммуникации.*

***Ключевые слова:** креолизованные тексты, мультимодальные тексты, структурные компоненты, типы взаимодействия*

Для цитирования: Бральнин Д. О. Структурные компоненты в креолизованных и мультимодальных текстах и типы их взаимодействия // Вестник СГУ. Серия гуманитарных наук. 2024. № 1. С. 4–13. <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2024-1-4>

Structural components in creolised and multimodal texts and types of their interaction

Dmitry O. Bralnin

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia
bralnin00@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-1777-8132>

***Abstract.** The article systematises theoretical knowledge about structural components and types of their interaction within creolised and multimodal texts, which is important for the development of effective communicative strategies. The presented analysis of the structure typical for multimodal texts, which are a combination of verbal and non-verbal means in oral commu-*

nication, and creolised texts in written communication, allows us to identify the key components of these two text types: verbal, prosodic and visual modus for multimodal texts, and verbal and iconic modus for creolised texts. The types of interaction between verbal and non-verbal means considered in the article, such as complementary, reduplication, distinction, transposition, 'orchestral', divergent, spatial, temporal, regulative, antagonistic and resonant interaction, many of which are characteristic of both multimodal and creolised texts, contribute to the realisation of key text properties such as coherence and wholeness. The article provides a detailed analysis of intonation constructions and classification of gestures, and describes the main types of interaction between verbal and non-verbal means in the process of communication.

Keywords: creolised texts, multimodal texts, structural components, types of interaction

For citation: Bralnin D. O. Structural components in creolised and multimodal texts and types of their interaction. *Vestnik Syktyvkarskogo universiteta. Seriya gumanitarnykh nauk = Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series.* 2024, 1: 4–13. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2024-1-4>

Актуальность. Исследование структурных компонентов и типов их взаимодействия в мультимодальных и креолизованных текстах является актуальным в связи с активным развитием цифровых и мультимедийных технологий. Понимание изменений, происходящих в традиционных вербальных текстах, важно для разработки эффективных коммуникативных стратегий. В настоящее время существует недостаток теоретических работ, систематизирующих знания о структурных компонентах мультимодальных и креолизованных текстов и типах их взаимодействия. Результаты исследования могут быть полезны в образовательной практике, медиа, рекламе и других областях, где важно эффективное использование различных модусов для передачи информации.

Целью исследования является определение и анализ структурных компонентов креолизованных и мультимодальных текстов, а также выявление и систематизация типов их взаимодействия.

Разные системы и каналы передачи информации приобретают в современной коммуникации всё большее значение для комплексного понимания процесса общения. Е. К. Лисариди и Б. Н. Нурмухамбетова в своей статье подчеркивают, что современная коммуникация должна исследоваться разносторонне, с точки зрения комплексного подхода, поэтому необходим учет вербальных и невербальных факторов в совокупности [Лисариди, Нурмухамбетова, 2014, с. 1]. За счет сочетания вербального и невербального компонентов удается передать картину мира в более полном и реалистичном формате. В результате этого, по замечанию Н. Д. Арутюновой, «реципиент не стремится вникнуть в смысл каждого слова, а стремится определить специфику концептуального поля всего высказывания и логические отношения между его элементами» [Арутюнова, 1999, с. 184]. В связи с этим мономодальность меняется на более сложный и интегрированный вариант подачи информации, который активно реализуется в мультимодальных и креолизованных текстах.

Термин «мультимодальный текст» ввели в научный оборот Гюнтер Кресс и Тео ван Лиувен [Kress, 2001, p. 122]. Мультимодальным является текст, зако-

дированный семиотически разнородными средствами: вербальными и невербальными. Как отмечает В. Е. Пугач в статье «Тексты “новой природы” и культура», мультимодальность присутствовала в любую эпоху, поэтому характер «текстов новой природы» «не позволяет считать их чем-то новым в культуре» [Пугач, 2016, с. 21]. С этой точкой зрения соглашается и Е.И. Казакова, но под этим термином также понимает и «последовательность знаков вербальной и невербальной природы» [Казакова, 2016, с. 102].

Теория мультимодальности строится на понятии «модус», под которым понимается любой канал передачи информации [Кибрик, 2009, с. 5]. Мультимодальность описывает коммуникацию с точки зрения текстовых, аудиовизуальных, лингвистических и пространственных модусов, которые задействуются для составления и передачи информации. Г. Е. Крейдлин под мультимодальностью понимает описание общих законов и правил взаимодействия в коммуникативном акте вербальных и невербальных знаков [Крейдлин, 2014, с. 101], соединение различных кодов предъявления информации. Несмотря на то, что мультимодальное описание текста является комплексным, каждый из модусов реализует собственные значимые характеристики.

Мультимодальный (цифровой, мультимедийный) текст – текст, более близкий к устной, а не к письменной коммуникации. Этот особый текст включает в свой состав не только разговорную речь, но и жесты, мимику, физические особенности, интонацию и положение собеседника в пространстве. Применение мультимодального подхода имеет большое значение при анализе устной речи, которая основана на звуковом взаимодействии между говорящим и адресатом, именно поэтому на восприятие текста влияет интонация, а затем и жесты, которыми говорящий сопровождает свою речь.

А. А. Кибрик пишет, что в рамках мультимодальности выделяются три взаимосвязанных аспекта: вербальный, просодический и визуальный [Кибрик, 2010, с. 135], каждый из которых имеет сложную внутреннюю структуру. Под вербальным компонентом автор подразумевает речь, под просодическим – голосовые средства передачи информации, а под визуальным – жесты, мимику, позы и другие.

Просодический модус. Одним из главных критериев анализа просодического аспекта является интонация. Л. Л. Буланин под интонацией понимает «совокупность средств организации звучащей, устной речи» [Буланин, 1970, с. 167]. Для описания интонации используется классификация Е. А. Брызгуновой [Брызгунова, 1980, с. 96–122]. Исследователь выделяет 7 типов интонационных конструкций (ИК) в русском языке:

ИК-1 выражает завершенность мысли в повествовательном предложении, используется при повышении голоса в ударной части и при понижении в конце; длиннее всех остальных становится ударный гласный. К этому типу относятся простые повествовательные предложения; предложения с прямой речью, где

слова автора – в конце; сложные бессоюзные предложения, где вторая часть раскрывает смысл первой.

В ИК-2 предупредительная часть произносится с незначительным повышением, а ударная – со спокойным понижением тона. Данный тип используется при выражении вопроса в предложении с вопросительным словом; в предложении с требованием, приказом; при восклицании, выражении активной эмоции; при подчёркивании, выделении какого-нибудь слова во фразе.

В ИК-3 наблюдается восходящее движение на гласном центра, а после ударного слога интонация резко понижается. К этому типу интонационных конструкций относятся вопросительные предложения без вопросительного слова; предложения со смыслом незавершенности; мягкие просьбы; положительные или отрицательные оценки; вопросительные предложения с союзом «или».

ИК-4 имеет нисходяще-восходящий тон; ударный и конечный безударный гласные при ней несколько удлиняются. Это вопросительные предложения с союзом «а»; официальные сообщения; манерность, игривость в вопросах.

В ИК-5 выделяются два центра: на гласном первого центра – восходящее движение тона, на гласном второго – нисходящее. Её применяют при выражении высокой степени признака, действия, состояния, эмоциональной, восторженной оценки (со словами *как, какой, сколько*).

ИК-6 вносит в предложения оттенок приподнятости, торжественности, высокой степени количественного и качественного признака, действия, состояния; сказочное повествование; эмоциональную оценку; используется при переспрашивании.

ИК-7 реализуется при эмоционально окрашенной финальной части повествовательных предложений, выражается в усилении экспрессивного отрицания или оценки.

Визуальный модус. В рамках визуального модуса подробно рассматривается такой важный элемент коммуникации, как жесты (кинемы). По мнению М. Л. Бутовской, жесты – «коммуникативное кинетическое поведение, способное передавать смысл от говорящего к слушающему» [Бутовская, 2004, с. 129].

Г. Е. Крейдлин в своей монографии «Невербальная семиотика» подробно рассматривает классы кинем [Крейдлин, 2002, с. 98–125]. Эту классификацию можно представить в виде схемы:

I. **Жесты-эмблемы** (с заранее заданной формой и с закрепленным значением между объектом и значением жеста):

- 1) коммуникативные (для намеренной передачи информации, чаще всего в диалоге): коммуникативно нейтральные, общекоммуникативные;
- 2) дейктические (указательные);
- 3) этикетные;
- 4) симптоматические (для передачи эмоционального состояния коммуниканта).

II. Иллюстративные жесты (обладают спонтанным характером, всегда выступают параллельно с речью, в отличие от эмблем):

- 1) жестовые ударения (выделение руками значимых отрезков речи);
- 2) дейктические маркеры (указывают на коммуниканта, объект, размер или место);
- 3) пространственные маркеры (описание разных пространственных отношений между объектами);
- 4) временные маркеры (описание временных отношений);
- 5) идеографы (описание хода мыслей);
- 6) кинемонографы (движение тела человека или животного и произведение звуков);
- 7) кинетографы (обозначение траектории, силы и так далее);
- 8) идентификаторы (формируют особый стиль социальной группы);
- 9) экстерналайзеры (жесты-реакции).

III. Регулятивные жесты (для поддержания общения):

- 1) точки (отдельные движения частей тела);
- 2) позиции (более сложные жестовые системы и комплексы);
- 3) представления (несколько позиций).

Для более глубокого понимания кинематической составляющей следует дополнить данную классификацию ещё двумя типами жестов, выделенными учеными П. Экманом и У. Фризенем, – адаптерами и аффекторами [Ekman, 1969, p. 49–98]. Адаптеры помогают адаптироваться к окружающей среде, а аффекторы неосознанно сопровождают эмоции.

Креолизованный текст. В качестве синонимов для понятия «мультиmodalный текст» могут выступать такие термины, как текст новой природы, креолизованный текст, поликодовый текст. М. Б. Ворошилова выделила более 20 вариантов данного термина: синкретический, составной, дикодовый, многоканальный, гетерогенный, супертекст, гибридный и др. [Ворошилова, 2013].

В российской лингвистике при анализе устных многоканальных текстов используется термин «мультиmodalный текст», а при описании письменных – одним из наиболее частотных понятий становится «креолизованный текст», тогда как в зарубежной практике мультиmodalный текст применяется для любого вида речевого произведения.

Под креолизованным текстом понимается «знаковое образование, текст, состоящий из вербальной и невербальной частей: речевой цепи и изображения предмета, описанного в этой речевой цепи» [Креолизованный текст..., 2020, с. 9]. Д. П. Чигаев в качестве наиболее частотного признака креолизованного текста указывает замену вербальных элементов языка их визуальными аналогами – цифрами или изображениями [Чигаев, 2010, с. 5].

Автор дает наиболее общее определение креолизованного текста, который представляет собой «объединенное грамматической, семантической, коммуникативной и когнитивной связью негомогенное лингвовизуальное образование, со-

стоящее из вербальных и иллюстративно-визуальных знаковых единиц, созданное посредством взаимодействия нескольких авторов, выражающее в себе отношение к описываемому, направленное на определенный тип адресата и связанное с предшествующей культурной традицией» [Чигаев, 2010, с. 11].

Типы взаимодействия вербальных и невербальных средств. Комплексное понимание процесса коммуникации позволяет проследить взаимодействие вербального и невербального модусов. Вербальный, визуальный и просодический модусы в структуре мультимодального текста находятся в тесном взаимодействии, дополняя друг друга. Например, использование точной и выразительной лексики, правильных грамматических конструкций, удачных жестов и интонации может существенно повлиять на эффективность передачи информации и ее понимание реципиентами. Помимо этого, невербальные элементы могут быть интерпретированы по-разному в зависимости от межкультурных особенностей и социальных норм, поэтому в процессе коммуникации возрастает роль герменевтического (интерпретационного) подхода. Взаимодействие вербального и невербального модусов в процессе коммуникации позволяет коммуникатору не только передавать информацию, но и удерживать внимание реципиентов, подчеркивать важность определенных моментов и устанавливать контакт с адресатом.

Опираясь на зарубежную научную литературу [Kress, 2001; Lemke, 2002; Jewitt, Kress, 2003], касающуюся мультимодальных текстов, мы выделили несколько типов взаимодействия компонентов, многие из которых могут быть применены также к креолизованным текстам (см. табл. 1). Отметим, что в таблице представлены собственные примеры разного рода текстов.

Взаимодействием вербальных и невербальных средств в процессе коммуникации занималась Р. К. Потапова [Потапова, Потапов, 2006; Потапова, Потапов, Комалова, 2020]. В своих работах Р. К. Потапова выделяет шесть основных типов взаимосвязи:

1. Повторение – невербальная коммуникация в полном объеме дублирует вербальную.
2. Контрадикция – невербальная коммуникация противоречит вербальной.
3. Субституция – невербальная коммуникация вместо вербальной, замена.
4. Дополнение – невербальная коммуникация модифицирует, дополняет вербальную.
5. Акцентирование – невербальная коммуникация акцентирует, подчеркивает части вербального сообщения.
6. Регулирование – невербальная коммуникация регулирует коммуникативный поток между взаимодействующими индивидами.

Данные типы взаимодействия, выделенные в русской и зарубежной лингвистике, были соотнесены между собой в таблице (см. табл. 1). Новыми типами взаимодействия компонентов, которые не были представлены в анализируемых трудах, являются «пространственное», «темпоральное» и «резонансное», зафик-

сированные непосредственно при помощи анализа мультимодальных и креолизованных текстов разных жанров.

Таблица 1

Типы взаимодействия компонентов в мультимодальных и креолизованных текстах

Тип взаимодействия	Сущность	Примеры
комплементарное / сопутствующее / синергетическое (дополнение, по Р.К. Потаповой)	элементы дополняют друг друга и формируют единое значение	иллюстрации в учебниках
редупликационное / репрезентативное (повторение, по Р.К. Потаповой)	повторение одной и той же информации в разных модусах	субтитры
различительное	представление одной и той же информации с помощью различных модусов	диаграмма, сопровождаемая текстовым объяснением
транспозиционное (субституция, по Р. К. Потаповой)	переход информации из одной модальности в другую	графическое представление данных и их вербальное объяснение
«оркестровое» / синхронное / коммуникативное (акцентирование, по Р. К. Потаповой)	синхронная работа компонентов с целью усиления коммуникативного эффекта	мультимедийная презентация
дивергентное	представление различных точек зрения	документальный фильм с комментариями экспертов
антагонистическое (контрадикция, по Р. К. Потаповой)	элементы находятся в противоречии	плакат, где изображение и текст выражают противоположные идеи
регулятивное (регуляция, по Р. К. Потаповой)	регуляция коммуникационного потока	стикеры в общении
пространственное	основное внимание уделяется расположению элементов	инфографика
темпоральное	взаимодействие через временные изменения	видеоролик с наложением текста
резонансное	комплекс компонентов создает эмоциональный отклик	социальная реклама с шокирующими изображениями

Выделенные 11 типов взаимодействия вербальных и невербальных компонентов в рамках мультимодальных и креолизованных текстов демонстрируют, как разные модусы могут дополнять друг друга, усиливая коммуникативный эффект, или, наоборот, находиться в противоречии, создавая различные смысловые нюансы.

Мультимодальная лингвистика представляет собой активно развивающееся направление языкознания, поскольку рамки ее исследования не ограничиваются

вербальной составляющей человеческой коммуникации, но учитывают также просодику и жестикуляцию. С помощью взаимосвязанного рассмотрения вербального, просодического и визуального каналов коммуникации можно проанализировать любой мультимодальный текст, что позволяет передать информацию адресату более полно и реалистично. Именно взаимосвязь модусов в применяемом подходе позволяет охарактеризовать весь процесс коммуникации.

В результате мультимодального анализа можно получить более полное представление о том, что хотел сказать говорящий, какие эмоции он испытывал, какие отношения устанавливал с собеседником и т. д. Он позволяет раскрыть многие аспекты речевого взаимодействия, которые не учитываются при традиционном анализе текста, и дает возможность получить более глубокое понимание языка и коммуникативного поведения людей.

Комплексный взгляд на мультимодальную лингвистику открывает новые перспективы для анализа и понимания современных форм коммуникации.

Список источников

1. *Арутюнова, 1999* – Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999. 896 с.
2. *Брызгунова, 1980* – Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика / Н. Ю. Шведова. М., 1980. Т. I. С. 96–122.
3. *Буланин, 1970* – Буланин Л. Л. Фонетика современного русского языка. М., 1970. 209 с.
4. *Бутовская, 2004* – Бутовская М. Л. Язык тела: природа и культура. М., 2004. 440 с.
5. *Ворошилова, 2013* – Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2013. 194 с.
6. *Казакова, 2016* – Казакова Е. И. Тексты новой природы: проблемы междисциплинарного исследования // Психологическая наука и образование. Т. 21. № 4. 2016. С. 102–109.
7. *Кибрик, 2009* – Кибрик А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания, 2009. № 2. С. 3–21.
8. *Кибрик, 2010* – Кибрик А. А. Мультимодальная лингвистика. М., 2010. № 4. С. 134–152.
9. *Крейдлин, 2002* – Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. М., 2002. С. 98–125.
10. *Крейдлин, 2014* – Крейдлин Г. Е. Семиотическая концептуализация тела и проблема мультимодальности // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 100–120.
11. *Креолизованный текст..., 2020* – Креолизованный текст: смысловое восприятие. Коллективная монография / отв. ред. И. В. Вашунина. М., 2020. 206 с.
12. *Лисариди, Нурмухамбетова, 2014* – Лисариди Е. К., Нурмухамбетова Б. Н. Взаимосвязь вербальной и невербальной коммуникации // Вестник КазНМУ. № 1. 2014. С. 362–363.
13. *Потапова, Потапов, 2006* – Потапова Р. К., Потапов В. В. Язык, речь, личность. М., 2006. 496 с.

14. *Потапова, Потапов, Комалова, 2020* – Потапова Р. К., Потапов В. В., Комалова Л. Р. Восприятие мультимодальной моно- и полиэтнической коммуникации / отв. ред. Л. Р. Комалова. М., 2020. 210 с.
15. *Пугач, 2016* – Пугач В. Е. Тексты «новой природы» и культура // Педагогика текста: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. СПб, 2016. С. 20–24.
16. *Чигаев, 2010* – Чигаев Д. П. Способы креолизации современного рекламного текста: автореф. дис... М., 2010. 24 с.
17. *Ekman, 1969* – Ekman P. The Repertoire of Nonverbal Behavior: Categories, Origins, Usage and Coding // *Semiotica*. 1969. Vol. 1. № 1. P. 49–98.
18. *Jewitt, Kress, 2003* – Jewitt C., Kress G.R. *Multimodal Literacy*. New York: Peter Lang, 2003. 196 p.
19. *Kress, 2001* – Kress G.R. *Multimodal Discourse: The modes and media of contemporary communication*. London, 2001. 142 p.
20. *Lemke, 2002* – Lemke J.L. *Travels in Hypermodality* // *Visual Communication*, 1 (3), pp. 299–325.

References

1. *Arutyunova, 1999* – Arutyunova N. D. *Language and the human world*. M., 1999. 896 p.
2. *Bryzgunova, 1980* – Bryzgunova E. A. *Intonation* // *Russian Grammar* / N.Y. Shvedova. M., 1980. Vol. I. Pp. 96–122.
3. *Bulanin, 1970* – Bulanin L. L. *Phonetics of the Modern Russian Language*. M., 1970. 209 p.
4. *Butovskaya, 2004* – Butovskaya M. L. *Body Language: Nature and Culture*. M., 2004. 440 p.
5. *Voroshilova, 2013* – Voroshilova M. B. *Political creolised text: keys to reading*; Ural State Pedagogical University. Ekaterinburg, 2013. 194 p.
6. *Kazakova, 2016* – Kazakova E. I. *Texts of a new nature: problems of interdisciplinary research*. *Psychological Science and Education*, 2016. 4. P. 102–109.
7. *Kibrick, 2009* – Kibrick A. A. *Modus, genre and other parameters of discourse classification*. *Voprosy lingvostaniya*, 2009. 2. P. 3–21.
8. *Kibrik, 2010* – Kibrik A. A. *Multimodal linguistics*. M., 2010. No 4. P. 134–152.
9. *Kreidlin, 2002* – Kreidlin G. E. *Neverbal semiotics*. M., 2002. Pp. 98–125.
10. *Kreidlin, 2014* – Kreidlin G. E. *Semiotic conceptualisation of the body and the problem of multimodality*. *Ecology of language and communicative practice*, 2014. No 2. Pp. 100–120.
11. *Creolised text...*, 2020 – *Creolised text: semantic perception*. Collective monograph / Edited by I. V. Vashunina. M., 2020. 206 p.
12. *Lisaridi, Nurmukhambetova, 2014* – Lisaridi E. K., Nurmukhambetova B. N. *Interrelation of verbal and non-verbal communication*. *Bulletin of KazNMU*. 2014. No 1. Pp. 362–363.
13. *Potapova, Potapov, 2006* – Potapova R. K., Potapov V. V. *Language, speech, personality*. M., 2006. 496 p.
14. *Potapova, Potapov, Komalova, 2020* – Potapova R. K., Potapov V. V., Komalova L. R. *Perception of multimodal mono- and polyethnic communication* / ed. by L. R. Komalova. M., 2020. 210 p.
15. *Pugach, 2016* – Pugach V. E. *Texts of 'new nature' and culture*. *Materials of the VIII International Scientific and Practical Conference 'Pedagogy of the text'*. SPb, 2016. Pp. 20–24.
16. *Chigaev, 2010* – Chigaev D. P. *Ways of creolisation of the modern advertising text: thesis abstract...* M., 2010. 24 p.

17. *Ekman, 1969* – Ekman P. The Repertoire of Nonverbal Behaviour: Categories, Origins, Usage and Coding. *Semiotica*, 1969. Vol. 1. 1. Pp. 49–98.
18. *Jewitt, Kress, 2003* – Jewitt C., Kress G.R.. Multimodal Literacy. New York: Peter Lang, 2003. 196 p.
19. *Kress, 2001* – Kress G. R. Multimodal Discourse: The modes and media of contemporary communication. London, 2001. 142 p.
20. *Lemke, 2002* – Lemke J. L.. Travels in Hypermodality. *Visual Communication*, 2002, 1 (3), pp. 299–325.

Информация об авторе / Information about the author

Бральнин Дмитрий Олегович

Dmitry O. Bralnin

преподаватель кафедры русской филологии, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина 167001, Россия, Сыктывкар, Октябрьский пр., 55

Lecturer at the Department of Russian Philology, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University 55, Oktyabrsky Prosp., Syktyvkar, 167000, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

19.02.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

12.03.2024

Принята к публикации / Accepted for publication

13.03.2024

Научная статья / Article

УДК 070

<https://doi.org/10.34130/2306-8450-2024-1-13>

Медиаобраз города Сыктывкара в сетевых СМИ Республики Коми

Алексей Александрович Бешкарев¹, Ольга Владимировна Пыстина²

^{1,2}Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия

¹beshi@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-6731-4712>

²olga-pystina@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-6148-5070>

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение способов формирования медиаобраза столицы Республики Коми (города Сыктывкара) в региональном медиапространстве. Объектом исследования послужили публикации СМИ из первой десятки самых популярных официальных медиа региона, а именно: информационных агентств «БНК», «Комиинформ» и «КомиОнлайн», портала «ProГород Сыктывкар» и сетевой версии газеты Правительства и Государственного совета Республики Коми «Республика» за 2020–2024 гг. Научная новизна работы заключается в определении основных тематических аспектов освещения образа Сыктывкара в региональном медиаполе. В результате анализа выявленных тем определено, что в указанных СМИ складывается в целом положительный образ столицы Республики Коми, связанный с такими тематиче-

скими группами, как «безопасность», «экология», «культура», «спорт», «образование», «здравоохранение», «экономика» и «достопримечательности». Журналисты официальных СМИ заинтересованы в том, чтобы изображать общую городскую ситуацию как в целом нормальную, без серьезных проблем, хотя неизбежно касаются их при освещении событий, связанных с безопасностью городской среды (криминал, ДТП), экологией (вредные выбросы предприятий, качество воды и воздуха), медициной (заболевания, карантин) и т.д., однако и в этих случаях основной акцент делают на решении властями региона этих проблем.

Ключевые слова: медийный образ, образ города, Сыктывкар, сетевые СМИ, тематика, новости, региональные медиа

Для цитирования: Бешкарев А. А., Пыстина О. В. Медиаобраз города Сыктывкара в сетевых СМИ Республики Коми // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2024. № 1. С. 13–20. <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2024-1-13>

Media image of Syktyvkar city in online media Komi Republic

Alexey A. Beshkarev¹, Olga V. Pystina²

^{1,2} Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

¹beshi@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-6731-4712>

² olga-pystina@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-6148-5070>

Abstract. *The purpose of the article is to consider the ways of forming the media image of the capital of the Komi Republic (Syktyvkar) in the regional media. The object of the study is media coverage in the top ten most popular official media in the region, namely: the BNK (BNKomi), Komiinform and KomiOnline news agencies, the Syktyvkar City portal and the online version of the newspaper of the Government and the State Council of the Komi Republic "Republic" for 2020-2024. The scientific novelty of the work is to identify the main thematic aspects of highlighting the image of Syktyvkar in the regional media. As a result of the identified topics analysis, the conclusion is made that in these media present a generally positive image of the capital of the Komi Republic associated with such thematic groups as "security", "ecology", "culture", "sports", "education", "healthcare", "economy" and "attractions". Journalists of the official media are interested in portraying the overall urban situation as common in general, without serious problems, although inevitably considering them when covering events related to the safety of the urban environment (crime, road accidents), ecology (harmful emissions from enterprises, water and air quality) and medicine (diseases, quarantines), etc. However, in these cases, the main focus is on solving these problems by the authorities of the region.*

Keywords: media image, image of the city, Syktyvkar, network media, topics, news, regional media

For citation: Beshkarev A. A., Pystina O. V. Media image of Syktyvkar in the online media of the Komi Republic. *Vestnik Syktyvkarского университета. Seriya gumanitarnykh nauk = Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series.* 2024, 1: 13–20. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2024-1-13>

На современном этапе возрос научный интерес к исследованию медиаобразов различных стран, регионов, городов. Например, стоит назвать коллективную монографию «Медиаобраз региона в современной массовой коммуникации», которая посвящена как вопросам теории медиаобраза, так и осмыслению практик

репрезентации России и ее отдельных регионов, а также некоторых иностранных государств в современной массовой коммуникации [Медиаобраз..., 2022].

В узком значении медиаобраз – это «фрагменты реальности, описанные в текстах только профессиональных журналистов, отражающих их мировоззрение, ценностные ориентации, политические предпочтения, а также психологические качества; в широком значении "медиаобраз" – это образ реальности, конструируемый во всех текстах, созданных в медиaprостранстве (профессиональными журналистами, блогерами, интернет-пользователями и т. д.)» [Галинская, 2013, с. 91]. То есть, по мнению исследователей, если в узком значении медиаобраз формируется журналистами в процессе специального конструирования фрагментов реальности, то в широком он предполагает спонтанное создание реальности в процессе интернет-общения между адресантом медиатекста и его реципиентами [Там же]. В рамках настоящего исследования «медиаобраз» будем трактовать как образ реальности, конструируемый во всех текстах, созданных в медиaprостранстве как профессиональными журналистами, так и блогерами, интернет-пользователями и т. д. В свою очередь, медиаобраз города в статье понимается как обобщенное представление о нем, которое создается средствами массовой информации в результате отражения в журналистских материалах тех или иных особенностей полиса.

Целью статьи является рассмотрение способов формирования медиаобраза столицы Республики Коми города Сыктывкара в региональном медиaprостранстве. Материалом послужили официальные СМИ республики, а именно информационные агентства «БНК» и «Комиинформ», сетевое издание «КомиОнлайн», сайт газеты «Республика» и портал «ProГород Сыктывкар» за период с 2020 по 2024 гг. Для характеристики медиаобраза г. Сыктывкара была произведена выборка из тех СМИ, которые входят в десятку самых популярных в регионе [Республика Коми: рейтинг СМИ за 2022 год]. В настоящее исследование не включены популярные гражданские медиа, которые представляют образ территории в ироническом ключе [см.: Бешкарев, Пыстина, 2022]. При выборе публикаций о Сыктывкаре использовался критерий событийности, то есть в исследование не попали новости, касающиеся таких «повседневных» тем, как погода, расписание поездов, автобусов и т. п.

В основе изучения медиаобраза города лежат работы Л. Н. Везнер [Везнер, 2014], Н. Ф. Дмитриевской [Дмитриевская, 1999], М. С. Кагана [Каган, 2006], А. Н. Люлько [Люлько, 2011], Н. В. Мамоновой [Мамонова, 2022], Е. А. Рыжовой [Рыжова, 2022], Е. А. Шевченко [Шевченко, 2022] и др. Имеющаяся научная литература показывает, что единого подхода к выделению структуры образа города не существует. Как правило, в исследованиях широко распространено описание образа города с помощью лежащих в его основе текстов: публикаций в интернете, СМИ, выступлений представителей власти, мнений жителей и др. Как считает Н. Ф. Дмитриевская, образ города формируется под влиянием таких факторов, как экономическая ситуация, значимые перемены в городской

среде, политика органов государственной власти, различные технические новшества [Дмитревская, 1999, с. 113–114]. Опираясь на работу М. С. Кагана, к этому перечню можно добавить такие факторы, определяющие своеобразие города, как климатические условия и характер ландшафта, социальный статус города и основные направления деятельности его жителей, архитектурный облик и культурная жизнь [Каган, 2006, с. 17–19].

Анализ СМИ Республики Коми показал, что журналисты часто пишут о Сыктывкаре или упоминают его в своих публикациях, раскрывая существенные особенности образа столицы республики. Тематическое пространство текстов о Сыктывкаре в региональных медиа можно разделить на несколько смысловых блоков: 1) безопасность городской среды, 2) экология, 3) культурная жизнь города, 4) спорт, 5) образование, 6) медицина (здравоохранение), 7) экономическая сфера, 8) городские достопримечательности.

1. Одним из главных информационных поводов для публикаций о Сыктывкаре является **безопасность городской среды**. Этот блок самый многочисленный, что закономерно, поскольку безопасность – одна из базовых потребностей индивида. В качестве примеров можно привести следующие новости: «В ноябре "Сыктывкарский водоканал" планирует перейти на новый обеззараживающий реагент "Унико"» (<https://www.bnkomi.ru/data/news/164223/>. 20.10.2023), «В Коми за 2023 год зарегистрировано 18 преступлений террористической и экстремистской направленности» (<https://komiinform.ru/news/258724?ysclid=lrchkjgk5d93042397>. 28.11.2023), «Сыктывкар занял 159-е место в рейтинге городов по качеству жизни» (<https://komionline.ru/news/syktvykar-zanyal-159-mestov-rejtinge-gorodov-po-kachestvu-zhizni>. 14.01.2020), «Дороги без опасности» (<http://respublika11.ru/2021/04/01/dorogi-bez-opasnosti/>. 01.04.2021), «В Сыктывкаре автобусы начнут останавливать для проверки» (<https://pg11.ru/news/100400.31.07.2023>).

Для местных жителей важным является ощущение безопасности, удобства и комфорта, поэтому журналисты фиксируют то, что мешает этому осуществляться. Большинство материалов этой группы относится к проблемным, изображающим жизнь Сыктывкара как в целом не вполне безопасную, с большим количеством транспортных происшествий и криминальных инцидентов. Даже в тех случаях, когда авторы говорят об усилиях местных властей, направленных на общее улучшение обстановки, можно заключить, что проблемы города, хоть и решаются, но с трудом.

2. Авторы региональных изданий часто освещают жизнь Сыктывкара через призму **экологии**. Так, СМИ информировали аудиторию о том, что «Сыктывкарская ЦВК снизит выбросы в атмосферу» (<https://www.bnkomi.ru/data/news/159633/>. 22.06.2023), «В Сыктывкаре участники пришкольных лагерей собрали за лето 213 кг макулатуры» (<https://komiinform.ru/news/254757?ysclid=lrcht875so621069460>. 27.08.2023), «Сыктывкарцы снова жалуются на неприятный запах воды» (<https://komionline.ru/news/syktvykarczy-snova-zhaluyutsya-na>

nepriyatnyj-zapah-vody. 09.01.2024), «В Сыктывкаре пройдут общегородские субботники» (<http://respublika11.ru/2022/04/20/v-syiktyivkare-proyduť-obshhegorodskie-subbottniki/>. 20.04.2022), «В Коми завезли семена подсолнечника с опасным агрессивным сорняком» (<https://pg11.ru/news/97210>. 03.04.2023).

В этом блоке можно отметить следующую тенденцию: те СМИ, которые работают на благоприятный имидж местных властей и в той или иной степени финансируются из бюджета («БНК», «Комиинформ» и «Республика»), чаще обращают внимание на действия, нацеленные на снижение нагрузки на окружающую среду, а независимые («КомиОнлайн» и «ProГород Сыктывкар») освещают в первую очередь негативные для природы последствия деятельности людей. В силу этого экологическая сторона медиаобраза Сыктывкара в СМИ предстает противоречивой.

3. Следующий крупный блок выявленных текстов – о культурной жизни города: «В Сыктывкаре завершается подготовка к шоу в честь 100-летия Коми» (<https://www.bnkomi.ru/data/news/147978/>. 21.08.2022), «XXXI Сыктывкарская тулыс откроется "Фиалкой Монмартра"» (<https://komiinform.ru/news/212913>. 27.03.2021), «Более 600 участников собрали Арктические Дельфийские игры в Сыктывкаре» (<https://komionline.ru/news/bolee-600-uchastnikov-sobrali-arkticheskie-delfijskie-igry-v-syiktyivkare>. 24.11.2023), «Обменные гастроли: Сыктывкар – Киров» (<https://respublika11.ru/2023/03/13/obmennyie-gastroli-syiktyivkar-kirov/>. 13.03.2023), «В "Универвидении-2023" в Сыктывкаре победил с песней собственного сочинения студент из Москвы» (<https://pg11.ru/news/103364>. 12.11.2023).

В подобного рода публикациях можно найти информацию о концертах, фестивалях, гастролях популярных артистов, театральных постановках. В 2022 г. заметное место занимали новости о праздновании 100-летия Коми. В целом этот блок материалов представляет Сыктывкар как город с высокой культурной активностью.

4. Достаточно часто появляется информация о спортивной жизни Сыктывкара: «На "Сыктывкарской лыжне" выступит олимпийский чемпион Сергей Устюгов» (<https://www.bnkomi.ru/data/news/165445/>. 22.11.2023), «В Сыктывкаре более 100 спортсменов соберет турнир по рукопашному бою памяти героя России А. Власенкова» (<https://komiinform.ru/news/258544?ysclid=lrcj2o377z712735875>. 24.11.2023), «ХК "Строитель-Сыктывкар" продолжает подготовку к сезону высшей лиги России» (<https://komionline.ru/news/hk-stroitel-syiktyivkar-prodolzhaet-podgotovku-k-sezonu-vysshej-ligi-rossii>. 21.10.2023), «В столице Коми впервые прошли старты по свимрану» (<https://respublika11.ru/2023/07/17/v-stolitse-komi-vpervyie-proshli-startyi-po-svimranu/>. 17.07.2023), «Кровь, скорая помощь и досрочные победы: как прошел турнир Parma Fights в Сыктывкаре» (<https://pg11.ru/news/94775>. 05.12.2022).

Можно заключить, что в Сыктывкаре достаточно развита спортивная сфера. В региональных СМИ город позиционируется как место, где жители придержи-

ваются здорового образа жизни, занимаются в разнообразных спортивных секциях. Особенно много публикаций посвящено лыжным гонкам, что связано с подходящими погодными условиями и традициями региона. Кроме того, отмечается, что в Сыктывкаре проводятся соревнования различного уровня, на которые приезжают представители других регионов России.

5. Авторы региональных СМИ обращаются также к теме **образования**: «Как при масштабном ремонте школ в Сыктывкаре организуют прием в первые классы» (<https://www.bnkomi.ru/data/news/164641/>. 31.10.2023), «В сыктывкарских школах увеличится число учащихся во вторую смену» (<https://komiinform.ru/news/258172>. 15.11.2023), «Свыше 60 процентов сыктывкарцев выступают за отмену ЕГЭ» (<https://komionline.ru/news/svyshe-60-proczentov-sykyvkarczev-vystupayut-za-otmenu-ege>. 10.03.2023), «Учитель из Сыктывкара в числе лучших в стране» (<http://respublika11.ru/2023/09/28/uchitel-iz-sykytyvkara-v-chisle-luchshih-v-strane/>. 28.09.2023), «Сколько зарабатывают педагоги дошкольного образования в Коми» (<https://pg11.ru/news/101579>. 08.09.2023). Кроме того, с мая по октябрь встречается много публикаций, в которых абитуриентов агитируют поступать в учебные заведения города, а в 2020–2023 гг. большое количество новостей касается карантинных мероприятий в учреждениях.

В целом ситуация в образовательной сфере в подобных сообщениях рисуется как нормальная, лишенная значительных проблем и отличающаяся отдельными достижениями вроде побед местных учителей в конкурсах разных уровней.

6. Освещение событий в сфере **медицины (здравоохранения)** носит системный характер: «В Коми заболеваемость ОРВИ ниже эпидпорога, а в Сыктывкаре – выше» (<https://www.bnkomi.ru/data/news/156380/>. 28.03.2023), «В Сыктывкаре эпидпорог по гриппу и ОРВИ превышен только среди взрослого населения» (<https://komiinform.ru/news/248888?ysclid=lrcli1f59j952951027>. 11.04.2023), «Карантин по птичьему гриппу ввели в Сыктывкаре и Сыктывдинском районе» (<https://komionline.ru/news/karantin-po-ptichemu-grippu-vveli-v-sykytyvkare-i-sykytyvdinskom-rajone>. 06.07.2023), «Республиканской больнице пора возвращаться к обычному режиму работы» (<https://respublika11.ru/2021/01/29/respublikanskoy-bolnitse-pora-vozvrashhatsya-k-obyichnomu-rezhimu-raboty/>. 29.01.2021), «"Сразу видишь результат": фельдшер из Сыктывкара рассказал, как выбрал работу в "скорой"» (<https://pg11.ru/news/100283?ysclid=lr32yr2bf980359718>. 27.07.2023).

В исследуемый период чаще всего встречаются публикации об эпидемиях гриппа, COVID-19 и вакцинации против них, об итогах диспансеризации, карантинах по различным заболеваниям. Информация, касающаяся здоровья граждан, так же важна аудитории, как и вопросы безопасности. Как можно заметить, авторы новостей официальных СМИ стремятся снизить уровень тревожности своих сообщений, обращая внимание на позитивные процессы в области здравоохранения: введение карантинных мер, снижение числа заболевших, налаженную работу больниц и т. д.

7. Экономическая сфера жизни города также активно освещается медиа Республики Коми: «Сыктывкарская компания "Кофе Плюс" подтвердила соответствие международным стандартам» (<https://www.bnkom.ru/data/news/167285/>. 12.01.2024), «В Сыктывкаре утвердили перечень инвестиционных проектов на 2024–2026 годы» (<https://komiinform.ru/news/260571>. 15.01.2024), «Администрация Сыктывкара делится планами развития Лесозавода» (<https://komionline.ru/news/administracziya-syktvykara-delitsya-planami-razvitiya-territorii-lesozavoda>. 12.01.2024), «Энергосберегающий объект в Вильтыдоре» (<https://respublika11.ru/2022/11/17/energoberegayushhiy-obekt-v-vyilytidore/>. 17.11.2022), «На одном из сыктывкарских предприятий индексируют зарплату сотрудников на 7,5 процента» (<https://pg11.ru/news/104287>. 25.12.2023).

Публикации этой новостной группы, как правило, касаются крупных объектов инфраструктуры: сетей заведений общепита, предприятий, бизнес-проектов. Информационными поводами для них становятся планируемые или уже случившиеся изменения в их работе. Эти сообщения обычно обращены в будущее и рисуют Сыктывкар как активно развивающийся населенный пункт с большим экономическим потенциалом.

8. Городские достопримечательности. Встречаются публикации, посвященные туристической репрезентации Сыктывкара, которые упоминают такие объекты инфраструктуры города, как Свято-Стефановский кафедральный собор, пожарная каланча, часовня Новомучеников и Исповедников Российских, памятник И. А. Куратову, музей олимпийской чемпионки Раисы Сметаниной, дом-музей И. П. Морозова, Национальная галерея Республики Коми, памятник М. С. Бабушкину, торговый дом Дербеневых, мемориал «Вечная слава», скульптура «Рассвет над Чукоткой», Музей истории просвещения Коми края, памятник букве «ё», памятник «Купеческий сундук» и др. Примерами могут служить следующие публикации: «Коми станет частью музейных маршрутов Серебряного ожерелья России» (<https://www.bnkom.ru/data/news/154170/>. 28.01.2023), «Первые гости выставки "Россия" знакомятся с Республикой Коми» (https://komiinform.ru/news/_257747. 04.11.2023), «Итоги народного голосования за легенды Сыктывкара подвели в День города» (<https://komionline.ru/news/itoginardnogo-golosovaniya-za-legendy-syktvykara-podveli-v-den-goroda>. 12.06.2021), «Скамейки с древними буквами» (<https://respublika11.ru/2022/11/22/skameyki-s-drevnimi-bukvami/>. 22.11.2022), «"Русские перцы" сами приготовили шаньги по-коми и прогулялись по Сыктывкару» (<https://pg11.ru/news/100141>. 21.07.2023).

Опираясь на публикации региональных СМИ, можно заключить, что основными факторами, влияющими на символическое воспроизведение образа Сыктывкара, являются визуальные символы города (памятники, исторические локации, уникальные для региона места, как, например, поле с подсолнухами, подходящее для необычной фотосессии, и др.). При этом значительную роль в формировании образа столицы Коми играют знаковые персоны, а также как стихийные,

так и специально созданные объекты, что говорит о неоднородности медиаобраза города.

Итак, исследователи часто обращаются к проблеме репрезентации образа города, причем в качестве источниковой базы могут выступать современные медиа. В научной литературе актуален подход к анализу медиаобраза города с точки зрения факторов, которые влияют на его формирование. Анализ образа Сыктывкара в региональных СМИ свидетельствует о его многокомпонентности. При исследовании отобранных публикаций мы разделили их по тематической направленности на несколько основных групп, связанных с наиболее актуальными для аудитории новостными поводами. Демонстрируя преимущественный интерес к изображению общей ситуации в городе как в целом нормальной, лишенной серьезных недостатков, в то же время журналисты смогли избежать односторонности в отражении жизни в Сыктывкаре и представляли его как город с богатой культурой и спортивной жизнью, развитыми экономикой, образованием, туристической инфраструктурой, а также знакомили читательскую аудиторию с ключевыми проблемами столицы в области медицины, экологии и безопасности.

Список источников

1. *Бешкарев, Пыстина, 2002* – Бешкарев А. А., Пыстина О. В. Медийный образ Республики Коми в региональных юмористических сообществах «ВКонтакте» «Коми мемьяс» и «Территория мечты» // Медиаобраз региона в современной массовой коммуникации : монография / науч. ред. Е. Н. Ильина. Вологда: ВоГУ, 2022. С. 152–158.
2. *Везнер, 2014* – Везнер Л. Н. Структура образа города: основные теоретические подходы // Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 4. С. 221–224.
3. *Галинская, 2013* – Галинская Т. Н. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике // Вестник Омского государственного университета. 2013. № 11 (160). С. 91–94.
4. *Дмитревская, 1999* – Дмитревская Н. Ф. Образ города как социальный феномен. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 1999. 191 с.
5. *Каган, 2006* – Каган М. С. Град Петров в истории русской культуры. СПб.: Паритет, 2006. 480 с.
6. *Люлько, 2011* – Люлько А. Н. Имидж города и факторы, влияющие на его формирование // Власть. 2011. № 8. С. 71–73.
7. *Мамонова, 2022* – Мамонова Н. В. Когнитивные механизмы и языковые средства создания медиаобраза Челябинска // Медиаобраз региона в современной массовой коммуникации: монография / науч. ред. Е. Н. Ильина. Вологда: ВоГУ, 2022. С. 214–224.
8. *Медиаобраз региона..., 2022* – Медиаобраз региона в современной массовой коммуникации: монография / науч. ред. Е. Н. Ильина. Вологда: ВоГУ, 2022. 329 с.
9. *Республика Коми: Рейтинг СМИ..., 2022* – Республика Коми: рейтинг СМИ за 2022 год // Медиалогия. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/11850/> (дата обращения: 12.01.2024).
10. *Рыжова, 2022* – Рыжова Е. А. Медиаобраз города Усть-Сысольска – Сыктывкара в региональных изданиях первой трети XX века // Медиаобраз региона в современной массовой коммуникации: монография / науч. ред. Е. Н. Ильина. Вологда: ВоГУ, 2022. С. 137–143.

11. *Шевченко, 2022* – Шевченко Е. А. Имидж города Сыктывкара в демотиваторах // Медиаобраз региона в современной массовой коммуникации: монография / науч. ред. Е. Н. Ильина. Вологда: ВоГУ, 2022. С. 159–165.

References

1. *Beshkarev, Pystina, 2022* – Beshkarev A. A., Pystina O. V. Media image of the Komi Republic in the regional humorous communities "VKontakte" "Komi Memyas" and "Territory of Dreams". *Media image of the region in modern mass communication: monograph / scientific*. ed. E. N. Ilyina. Vologda: Vologda State University, 2022. Pp. 152–158.

2. *Vezner, 2014* – Vezner L. N. Structure of the city image: main theoretical approaches. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2014. No. 4. Pp. 221–224.

3. *Galinskaya, 2013* – Galinskaya T. N. The concept of media image and the problem of its reconstruction in modern linguistics. *Bulletin of Omsk State University*. 2013. No. 11 (160). Pp. 91–94.

4. *Dmitrevskaya, 1999* – Dmitrevskaya N. F. The Image of the City as a Social Phenomenon. SPb.: Publishing House of SPbSUEF, 1999. 191 p.

5. *Kagan, 2006* – Kagan M. S. The City of Petrov in the History of Russian Culture. SPb.: Parity, 2006. 480 p.

6. *Lyulko, 2011* – Lyulko A. N. The Image of the City and Factors Influencing its Formation. *Vlast*. 2011. No. 8. Pp. 71–73.

7. *Mamonova, 2022* – Mamonova N. V. Cognitive Mechanisms and Linguistic Means of Creating a Media Image of Chelyabinsk. *Media Image of the Region in Modern Mass Communication: Monograph / Scientific* Ed. E. N. Ilyina. Vologda: Vologda State University, 2022. Pp. 214–224.

8. *Media Image, 2022* – Media Image of the Region in Modern Mass Communication: Monograph / Scientific Ed. E. N. Ilyina. Vologda: VoSU, 2022. 329 p.

9. *Komi Republic, 2022* – Komi Republic: media rating for 2022. *Medialogy*. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/11850/> (accessed: 12.01.2024).

10. *Ryzhova, 2022* – Ryzhova E. A. Media image of the city of Ust-Sysolsk - Syktyvkar in regional publications of the first third of the 20th century. *Media image of the region in modern mass communication: monograph / scientific*. ed. E. N. Ilyina. Vologda: VoSU, 2022. Pp. 137–143.

11. *Shevchenko, 2022* – Shevchenko E. A. Image of the city of Syktyvkar in demotivators. *Media image of the region in modern mass communication: monograph / scientific*. ed. E. N. Ilyina. Vologda: VoGU, 2022. pp. 159–165.

Информация об авторах / Information about the authors

Бешкарев Алексей Александрович

кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина
167001, Россия, Сыктывкар, Октябрьский пр., 55

Alexey A. Beshkarev

Candidate of Philology, Associate Professor of Journalism Department, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

55, Oktyabrsky Prosp., Syktyvkar, 167000, Russia

Пыстина Ольга Владимировна

Olga V. Pystina

кандидат филологических наук, доцент
кафедры журналистики, Сыктывкарский
государственный университет имени Пи-
тирима Сорокина
167001, Россия, Сыктывкар, Октябрьский
пр., 55

Candidate of Philology, Associate Professor
of Journalism Department, Pitirim Sorokin
Syktyvkar State University

55, Oktyabrsky Pros., Syktyvkar, 167000,
Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	10.05.2024
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	12.05.2024
Принята к публикации / Accepted for publication	15.05.2024

Научная статья / Article

УДК 372.881.161.1

<https://doi.org/10.34130/2306-8450-2024-1-22>

Пермь, ее обитатели в художественном пространстве В. Т. Феорова (1794–1835) и мире внетекстовой реальности

Людмила Андреевна Бруцкая

независимый исследователь, Пермь, Россия

l.bruckaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5236-7862>

***Аннотация.** В статье исследуется биография учителя Пермской гимназии, поэта Василия Тихоновича Феорова (1794–1835) и его творчество как источник потаенной истории провинциальной повседневности первой трети XIX в., истории субъективности.*

***Ключевые слова:** Феоров, Пермь, художественное пространство, внетекстовая реальность*

Для цитирования: Бруцкая Л. А. Пермь, ее обитатели в художественном пространстве В. Т. Феорова (1794–1835) и мире внетекстовой реальности // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2024. № 1. С. 22–38. <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2024-1-22>

Perm, its inhabitants in V. T. Feonov's (1794–1835) artistic space and the world of extra-textual reality

Lyudmila A. Brutskaya

Independent Researcher, Perm, Russia

l.bruckaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5236-7862>

***Abstract.** The article examines the biography of the Perm gymnasium teacher, poet Vasily Tikhonovich Feonov (1794-1834/35) and his work as a source of the hidden history of provincial everyday life in the first third of the 19th century, the history of subjectivity.*

Keywords Feonov, Perm, artistic space, extra-textual reality

For citation: Brutsкая L. A. Perm, its inhabitants in V. T. Feonov's (1794–1835) artistic space and the world of extra-textual reality. *Vestnik Syktyvkarского университета. Seriya gumanitarnykh nauk = Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series*. 2024, 1: 22–38. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2024-1-22>

Вам все равно, а мне – покой:
я долг исполню перед теми,
кого заштриховало время
в блокноте жизни городской.

[Лаврентьев, 2004, с. 5]

В данной статье художественное пространство анализируется в соответствии с определением Ю. М. Лотмана как «континуум, в котором размещаются персонажи и совершается действие» [Лотман, 1988, с. 258]. Но оно не «пассивное вместилище героев и сюжетных эпизодов. Соотнесение его с действующими лицами и общей моделью мира, создаваемой художественным текстом, убеждает в том, что язык художественного пространства не пустотелый сосуд, а один из компонентов общего языка, на котором говорит художественное произведение» [Лотман, 1998, с. 277].

Отношения мира текстов и внетекстовой реальности испытывали различные колебания. В. Абашев отмечает: «Есть род писателей-топофилов с особенно обостренным чувством пространства и места...» [Абашев, 2008, с. 476]. Одним из них был В. Т. Феонов. Для него характерно, как отмечал Г. Н. Бурцев, реалистичное описание тогдашних порядков, «иногда со скрупулёзной дотошностью»; «прямолинейное и точное, можно сказать летописное следование историческим фактам...» [Бурцев, 2003, с. 5, 56]. В данной статье биография В. Т. Феонова и его творчество исследуются как источник потаенной истории провинциальной повседневности в первой трети XIX в., ведь «человек, его образ жизни и его поведение, то, каким он предстает в глазах других и в своих собственных глазах, оставляет след в воспоминаниях других после его смерти, этот образ жизни, этот его образ, этот след становятся предметом эстетической озабоченности», аспектом истории субъективности [Фуко, 2014, с. 169].

Творчество Феонова анализируется по публикации Г. Н. Бурцева «Стихи В. Т. Феонова. (Первое собрание произведений, найденных в разных литературных источниках)» [Бурцев, 2003, с. 71–124]. Ссылки на страницы этого издания приводятся в круглых скобках.

В историографии сведения о жизни и творчестве Василия Тихоновича Феонова противоречивы. Их обзор представляет В. С. Колбас. О публикациях Феонова и рукописных списках его сочинений писал Г. Н. Бурцев [Бурцев, 2003, с. 13, 20, 37–46, 48, 56–59, 61–62]. Творчество поэта он популяризировал в средствах массовой информации [Бурцев, 1993, с. 47–48]. Благодаря поискам казанских и вятских краеведов были внесены поправки в даты жизни поэта: датой его

рождения назывался то 1791, то 1794 г., упокоение относилось к 1834 или 1835 г. Место рождения приурочивалось к Казанской губернии, недалеко от Казани, «по арской дороге» [Бурцев, 2003, с. 48]. Но Н. П. Изергина отметила, что поэт был сыном «коренного вятского крестьянина Тихона Емельяновича Феонова», рожденным в 1794 г. [Изергина, 1979, с. 28–30]. Поэтому «отрок Василий» учился в Вятской духовной семинарии в 1809–1811 гг., где писал «пакостные стихи», в которых высмеивал надзирателя и семинарские устои, за что был переведен в хлебопеки: «...на философии споткнулся, запил и был разжалован из учеников в хлебопеки». У печей простоял 1 год [Алексиевич, 1940, с. 131]. В этом очерке пересказывался текст без указания авторства, опубликованный Д. Д. Смышляевым [О Феонове, 1860]. Далее сообщалось: Феонов занялся самообразованием: «...занимаясь втихомолку, в свободное время чтением, он приобрел сведений более, чем мог дать ему семинарский курс. Тогда, бросивши печенье хлебов, он бежал в Казань и, по простоте старых времен, явился прямо на приемный университетский экзамен, выдержал его и был принят в число студентов» [О Феонове, 1860]. Фамилия Феонова имеет явно семинарское происхождение. В Вятской семинарии сложилась «школа пиитики».

П. А. Корчагин вслед за Т. Я. Анисимовой [Анисимова, 2002, с. 56] утверждает, что Феонов окончил курс этико-филологического факультета Казанского университета [Корчагин, 2009, с. 58]. Но в соответствии с уставом 1804 г. там функционировали два гуманитарных факультета: отделение нравственных и политических наук (7 кафедр), отделение словесных наук (6 кафедр) [Загоскин, 1902, с. 11]. Также при Казанском университете было создано особое учреждение – педагогический или учительский институт с особым директором, где обучались учителя «для гимназий и училищ, округ университета составляющих» [Загоскин, 1902, с. 18]. Пермь входила в состав этого округа.

Именно сюда был направлен кандидат латинской словесности В. Феонов, прослушавший полный трехгодичный университетский курс. Будучи студентом, он прекрасно освоил латынь, увлекался философией [Бурцев, 2003, с. 48]. Кандидаты обязывались подпискою прослужить не менее 6 лет в ведомстве Министерства народного просвещения. Отработавшие в его заведениях 3 года получали право на производство в адъюнкты Казанского университета, по штату – 12 человек [Загоскин, 1902, с. 18]. Впервые сочинение Феонова было опубликовано, когда он был студентом. Это «Ода, сочиненная и читанная 5 дня 1816 года, при торжественном собрании императорского Казанского университета студентом Василием Феоновым» (с. 110–120). В. О. Ключевский писал об этом времени: «Попечители учебных округов на торжественных актах произносили речи о политической свободе, называя ее «последним и возвышенным даром бога» [Ключевский, 1989, с. 209].

В. Т. Феонов поступил в Пермскую гимназию 4 сентября 1817 г. [Зверев, 1908, с. 28; Калинина, 1992, с. 89]. По уставу 1804 г. латинский язык преподавался 16 часов в неделю в 1–3 классах гимназий [Зверев, 1908, с. 28].

В. Т. Феонов совместно с известным пермским чиновником М. Г. Сведомским открыл в Перми вольную школу. Т. А. Калинина на основе архивных материалов Петербурга, Татарстана и Перми описала работу этого заведения нового типа. Основу функционирования школы были положены принципы и методы, разработанные Вольным обществом учреждения училищ по методу взаимного обучения в 1818 г. В это общество входили будущие декабристы, в том числе Н. А. Бестужев [Калинина, 1992, с. 48–54], друг архитектора И. И. Свйазева. В Государственном архиве Пермского края (далее – ГАПК) сохранилось дело об открытии ланкастерских школ в Перми 15 марта 1819 – 12 марта 1821 г. [Ф. 65. Оп. 4. Д. 223. 57 лл]. Это и другое дело из той же описи [Д. 91] пересказывались в очерке о губернаторе А. К. Криденере [*Пермские губернаторы*, 1997, с. 16].

Противником ланкастерских школ было Министерство духовных дел и народного просвещения во главе с А. Н. Голицыным, владевшим имением, которое граничило с Пермью. Л. Ф. Писарькова обнаружила и исследовала тайную бухгалтерию пермских владений Голицыных. Только в 1820 г. через их московскую контору было израсходовано 3300 рублей на взятки чиновникам Пермской губернии по ведомствам и классам [*Писарькова*, 2002, с. 38–41].

В противовес вольным школам был создан «Комитет учреждения училищ взаимного обучения» в Казанском учебном округе. Его попечителем стал М. Л. Магницкий. В. О. Ключевский отмечал его «в числе бойких сотрудников Сперанского», вместе с которым Магницкий попал в опалу в 1812 г., но «потом раскаялся в своих увлечениях и, заняв должность симбирского губернатора, показал большую ревность в противоположном, нелиберальном направлении. Эта ревность не по разуму послужила даже причиной потери губернаторского места. Почуввав перемену ветра, Магницкий поступил на службу по министерству просвещения и стал членом Главного управления училищ [*Ключевский*, 1989, с. 217]. Его направили на ревизию Казанского университета. В Казани он пробыл 6 дней и доложил в Петербург, что университет подлежит уничтожению. Император положил на доклад резолюцию: «зачем разрушать, можно исправить». Исправителем был послан Магницкий, назначенный попечителем Казанского учебного округа. Для него в 1820 г. была составлена инструкция по искоренению духа «вольнодумства и лжемудрия» [*Ключевский*, 1989, с. 217].

Об этом перевертыше О. М. Сомов написал эпиграмму:

Магницкий точно чудо:

Он в аде был бы бес,

На вечера – Июда,

А в революцию Сиес! [*Никитин*, 1884, с. 56].

Историки и краеведы возникновение школы взаимного обучения в Перми приписывали генерал-губернатору А. К. Криденеру, что подтверждалось письмом А. Н. Голицина к управляющему Министерством полиции от 6 сентября 1819 г., где указывалось, что почетный член Общества учреждения училищ А. Д. Балашов отнесся циркулярно ко всем начальникам губерний о содействии

Обществу в распространении училищ по методу взаимного обучения. Поэтому пермский губернатор предписал директору училищ Н. С. Попову учредить в Перми такую школу [Калинина, 1992, с. 49]. Перед вышестоящими они оба списывали с себя ответственность за открытие вольной школы. Ее создателями были титулярный советник Пермского губернского правления Михайло Сведомский, учитель и кандидат латинской словесности Василий Феонов. В подтверждение этого Т. А. Калинина публикует их рапорт гражданскому губернатору от 30 сентября 1819 г. [Калинина, 1992, с. 83–85]. В нем необходимость благотворительного заведения «в сем отдаленном краю» обосновывалась низким уровнем грамотности. Затруднения в работе школы, в том числе «малочисленность населения здешнего города... не могли погасить ревностного нашего усердия...» [Калинина, 1992, с. 83].

Пермский гражданский губернатор А. К. Криденер распорядился о выделении помещения. Школа была открыта при воспитательном доме Приказа общественного призрения в помещении, прежде принадлежавшем Главному народному училищу. Н. С. Попов в 1821 г. рапортовал Совету Казанского университета, что губернатор убедил «многих чиновников и другого звания любителей общественной пользы к значительным пожертвованиям». Было собрано 3541 р. 88 к. [Калинина, 1992, с. 51]. Губернская вертикаль власти остро нуждалась в грамотных служащих низшего звена, об этом свидетельствуют документы 1820 г. [Ф. 297. Оп. 1 Д. 457. 14 лл.].

М. Л. Магницкий указывал Попову: «...не нахожу даже никакого приличия, чтобы вы принимали какое-либо участие в сем деле, а за полезнейшее почитаю, дабы вы, не развлекаясь посторонними обязанностями, обратили все ваше внимание на приведение в должное устройство находящихся в ведении вашем гимназии и училищ» [Калинина, 1992, с. 52].

Угрозы не были пустыми. Состоялась ревизия учебных заведений Пермской губернии. Ее проводил визитатор Казанского учебного округа Петр Андреевич Словцов с 23 декабря 1820 по 12 сентября 1821 г. М. Г. Сведомский учтиво передал ему описание озер и болот [Кашихин, 1966, с. 146]. Магницкий просил ревизора пристальное внимание обратить на учителя Феонова. В особом представлении Словцов писал ему, что работа в ландкастерской школе не мешала Феонову выполнять свои обязанности в гимназии, где он не пропускал уроков, разве что по состоянию здоровья. Его ученики имели «отличные успехи... надлежит относить к чести гимназии то, что начальник губернии изволил отличить г. Феонова некоторым поручением, признав чрез то его благонарным и способным учителем...» [Калинина, 1992, с. 53]. Словцов и Феонов были одной крови. Об этом можно судить по биографии Андрея Петровича, который, в отличие от Магницкого, всю жизнь поддерживал отношения со М. М. Сперанским [Дмитриев, 1902, с. 32–34].

Несмотря на полученные установки, ревизор также дал положительную оценку работе вольной школы. Занятия в ней проводились до 1834 г., до объеди-

нения ее с приходским училищем, во многом благодаря кантонистам. Феонов учительствовал в военно-сиротском отделении школы. Работал с детьми низших слоев пермского общества. Здесь осваивали начала грамотности (чтение, письмо, арифметику). Феонов организовал и вел в Перми первые курсы повышения квалификации для учителей военно-сиротского отделения. Он метался с улицы Сибирской, где находилась гимназия, в Разгуляй и обратно. Поэт А. Кушнер тоже был учителем и со знанием дела заметил: «Кто преподавал в школе, знает, какая это изнурительная, изматывающая сердце работа...» [Кушнер, 2011, с. 289].

Магницкий сыграл роковую роль в судьбе пермского поэта, перекрыв возможность его возвращения в Казанский университет. Феонов так и «не смог оторваться от вязкого пермского клея» [Лаврентьев, 2004, с. 125].

Крепко тесное объятие.

Время – кожа, а не платье.

Глубока его печать [Кушнер, 2011, с. 72].

8 декабря 1828 г. был принят новый устав гимназий. В соответствии с ним усилилась сословность образования. Феонов, преподаватель русского языка, словесности, логики и риторики Пермской гимназии, был уволен в 1831 г. с должности в Пермской гимназии по прошению «за нетрезвую жизнь» [Зверев, 1908, с. 194–195]. В действительности – за публикации и распространение в рукописях стихов, «зловредных для лиц духовных и светских». Тогда директором Пермской гимназии был В. О. Грибовский, дослужившийся до чина надворного советника [Голубцов, 2002, с. 130. Комм. Л. С. Рафиенко].

Но еще до увольнения Феонов заложил пермскому купцу Дмитрию Агафонову книги на 260 рублей, которые прижимистый купец не возвращал [Шумилов, 2019, с. 313]. По одним сведениям, после гимназии Феонов работал в Пермской казенной палате, по другим – в губернском правлении. Но документальных подтверждений этих версий пока не удалось обнаружить. В сохранившемся архиве Пермской казенной палаты следы Феонова не обнаружены. В историографии стала общим местом ссылка на показание Д. Д. Смышляева о литературном наследстве поэта (сундук рукописей), сгоревшем в доме чиновника Пермской казенной палаты в 1842 г.

В кратком (нервном) времени событий (Ф. Бродель) пермского периода жизни Феонова важное значение имел поэтический круг его друзей. Близким коллегой был Павел Емельянович Размахнин (1796–1835). В ГАПК сохранилось несколько формулярных списков о работе его отца, Емельяна Игнатьевича. Например, в 1804 г. он служил в Верхотурском земском суде заседателем. Отмечалось: «Имеет сына Павла 6 лет. Находится при нем» [Ф. 36. Оп. 1. Д. 19. Л. 82 об. – 83]. С 1827 г. П. Е. Размахнин был старшим учителем Пермской гимназии, где преподавал историю и географию. Опубликован нарисованный им вид Перми из-за Камы, хранящийся в Пермской художественной галерее [Корчагин, 2009, с. 66]. Его стихи издавались в «Заволжском муравье» [Калинина, 1992, с. 89]. Старшие учителя получали 544 рубля. По дополнительным правилам для гимна-

зий от 27 марта 1819 г. кроме жалованья им предоставляли квартиру в гимназии или выплачивали квартирные деньги, выдавали 2 пуда свеч на год [Зверев, 1908, с. 32—33, 93]. Все это полагалось и Феонову как старшему учителю. Педагогический труд оплачивался ассигнациями. Курс ассигнационного рубля в 1820–1830 гг. постоянно колебался в сторону понижения, пока не был зафиксирован на уровне 28,57 коп. серебром и платиной или 3,5 ассигнационного рубля за серебряный рубль [Писарькова, 2002, с. 42]. В условиях революции цен прожить на одно жалованье было крайне трудно.

Выручала поддержка друзей. Василий Тихонович добрым другом считал архитектора И. И. Связева (1797–1875), уехавшего из Перми в 1732 г. Он имел собственный дом со слугами на ул. Сибирской [Воспоминания, 1871, с. 549]. Феонов называл его «мой друг», «добрый друг». В стихотворении «И. И. Связеву» он писал:

А ты, в бедах бесценный утешитель!
Союз души с родимою душой!
Храни меня, как Ангел мой хранитель,
От грубых благ, даруемых судьбой! (с. 97).

Стихотворение, написанное в популярном тогда жанре дружеского послания, отличается обилием восклицательных знаков, не характерных для творчества Феонова. Реальность, окружавшая поэтов, представленная в их творчестве, осуждалась.

Гражданская жена Связева, подруга детства Бестужевых, писала Екатерине Александровне: «...обстоятельства не благоприятны чувствам моего Ивана Ивановича: препятствуют служить ему в Горном уральском правлении ... где ни честность, ни ухищрения не дают дороги честному человеку, а ум и познания есть камень преткновения» [Терехин, 1970, с. 44]. С этим мнением совпадает текст Феонова в стихотворении «К золоту» (с. 83):

Будь честен, добр и благороден,
От низких слабостей свободен,
Будь с чином знатным, будь с умом:
Что в преимуществе таком?
Где сыщешь должное почтенье
И цену истинну ему?
Найдешь на каждом лишь шагу
Одни досады, огорченье.
Чего не терпит иногда
От тучной глупости дородной,
От ябеды высокородной
Полунагая правота.

Биография Феонова представлена в историографии публикациями, наполняющими библиографию, но не фактографию его жизни. Научно-справочный аппарат по большей части отсутствует или крайне скуден. Два примера переписы-

ваний приведены выше, их было намного больше. В 1925 г. о Феонове писал П. С. Богословский (1890–1966) в пермском журнале «Экономика». В подавляющем большинстве публикаций пересказываются сведения о Феонове, опубликованные Д. Д. Смышляевым [*Дмитриев, 1895*, с. 1–11; *1902*, 35–38:]. «Восприятие культурных явлений прошлого – результат прежде всего динамической встречи и взаимодействия культуры прошлого и интерпретационной культуры той эпохи, в которой произведение продолжает свою жизнь» [*Лихачев, 1981*, с. 95]. Сочинения Феонова отвечали языковому вкусу провинции, ее системе письменноречевой культуры. Искрометные импровизации легко запоминались, закреплялись в городских легендах, сохраненных для нас Д. Д. Смышляевым.

Следует уточнить, что упомянутый текст Е. Мухачева [*Бруцкая, 2023*, с. 10], вероятно, был дополнен Смышляевым. Короткая заметка о Феонове его не удовлетворила и он дописал ее без указания авторства гимназической легендой, отметив, что современники считали Феонова странным, и даже юродивым: «Как все это живо характеризует степень морального развития тогдашнего пермского общества и положение его, и вместе показывает и то, насколько выше этого общества был Феонов, сколько должен был выстрадать он душою прежде, чем окончательно загубили его крайняя бедность и угнетения!» Проказы Феонова «составляли единственное развлечение в грустной жизни его, среди людей, его не понимавших», писал Д. Д. Смышляев [*Мухачев, 1859*, с. 53].

Во второй книжке «Пермского сборника» были опубликованы воспоминания старожила об обучении Феонова в Вятской духовной семинарии и городская легенда: «Рассказывают о Феонове еще следующее. Однажды перед вскрытием рек сошлись в ротонде, существовавшей в Перми, на берегу Камы, до пожара 1842 года многие из пермяков. Между ними были Тюфяев с своими приближенными, откупщик Пономарев и Феонов. Слышались разные мнения: наконец, Тюфяев обратился к Феонову с вопросом: как он думает об этом? Феонов отвечал следующим экспромтом:

Дотоле ждать нельзя разлитья вод большова,

Пока здесь откупа в руках Пономарева... [*О Феонове, 1860*].

В розыгрыше Н. С. Попова (176–1834), случае в ротонде, Феонов описывался как человек, практикующий паресию, «человек, его образ жизни и его поведение, то, каким он предстает в глазах других и в своих собственных глазах, оставляет след в воспоминаниях других после его смерти, этот образ жизни, этот его образ, этот след становятся предметом эстетической озабоченности», эстетикой существования как важным историческим предметом [*Фуко, 2014*, с. 169] – эстетикой жизни. Паресия «устанавливает между тем, кто говорит, и тем, что он думает, жесткую, необходимую конструктивную связь, но проявляется она в форме риска, связывающего того, кто говорит, с тем, к кому он обращается... в силу самого воздействия правды, воздействия обидного, может привести к разрыву связи между тем, кто говорит, и тем, к кому он обращается» [*Фуко, 2014*, с. 23]. Именно так и произошло с директором Пермской гимназии Поповым, который

угрожал поэту карами. Воспоминания о Феонове, собранные Смышляевым, показывают «значимость скандальной манифестации нелицеприятной правды...» [Фуко, 2014, с. 193].

Исследователи творчества Феонова отмечают мужество образа действий мятежника в городской истории субъективности. Ю. М. Лотман сделал вывод, созвучный теории Фуко: «Во-первых социальная среда только в самых упрощенных социологических схемах выступает как нечто нерасчлененное, исключаящее разнообразие граней и преломлений. ... Во-вторых, для каждого человека социокультурная ситуация не только раскрывает некоторое множество путей, но и дает возможность разного отношения к этим путям, от полного принятия предложенной ему обществом игры до полного ее отрицания и попыток навязывания обществу некоторых новых, до него никем не практиковавшихся типов поведения. Отстаивая для себя более высокую степень свободы, человек, с одной стороны, принимает и более высокую меру общественно-моральной ответственности, а с другой – становится в более активную позицию к окружающей его действительности. Говоря на языке современников Белинского, оставаясь объектом истории, он одновременно делается и ее субъектом» [Лотман, 1988, с. 90]. Таким активистом был Феонов.

В творчестве поэта образ собственного «Я» встречается редко. Феонов в стихотворении «К деньгам» писал:

Но, видя в кошельке чахотку,
Забыл красавиц, пунш и водку –
И стал воздержан, как Сократ (88–89).

Чахотка – распространённое выражение того времени. Например, В. А. Жуковский под эпистолярной чахоткой подразумевал отвращение к регулярной переписке [Иезуитова, 1981, С. 80]. Ф. Раевский тоже сравнивал себя с Сократом: «Взирая, как Сократ...». П. А. Вяземский писал: «В чахотке честь» [Вольная, 1975, с. 105, 91]. А. С. Пушкин, К. Ф. Рылеев обращались к образу Рима и Афин [Там же, с. 120, 128]. И. И. Свиязев строил пермские ротонды и оформлял дома в римском стиле. Феонов использовал эти символы в ироническом ключе:

Египет, Греция и Рим,
Мы знать вас больше не хотим:
У нас своих затей немало,
Каких у вас и не бывало («Гимн Кириллу», с. 74).

Ю. М. Лотман отмечал: «Алфавит» символов того или иного поэта далеко не всегда индивидуален он может черпать свою символику из арсенала эпохи, культурного направления, социального круга. Символ связан с памятью культуры, и целый ряд символических образов пронизывает по вертикали всю историю человечества или большие ее ареальные пласты. Индивидуальность художника проявляется... в актуализации весьма архаических образов символического характера» [Лотман, 1988, с. 131]. Провинциальный поэт Феонов освоил литера-

турные тренды своего времени, использовал их в создании своего художественного мира.

В сатире «К деньгам» он писал, что его «в глаза называли чудаком» (с. 90). Ощущал себя как болван, простак, «рожденный / Вдали от города, в глуши, / Мечтами славы упоенный...». Создавал свой сатирический образ:

Бывало, разные затеи
Мой занимали вялый ум:
И ямбы, дактили, хорей
Слагал я часто наобум;
Писал акростихи, шарады,
Посланья, страшные баллады,
Хоть выходил несносный бред...
Ах! Бедность – тяжкая наука!
Но деньги, как мне жить без вас?
Без вас и жизнь – не жизнь, а мука ...
Без вас все скучно, неприятно,
Все бестолково, непонятно –
И я, как рак, стал на мели! (с. 90–91).

В «Совести» он открыто заявлял свое моральное кредо:

О, совесть, дар небес бесценный!
Тебя, восторгом упоенный,
Постичь стремится разум мой!
Ты есть – я опытом то знаю,
Ты есть – присутствуешь во мне,
Ты есть – я живо ощущаю... (с. 120–121).

Совесть для него – часть Создателя Вселенной. Она озаряет внутренность его души, «от зла добро мне отделила... Влила к пороку отвращенье, / А к добродетели стремленье. / И к ближнему любовь возжгла» (с. 122). Так он представил свой этический кодекс. Художественный мир Феонова «сам по себе, в своем существе является фактом истории, истории культуры, истории литературы и биографии автора... обращение к биографии и к истории в широком смысле этого слова необходимо... для его *понимания*» [Лихачев, 1981, с. 90].

Пермь, «наш город бедный, неизвестный», в котором обитают жалкие бедняки-пермяки, описывалась в памфлете «Гимн Кириллу» (с. 73–74) и поэме «Гиль» (с. 98–109), сохранившейся в списке. В гимне иронично представлялась подготовка города к визиту Александра I, который «скитался по стране и Европе, будто не мог найти себе места. В открытой коляске, в ведро и ненастье, он почти непрерывно путешествовал по России. Пушкин назвал его точно – «кочующий деспот» [Анисимов, 2014, с. 468]. В «Гимне» была представлена точная топография Перми «от Егошихи и до Слудки», ее преобразование к визиту императора. Точность сатирического описания подтверждается архивным делом о строительстве будок и фонарей [Ф. 297. Оп. 4. Д. 485].

Городская легенда о возведении пермским купцом В. Г. Лапиным церкви Рождества Богородицы по обещанию за чудесное спасение при кораблекрушении в Тихом океане превратилась в строфу:

Для вас пускается плыть в море
Смельчак на легком корабле,
Все сносит – жажду, голод, горе
И на воде, и на земле;
Об вас лишь только размышляет,
Одних лишь вас себе желает;
Для вас он и на смерть готов;
Для вас он бури не страшится,
Камней подводных не боится,
Плывет отважно среди валов («К деньгам», с. 87).

Феонов сатирическую поэму «Гиль. Происшествие 1827 года» начинает так: «Пишу не сказку – был / В Перми жил некто Гиль» (с. 98). В коллежские секретари штата Пермской казенной палаты в 1819 г. входил частный пристав Иосиф Гиль. За повышение с него было вычтено «из окладного жалованья на месяц» [Ф. 111. Оп. 1. Д. 1443. Л. 139]. Феонов поэтизировал реальное дело 1827–1831 гг. «О потерявшемся соляном приставе Гиле» [*Указатель*, 1892, с. 104]. При сверке дел архива Пермской губернской архивной комиссии в 1913 г. (далее – ПГУАК) были выявлены два дела: 139 «О потерявшемся соляном приставе Гиле. 1827 г.» и 137 «О злоупотреблениях по соляной части. 1827–1831». Эти дела пока не удалось отыскать. Г. Н. Бурцев в примечании к тексту поэмы на с. 103 отметил с указанием шифра, что в архиве научной библиотеки Казанского университета хранится дело «... об отыскании без вести пропавшего бывшего пермского оптового соляного пристава Гиля...». Официальный розыск беглеца был объявлен 14 апреля 1827 г.

Жизненная ситуация преобразовывалась в литературный сюжет. Художественными средствами Феонов показал одну из практик определения на вожденные места: «женой Гиль понемногу / К Р..... нашел дорогу». Получил залог и отличную характеристику: Гиль – отменных правил. Капитал в сотни тысяч, нажитый за 5 лет на продаже соли, изменил стиль его жизни:

На славу дом построил,
Прислугу в нем удвоил,
Карету, бронзы накопил –
Богатым барином зажил (с. 99).
Демонстративное поведение пристава
Для многих было непривычно...
Он мог бы жить, но не отлично,
Так стали толковать,
Поступки Гиля осуждать;
Другим было обидно,
А прочим – просто стыдно (с. 100).

Пермские персонажи поэмы были реальными людьми. Наиболее часто упоминался «Р.....» (с. 99–102, 105–109). Это Иван Иванович Розинг (1792, Тобольск – 01. 06. 1855, Пермь). Он, как отметила Л. С. Рафиенко в комментариях и примечаниях, дослужился до чина надворного советника. Был похоронен рядом с матерью, статской советницей Марией Ивановной [Голубцов, 2002, с. 18, 92]. И. И. Розинг служил в Пермской казенной палате под руководством своего отца, вице-губернатора И. П. Розинга. Его чиновничья карьера отражалась во множестве документов ГАПК того времени. Л. С. Рафиенко отметила участие чиновника в создании Пермского благородного театра, устроенного «на общее иждивение пожеланием И. И. Розинга» [Рафиенко, 2014, с. 227–229]. В поэме Феонова представлена его потаенная жизнь и деятельность, отличная от «безпорочной службы», за которую в 1830 г. он получил орден св. Анны третьей степени [Ф. 111. Оп. 1. Д. 1054. Л. 6]. И. И. Розинг относился к тем людям, «что влезают в свою власть плотно и без зазора, что сидят в ней, как змея в чешуе, что сливаются со своей властью нераздельно, как металлы в сплаве» [Иванов, 2006, с. 539].

Вместе с ним служил ассессором его младший брат, Арнольд, родившийся в Перми в 1801 г. [Ф. 111. Оп. 1. Д. 1443. Л. 7 об. и т. д.]. К 1830 годам в системе управления Пермской губернией в г. Перми сложились семейные кланы Розингов, Сведомских, Сорокиных и др. чиновников мелкого ранга.

Советник «Плех[анов] был верно расшифрован Бурцевым (с. 100). В 1819 г. он временно управлял Пермской казенной палатой [Ф. 65. Оп. 4. Д. 85. Л. 21]. Вместе с губернским прокурором Барановым безуспешно пытался противостоять семейному клану Розингов. Но советника Пескова по атрибуции Бурцева в реальности не было. С 1807 г. советником Пермской казенной палаты состоял Ф. И. Гаврилов [Ф. 36. Оп. 1. Д. 32].

«Пр..... злой» (с. 106) – советник той же палаты Прянишников, занимавшийся соляными делами и часто выезжавший в командировки для учинения «изыскания» излишней усыпки и утечки соли, за что налагалось взыскание [Ф. 111. Оп. 1. Д. 1443. Л. 102 об. – 103, 105 об. – 106 и т. д.].

Купец Гильков (1797–1865) был представлен в поэме полной фамилией (с. 102, 106) [Шумилов, 2019, с. 313, 316].

Феонов точно описал метафору обмена как элементарного социального взаимодействия множества друзей:

Которые давно объединились
В Перми и даже породнились,
Делами разными связались... (с. 104–105).

Не случайно Гиль ездил в Култаево, частную территорию, примыкавшую к Перми, его там труднее было найти. Архивными делами подтверждается:

В Перми все приняли методу,
Можно сказать, вошло и в моду –
Все стали сами продавцы.
И барины пошли в купцы,

Чиновники, мещане торговали

И о того карманы набивали (с. 107).

Пермская городская дума собирала для казенной палаты сведения о торгующих купцах и мещанах в 1820 г. Мещане и регистраторы в гостином дворе вели «не принадлежащую званию их торговлю... торг коих простирается более тысячи рублей» [Ф. 512. Оп. 1. Д. 169. Л. 18].

Феонов описал и погоду:

В Перми и в мартовский мороз

Легко себе ознобить нос,

В большой же холод ртуть

На улицах куют (с. 102).

Поэт использовал много канцеляризм, особенно на с. 104. Поэма передает дух времени в деталях повседневной городской жизни, ее тихий гул, неразличимый в официальных документах. Н. Я. Эйдельман выделял две истории XIX века: явную и тайную. «Первая – в газетах, журналах, манифестах, реляциях. Вторую – в газету не пускают и не выпускают из цензуры, отчего она привычно переселяется в сплетню, анекдот, эпиграмму, наконец, в рукопись, расходящуюся среди друзей и гибнущую при одном виде жандарма» [Эйдельман, 1993, с. 410–411]. В художественном мире Феонова объединились обе истории.

После смерти поэта на 40-м году жизни его произведения, как отмечала Н. П. Изергина, «долго еще распространялись в рукописях, некоторые передавались устно и были записаны только в середине XIX в.» [Изергина, 1979, с. 30]. В. А. Есипова в 4 главе коллективной монографии отмечает произведения Феонова в рукописи В-808 рукописного отдела научной библиотеки Томского университета. Особо подчеркивает, что «в настоящее время признан факт того, что при наличии развитого книгопечатания в таких странах, как Германия, Италия, Франция, Нидерланды, рукописные и печатные способы производства книги существовали параллельно» [Есипова, 2014, с. 315].

Сатира в художественном мире Феонова была характерным явлением в литературе того времени. А. И. Герцен, современник Феонова, писал: «Смех – это самобичевание, был нашим искуплением, единственным протестом, единственным мщением, возможным для нас, да и то в весьма ограниченных пределах» [Герцен, 1958, с. 163]. Он продолжал: «Прошедшее оставляет в истории ступню, по которой наука рано или поздно восстанавливает былое в основных чертах. Утрачивается одно случайное освещение – под тем или другим углом, под которым оно проходило. Апотезы и клеветы, пристрастия и зависти – все это выветривается и сдувается. Легкая ступня, занесенная песком, исчезает; ступня, имевшая силу и настойчивость выдать себя на камне, и воскреснет под рукой честного труженика» [Герцен, 1958, с. 390]. Феонов оставил свой след в русской литературе, в исторической памяти жителей Перми.

Список источников

1. *Абашев, 2008* – Абашев В. Пермь как текст. Пермь: Звезда, 2008. 495 с.

2. *Алексиевич, 1940* – Алексиевич Н. Поэт старой Перми // Прикамье. Молотов: Молотовгиз, 1940. С. 128–131.
3. *Анисимов, 2014* – Анисимов Е. В. Императорская Россия. СПб.: Питер, 2014. 640 с.: ил.
4. *В лампаде камских вод...*, 2002 – В лампаде камских вод звезда / сост. Т. Я. Анисимова Пермь: Пушка, 2002. 320 с.: ил.
5. *Бруцкая, 2023* – Бруцкая Л. А. Пермь в первой четверти XIX века // Вестник Сыктывкарского ун-та. Серия гуманитарных наук. 2023. № 4. С. 4–14.
6. *Бурцев, 2003* – Бурцев Г. Н. Пермский пленник, или Житие и стихи В. Т. Феодорова. Пермь: Арабеск, Форвард-С, 2003. 131 с.
7. *Бурцев, 1993* – Бурцев Г. Н. Поэт В. Т. Феодорова // Третьи Смышляевские чтения. Пермь: ОУНБ им. А. М. Горького, 1993. С. 4–48.
8. *Герцен, 1958* – Герцен А. И. Соч. в 9 т. М.: Художественная литература, 1958. Т. 8. 686 с.
9. *Голубцов, 2002* – Голубцов В. В. Пермский некрополь. Пермь: ОУНБ им. А. М. Горького, 2002. 177 с.
10. *Дмитриев, 1902* – Дмитриев А. А. Библиографический указатель памятных деятелей Пермского края. Пермь: Типолитография Губернского правления, 1902. Вып. 1. 50 с.
11. *Дмитриев, 1895* – Дмитриев А. А. Дмитрий Дмитриевич Смышляев // Пермский край. Пермь: тип. губернского правления, 1895. Т. 3. С. 1–11.
12. *Загоскин, 1902* – Загоскин Н. П. История императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804–1904. Т. 1. Ч. 1. Казань: Типолитография имп. Казанского ун-та, 1902. LXV, 567 [1] с.
13. *Зверев, 1908* – Зверев В. В. Старейшее учебное заведение г. Перми. Пермь: электротип. В. А. Чердынцева, 1908. 229 с.
14. *Изергина, 1979* – Изергина Н. П. Писатели на Вятке. Киров: Волго-Вятское изд-во, 1979. 192 с.
15. *Иванов, 2006* – Иванов А. Золото бунта, или Вниз по реке теснин: Роман. СПб.: Азбука-классика, 2006. 704 с.
16. *Иезуитова, 1981* – Иезуитова Р. В. Из неизданной переписки В. А. Жуковского // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1979 год. Л.: Наука, 1981. С. 80–112.
17. *Калинина, 1992* – Калинина Т. А. Развитие народного образования на Урале в до-реформенный период (80-е гг. XVIII – первая половина XIX вв.) Пермь: ПГУ, 1992. 92 с.
18. *Канцелярия пермского губернатора* – ГАПК. Ф. 65.
19. *Кашихин, 1966* – Кашихин Л. С. Историк П. А. Словцов // Календарь-справочник Пермской области на 1967 г. Пермь: Кн. изд-во, 1966. С. 14–146.
20. *Ключевский, 1989* – Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. М.: Мысль, 1989. Т. 5. 476 [1] с.
21. *Книжная культура Томска, 2014* – Книжная культура Томска (XIX – начала XX в.). Томск: изд-во Томского ун-та, 2014. 416 с.
22. *Корчагин, 2009* – Корчагин П. А. Пермское общество: губернская эпоха. Пермь: Гармония, 2009. 126 с.: ил.
23. *Кушнер, 2011* – Кушнер А. По эту сторону таинственной черты. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 544 с.
24. *Лаврентьев, 2004* – Лаврентьев В. Постоянство места. Пермь: изд-во «Проспект», 2004. 159 с.

25. *Лихачев, 1981* – Лихачев Д. С. Принцип историзма в изучении литературы // Взаимодействие наук при изучении литературы. Л.: Наука, 1981. С. 89–101.
26. *Лотман, 1988* – Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. 352 с.
27. *Мухачев, 1859* – Мухачев Е. Нечто о Феонове // Пермский сборник. Кн. 1. Отд. 4. М.: тип. Лазаревского ин-та восточных языков, 1859. С. 42–54.
28. *Никитин, 1984* – Никитин А. Г. Пушкин и Урал: По следам находок и утрат. Пермь: Кн. изд-во, 1984. 285 с.
29. *О Феонове, 1860* – О Феонове // Пермский сборник. Кн. 2. Отд. 4. Смесь. М.: тип. Грачева и Комп., 1860. С. 24.
30. *Пермский городской магистрат* – ГАПК. Ф. 22.
31. *Пермское губернское правление* – ГАПК. Ф. 36.
32. *Пермская казенная палата* – ГАПК. Ф. 111.
33. *Пермское наместническое правление* – ГАПК. Ф. 512.
34. *Пермские губернаторы..., 1997* – Пермские губернаторы (из фондов архива). Пермь: ГАПК, 1997. 73 с.
35. *Писарькова, 2002* – Писарькова Л. Ф. К истории взяток в России (по материалам «секретной канцелярии» князей Голицыных первой половины XIX в. // Отечественная история. 2002. № 5. С. 33–49.
36. *Рафиенко, 2014* – Рафиенко Л. С. Культура Пермского края в конце XVIII – первой половине XIX в. в лицах. М.: Сталинград, 2014. 478 с.: ил.
37. *Вольная русская поэзия..., 1975* – Вольная русская поэзия XVIII–XIX вв. / сост. С. А. Рейсер. М.: Художественная литература, 1975. 624 с.
38. *Воспоминания, 1871* – Воспоминания И. И. Свиязева // Русская старина. 1871. Т. 4. С. 549–561.
39. *Терехин, 1970* – Терехин А. С. Жизнь и творчество архитектора И. И. Свиязева. Пермь: Кн. изд-во, 1970. 187 с.
40. *Указатель, 1892* – Указатель делам Пермского губернского архива, предназначенным к передаче в ПГУАК, для вечного хранения в Губернском историческом архиве // Труды ПГУАК. Вып. 1. Пермь: тип. наследников П. Ф. Каменского, 1892. С. 97–162.
41. *Фуко, 2014* – Фуко М. (Foucault M.) Мужество истины. Управление собой и другими / пер. с фр. А. В. Дьяков. СПб.: Наука, 2014. 358 с.
42. *Шумилов, 2019* – Шумилов Е. Н. Кое-что о деятельности купцов, мещан и чиновников города Перми в XIX в. (по материалам архивных описей) // Пермский сборник. Кн. 5. Пермь: [б.и.], 2019. С. 313–316.
43. *Эйдельман, 1993* – Эйдельман Н. Я. Из потаенной истории России XVIII–XIX веков. М.: Высшая школа, 1993. 493 с.

References

1. *Abashev, 2008* – Abashev V. Perm as a text. Perm: Zvezda, 2008. 495 p.
2. *Alexievich, 1940* – Alexievich N. Poet of old Perm. *Prikamye*. Molotov: Molotovgiz, 1940. pp. 128–131.
3. *Anisimov, 2014* – Anisimov E.V. Imperial Russia. St. Petersburg: Peter, 2014. 640 p.: ill.
4. *In the lamp of the Kama waters, 2002* – In the lamp of the Kama waters there is a star / comp. T. Ya. Anisimova Perm: Pushka, 2002. 320 pp.: ill.

5. *Brutskaya, 2023* – Brutskaya L.A. Perm in the first quarter of the 19th century. *Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series*, 2023. No. 4. Pp. 4–14.
6. *Burtsev, 2003* – Burtsev G. N. Perm captive, or Life and poems of V. T. Feonov. Perm: Arabesk, Forward-S, 2003. 131 p.
7. *Burtsev, 1993* – Burtsev G. N. Poet V. T. Feonov. *Third Smyshlyaev readings*. Perm: OUNB im. A. M. Gorky, 1993. Pp. 4–48.
8. *Herzen, 1958* – Herzen A.I. Soch. in 9 volumes. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1958. Vol. 8. 686 p.
9. *Golubtsov, 2002* – Golubtsov V. V. Perm necropolis. Perm: OUNB im. A. M. Gorky, 2002. 177 p.
10. *Dmitriev, 1902* – Dmitriev A. A. Bibliographic index of memorable figures of the Perm region. Perm: Typographical Printing House of the Provincial Government, 1902. Vol. 1. 50 p.
11. *Dmitriev, 1895* – Dmitriev A. A. Dmitry Dmitrievich Smyshlyaev. *Perm Region*. Perm: Typ. of the Provincial Government, 1895. Vol. 3. Pp. 1–11.
12. *Zagoskin, 1902* – Zagoskin N. P. History of the Imperial Kazan University for the First Hundred Years of its Existence. 1804–1904. Vol. 1. Part 1. Kazan: Typography of the Imperial Kazan University, 1902. LXV, 567 [1] p.
13. *Zverev, 1908* – Zverev V. V. The oldest educational institution in Perm. Perm: Electrotrope. V. A. Cherdyntseva, 1908. 229 p.
14. *Izergina, 1979* – Izergina N. P. Writers on Vyatka. Kirov: Volgo-Vyatka Publishing House, 1979. 192 p.
15. *Ivanov, 2006* – Ivanov A. The Gold of the Rebellion, or Down the River of the Gorges: A Novel. SPb.: Azbuka-classic, 2006. 704 p.
16. *Jesuitova, 1981* – Jesuitova R. V. From unpublished correspondence of V. A. Zhukovsky. *Yearbook of the manuscript department of the Pushkin House for 1979*. L.: Nauka, 1981. Pp. 80–112.
17. *Kalinina, 1992* – Kalinina T. A. Development of public education in the Urals in the pre-reform period (1980s 18th – first half of the 19th centuries). Perm: PSU, 1992. 92 p.
18. *Chancellery of the Perm Governor* – GAPK. F. 65.
19. *Kashikhin, 1966*– Kashikhin L. S. Historian P. A. Slovtsov. *Calendar-reference book of the Perm region for 1967*. Perm: Book. publishing house, 1966. pp. 14–146.
20. *Klyuchevsky, 1989* – Klyuchevsky V. O. Works. In 9 volumes. M.: Mysl, 1989. Vol. 5. 476 [1] p.
21. *Book culture of Tomsk, 2014* – Book culture of Tomsk (XIX – early XX centuries). Tomsk: Tomsk University Publishing House, 2014. 416 p.
22. *Korchagin, 2009* – Korchagin P. A. Perm society: provincial era. Perm: Harmony, 2009. 126 p.: ill.
23. *Kushner, 2011* – Kushner A. On this side of the mysterious line. SPb.: Azbuka, Azbuka-Atticus, 2011. 544 p.
24. *Lavrentiev, 2004* – Lavrentiev V. Permanence of Place. Perm: Prospect Publishing House, 2004. 159 p.
25. *Likhachev, 1981* – Likhachev D. S. The Principle of Historicism in the Study of Literature. *Interaction of Sciences in the Study of Literature*. L.: Nauka, 1981. Pp. 89 – 101.
26. *Lotman, 1988* – Lotman Yu. M. In the School of Poetic Words: Pushkin. Lermontov. Gogol. M.: Prosveshchenie, 1988. 352 p.

27. *Mukhachev, 1859* – Mukhachev E. Something about Feonov. *Perm collection. Book 1. Section 4.* Moscow: type. Lazarevsky Institute of Oriental Languages, 1859. Pp. 42–54.
28. *Nikitin, 1984* – Nikitin A. G. Pushkin and the Urals: In the Footsteps of Finds and Losses. Perm: Kn. Publishing House, 1984. 285 p.
29. *About Feonov, 1860* – About Feonov. *Perm Collection. Book 2. Section 4. Mixture.* M.: type. Grachev and Comp., 1860. Page 24.
30. *Perm city magistrate* – GAPK. F. 22.
31. *Perm provincial government* – GAPK. F. 36.
32. *Perm treasury chamber* – GAPK. F. 111 .
33. *Perm Viceroyalty* – GAPK. F. 512.
34. Perm Governors, 1997 – Perm Governors (from archive funds). Perm: GAPK, 1997. 73 p.
35. *Pisarkova, 2002* – Pisarkova L. F. On the history of bribes in Russia (based on materials from the “secret chancery” of the Golitsyn princes in the first half of the 19th century. *Domestic history.* 2002. No. 5. Pp. 33–49.
36. *Rafienko, 2014* – Rafienko L. S. Culture Perm region in the late 18th – first half of the 19th century in persons. Moscow: Stalingrad, 2014. 478 p.: ill.
37. *Free Russian poetry, 1975* – Free Russian poetry of the 18th–19th centuries / comp. by S. A. Reiser. Moscow: Art literature, 1975. 624 p.
38. *Memories, 1871* – Memories of I. I. Sviyazev. *Russian Antiquity.* 1871. Vol. 4. Pp. 549–561.
39. *Terekhin, 1970* – Terekhin A. S. Life and Work of the Architect I. I. Sviyazev. Perm: Kn. Publishing House, 1970. 187 p.
40. *Index of Perm Provincial Archives, 1892* – Index of Perm Provincial Archives files intended for transfer to PSUAK for permanent storage in the Provincial Historical Archive. *Proceedings of PSUAK.* Issue 1. Perm: type. of P.'s heirs. F. Kamensky, 1892. P. 97–162.
41. *Foucault, 2014* – Foucault M. (Foucault M.) The Courage of Truth. Managing One-self and Others / trans. from French by A. V. Dyakov. St. Petersburg: Nauka, 2014. 358 p.
42. *Shumilov, 2019* – Shumilov E. N. Something about the activities of merchants, townspeople and officials of the city of Perm in the 19th century (based on archival inventories). *Perm collection.* Book. 5. Perm: [b.i.], 2019. pp. 313–316.
43. *Eidelman, 1993* – Eidelman N. Ya. From the hidden history of Russia in the 18th–19th centuries. M.: Higher School, 1993. 493 p.

Информация об авторе / Information about the author

Бруцкая Людмила Андреевна

Ludmila A. Brutskaya

кандидат исторических наук, независимый исследователь

Candidate of Historical Sciences, independent researcher

Пермь, Россия

Perm, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

10.05.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

12.05.2024

Принята к публикации / Accepted for publication

15.05.2024

К вопросу о русских и коми цветоименованиях

Ирина Серафимовна Урманчеева¹, Ксения Ивановна Карманова²

^{1,2}Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия

¹isurman@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0001-6376-1059>

²karmanova.kseniy@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена сопоставлению цветоименований в русском и коми языках. Основными направлениями сравнения выбраны: историко-этимологическое (происхождение и структурно-семантические особенности русских и коми цветоименований, реализация принципа подобия при передаче цвета), онтологическое (использование цвета в названиях реалий) и культурно-символическое. С опорой на научную литературу по цветоименованиям и этнографии коми народа, этимологические и переводные словари выявляются особенности лингвоцветовой картины мира коми языка (в сопоставлении с русским языком).

Ключевые слова: цветоименования, коми язык, лингвоцветовая картина мира, символика цвета, цветосемантика

Для цитирования: Урманчеева И. С., Карманова К. И. К вопросу о русских и коми цветоименованиях // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2024. № 1. С. 39–52. <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2024-1-39>

On the issue of Russian and Komi color names

Irina S. Urmancheeva¹, Ksenia I. Karmanova²

^{1,2}Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

¹isurman@rambler.ru, <http://orcid.org/0000-0001-6376-1059>

²karmanova.kseniy@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to a comparison of color names in Russian and Komi languages. The main directions of comparison are historical and etymological (the origin and structural and semantic features of Russian and Komi color names, the implementation of the principle of similarity in the transmission of color), ontological (the use of color in the names of realities) and cultural-symbolic. Based on scientific literature on color names and ethnography of the Komi people, etymological and translation dictionaries, the features of the linguistic color picture of the world in the Komi language (compared with the Russian language) are revealed.

Keywords color names, Komi language, linguistic color picture of the world, color symbolism, color semantics

For citation: Urmancheeva I. S., Karmanova K. I. On the issue of Russian and Komi color names. *Vestnik Syktyvkarского университета. Seriya gumanitarnykh nauk = Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series.* 2024, 1: 39–52. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2024-1-39>

Введение. Цвета, которые используются для описания окружающей действительности, являются важной частью нашего представления о мире. На формирование системы цветоименований влияют традиции, обычаи и культурные ценности народа.

Анализ цветоименований является одним из важнейших направлений в сопоставлении языков. Несмотря на повышенный интерес к изучению цветоименований в русском языке, в коми языке осознается определенная неполнота материала по этой теме, а вопрос сопоставления цветоименований в русском и коми языках и вовсе остается малоизученным.

Коми-зыряне – естественные билингвы, вторым их языком является русский. Коми язык относится к пермской группе финно-угорской языковой семьи, в состав которой входят также близкородственные коми языку коми-пермяцкий и удмуртский языки. В настоящее время различают 10 диалектов коми языка, существенно отличающихся друг от друга [Пунегова, 2023, с. 18].

В Республике Коми оба языка – и коми, и русский – являются официальными, но в настоящее время значительные изменения в языковой среде приводят к резкому спаду в изучении коми языка. Есть риски, что информация, в том числе связанная с цветоименованиями, может быть безвозвратно утеряна по причине ухода носителей. Это явление характерно для большей части малочисленных народов со своим коренным языком. Одним из таких народов являются коми. Поэтому исследование сопоставления цветоименований в русском и коми языках является крайне актуальным.

Методы исследования, теоретическая база. В лингвистике изучение цветоименований в различных языках имеет давнюю историю и представлено множеством публикаций и различных подходов. Английские антропологи Брент Берлин и Пол Кей, исследуя происхождение цветоименований, изучили процесс их появления и развития в различных языках и пришли к выводу, что данный процесс для всех языков является универсальным: на самой низшей стадии в языке появляются два слова, называющих цвет, – белый (светлый) и черный (темный) цвета; затем к этим двум словам во многих языках добавляется третье слово, всегда обозначающее красный цвет; на следующих стадиях добавляется каждый раз по одному слову из трех, обозначающих синий, зеленый и желтый цвета; седьмое слово всегда обозначает коричневый цвет, а высшая стадия характеризуется появлением сразу нескольких лексических единиц, называющих розовый, оранжевый, фиолетовый и серый цвета¹.

Исследование истории цветовых названий с XI по XVIII в., их происхождения, значения и употребления представлено в работах Н. Б. Бахилиной [Бахилина, 1975].

Согласно концепции А. Вежбицкой, цвета в языке не являются абстрактными, а связаны с объектами во внешнем мире, которые имеют для человека определенную значимость и ассоциируются с определенным цветом. Вежбицкая

¹ Теория Берлина и Кея представлена по источнику [Крапивник, 2014, с. 7–8].

предполагает, что хотя слова, описывающие один и тот же цвет в разных языках, не являются семантическими аналогами, фокусы у этих разных семантических категорий могут быть относительно стабильными, потому что наши психические реакции совпадают и у представителей разных культур есть общий человеческий опыт, на основе которого формируются фундаментальные концептуальные модели [Вежбицкая, 1996].

Ю. В. Норманская в своей работе, представляющей исторический подход, выявила основные предметы, характерные для различных цветов, и установила, что фокус цветковых объектов, принадлежащих к одной части спектра в разных языках, в большинстве случаев является универсальным. Однако в некоторых древних языках можно найти следы разделения спектра, отличного от того, который привычен для носителей русского языка и, возможно, для европейцев в целом. Исследователь приходит к выводу, что эти вопросы не могут быть окончательно решены только на основе древних текстов, необходимо также изучать живые языки [Норманская, 2005, с. 13].

А. П. Василевич с группой ученых изучил цветоименования в психолингвистическом аспекте и рассмотрел роль, историю и различные функции слов, обозначающих цвета, их использование в рекламе и других сферах [Василевич, 2011]. В исследованиях Е. В. Крапивник были изучены различные аспекты организации цветоименований, представлены подробные описания прилагательных, обозначающих цвета, разработана сложная система классификации цветоименований, основанная на их важнейших смысловых и прагматических характеристиках [Крапивник, 2014].

В ходе анализа научных источников выяснилось, что материалов, касающихся исследований по цветоименованиям в коми языке, недостаточно, цветообозначения изучены не в полной мере для всех цветов. Исследователями коми цветоименований в основном являются О. И. Уляшев, Е. С. Рябина, Р. П. Попова (Дмитриева), С. С. Шляхова, О. А. Гончаров, И. В. Ильина, К. В. Истомин.

Исследование цветковых категорий в коми-зырянском языке проводилось в основном с помощью описательных качественных методов. Объектом изучения было использование и роль цветковых категорий в устном народном творчестве, прикладном искусстве и мифологических представлениях коми. Об этом писал в своих монографиях известный коми ученый-лингвист О. И. Уляшев.

Ученые института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН проанализировали проводившиеся в Республике Коми исследования цветоименований и эксперименты по различению русско- и комиговорящими респондентами оттенков цветкового спектра [Истомин, 2016, с. 18–19]. Так, они отметили, что в 2009 году лингвист Е. С. Рябина провела исследование цветковых категорий в языке коми по методу Берлина-Кея с помощью цветных карточек [Рябина, 2011]. В 2010 году психологи О. А. Гончаров и Н. Н. Князев провели эксперимент на материале коми-зырянского языка, сравнив скорость выделения голубого цвета среди разных оттенков синего у русско- и комиязычных участни-

ков [Гончаров, 2010]. По сведениям ученых Коми научного центра, более никаких исследований цветовой категоризации и ее влияния на сознание на базе коми языка не проводилось.

Результаты исследования и их обсуждение.

1. Происхождение и структурно-семантические особенности русских и коми цветоименований. Реализация принципа подобия при передаче цвета

Ученые отмечают первоначальную связь понятия об определенном цвете с понятием о конкретном предмете или явлении, которое является носителем данной цветовой характеристики (например, об огне, земле, дыме, руде, крови и пр.) [Крапивник, 2014, с. 6]. Анна Вежбицкая указывает на важную роль сравнения или подобия в передаче зрительных ощущений. Например, в австралийском языке варлпири *красный* буквально звучит как ‘кровь-кровь’, *коричневый* – ‘земля-земля’, *сине-зеленый* – ‘растения-растения’ [Вежбицкая, 1996, с. 234].

Согласно исследованиям ученых-лингвистов в коми языке имеется 7 основных цветообозначений: *еджыд* ‘белый’, *сьод* ‘чёрный’, *гörd* ‘красный’, *лöz* ‘синий’, *турунвиж* ‘зеленый’, *кольквиж* ‘желтый’, *руд* ‘серый’ [Рябина, 2011, с. 80].

Основные названия цветов *еджыд* (белый), *сьод* (черный) и *гörd* (красный) происходят от древних прапермских корней. *Еджыд* (*jeÿ-) означает незрелый, белый, зеленый (о ягодах) [КЭСКЯ, с. 403]. *Сьод* в коми языке означает ‘черный’ и происходит от прапермского корня *s'Ad, связанного с финским словом *навоз* [КЭСКЯ, с. 269]. Еще в древние времена в коми культуре черный цвет был связан с человеческими отходами. Термин для *красного* *koje, что в переводе означает ‘утренняя заря’, был заменен на *wige ‘кровь’ в период финно-угорской общности. Современное название красного в коми языке – *гörd* – происходит от слова *гырд*, прапермского слова *gard, что также означает ‘кровь’ [КЭСКЯ, с. 80].

Русское цветоименование *белый* индоевропейского происхождения, буквально значит ‘блестящий’ [ШЭСРЯ, с. 21]. Слово *черный* общеславянского происхождения, родственно словам древнепрусского, литовского, древнеиндийского и др. языков [Фасмер, т. IV, с. 346], этимологического объяснения не имеет, т. е. изначально обозначало только цвет. В русском языке наименование *красного* цвета произошло от прямого значения слова *красный* ‘красивый, хороший’, современное значение в памятниках отмечается с начала XVI в. [ШЭСРЯ, с. 153].

Цветоименование *желтый* общеславянского происхождения, является суффиксальным производным от той же основы, что и *золото*, *зеленый*. *Зеленый*, в свою очередь, образовано от той же основы, что и древнерусское и диалектное *зель* ‘зелень, озимь’, словенское *zel* ‘растение’ [ШЭСРЯ, с. 86, 97]. В диалектах коми языка значения слов *зеленый* (*веж*) и *желтый* (*виж*) не вполне дифференцированы. *Веж* – ‘зеленый, незрелый, светлый (не черный)’. В процессе исторического развития произошла трансформация значения слова *веж* ‘желто-зеленый’ > ‘горький’ > ‘злость, зависть’. Связь между словами, обозначающими

‘зеленый’ и ‘горький’, ‘злость’, установлена также в индоевропейских языках (ср. рус. *зеленый* и *зелье*) [КЭСКЯ, с. 49].

Необходимо обозначить, что в большинстве диалектов коми языка *зеленый* и *желтый* могут быть заменены одним словом *виж*. Это происходит из-за недостаточной различимости смыслов слов *виж* ‘желтый’, ‘зеленый’ и *веж* ‘зеленый’. Вероятно, специальные обозначения для желтого и зеленого цветов внедрились в коми-зырянский язык под влиянием русского языка, в данное время существуют отдельные наименования: *кольквиж* (буквально ‘цвет яичного желтка’, где *кольк* ‘яйцо’) и *турунвиж* (‘цвет травы’, где *турун* ‘трава’). Как выяснили ученые, в мире мало языков, где желтый и зеленый цвета обозначаются одним словом [Рябина, 2011, с. 134].

Наряду с желто-зеленой базовой категорией *виж* в коми-зырянском языке существует категория *лӧз*, объединяющая синий и голубой цвета (*кельдылӧз* – ‘голубой’, *пемдылӧз* – ‘темно-синий’). Вероятно, слово *лӧз* изначально называло синий цвет и других значений не имело [КЭСКЯ, с. 162]. Сопоставляя системы цветообозначений в разных языках, исследователи неизменно отмечают особенность русского и некоторых других языков, в которых для области синего цвета существует два основных названия – *синий* и *голубой* [Василевич, 2011, с. 42]. Русское слово *синий* является общеславянским суффиксальным производным от той же основы, что и слова *сивый*, *серый*, *сизый*, *седой*. *Синий* буквально – ‘блестящий, сияющий’ [ШЭСРЯ, с. 288]. Согласно словарю Фасмера это слово также родственно др.-инд. *ṣūāmás* ‘черный, темный’ [Фасмер, т. III, с. 624]. В литературе XI в. во многих случаях *синий* еще передает значение просто темного цвета.

Из-за культурно-исторических коннотаций сфера применения синего цвета была довольно ограничена; вообще, по разным причинам слово *синий* у русских в течение долгого времени сохраняло в целом отрицательную коннотацию и ассоциативно связывалось с водой, которая в древности считалась местом, где таятся злые, враждебные человеку силы. В то же время светлый оттенок синего цвета в русской среде, напротив, был весьма распространен, в том числе составляя основу праздничной простонародной одежды (наряду с красным); вызывал положительные коннотации, ассоциативно сближаясь с цветом неба. Для обозначения светлых оттенков синего цвета после XV века стало употребляться слово *голубой*, которое в первых письменных источниках использовалось только в качестве названия конской масти и передавало светло- или темно-серые с синевой, серовато-желтые, серовато-бурые оттенки. По одним данным, слово *голубой* образовано от *голубь*, причем речь идет о специфическом отливе шейных перьев. По другим данным, наоборот, цвет был вначале, а название птицы – производное от него [Василевич, 2011, с. 43–47].

В коми-зырянском языке нет основного термина для обозначения коричневого цвета, но это не означает, что коми не различают и не называют коричневые оттенки. У него есть несколько названий, например, *тшай рӧм* ‘цвет чая’ или *мугӧм*, *мугов*, что может быть образовано путем добавления сложных суффиксов

к основе *му* ‘земля’ [Рябина, 2011, с. 97–103]. В русско-коми словаре слову *коричневый* соответствует коми цветоименование *перкаль* [КРК, с. 491], возможно, это связано с коми-ижемским словом *перк* ‘насекомое’, ‘вошь’. В русском языке слово *коричневый* является суффиксальным образованием от слова *коричный* < *корица*, буквально означает ‘цвета коры коричневого дерева’ [ШЭСРЯ, с. 148–149].

Основным термином для обозначения серого цвета в коми-зырянском языке является *руд* – ‘серый’. Русское слово *серый* является общеславянским по происхождению, образовано от той же основы, что и *седой*, *сизый*, *сивый* [ШЭСРЯ, с. 287].

В русском языке большое количество слов, называющих неосновные цвета спектра, обладают прозрачной внутренней формой, являются метафорическими: *молочный*, *дымчатый*, *земляной*, *малиновый*, *пшеничный*, *небесный*. В коми языке в таких случаях обычно употребляются словосочетания: *йöв рöм* ‘цвет молока’, *тиын рöма* ‘цвет дыма’, *му рöма* ‘цвет земли’. Некоторые цветообозначения имеют ограниченную сочетаемость: *öмидз рöма* ‘цвет малины’ (относится к описанию одежды: *öмидз рöма платтьö* – ‘платье малинового цвета’), *шабдi рöм* ‘цвет пшеницы’ (обычно относится к описанию волос: *шабдi рöма юрси* – ‘волосы пшеничного цвета’), *енэж рöма* ‘цвет неба’ (обычно употребляется в единственном конкретном случае: *синмыс енэж рöма* – ‘глаза небесного цвета’).

Красный цвет в коми звучит как *вир гöрд* – ‘цвет крови’ (*вир* – ‘кровь’, *гöрд* – от слова *гырд* с таким же значением – ‘кровь’). Получается некая тавтология, но этим подчеркивается насыщенность цвета. Цветоименование *кирпичный* в коми языке звучит как *сёй рöм* – ‘цвет глины’ [КЭСКЯ, с. 252]. В этом случае наименование цвета связано не с самим предметом (кирпич), а с веществом, из которого состоит предмет (глина). Обозначение пепельного цвета в коми языке *пöйм рöма* образовалось от общепермского *пöим* – ‘пыль, грязь’ [КЭСКЯ, с. 228].

В языке коми имеются словосочетания, которые описывают цвета, указывая на предмет, обладающий этим цветом: *мырпом рöм* – янтарный, буквально переводится как ‘цвет спелой морошки’, *пельсь рöм* – рябиновый, буквально ‘цвет рябины’, *пöжöм йöв рöм* – бежевый, кремовый (‘цвет топленого молока’) и т. д. Однако данные наименования в речи используются крайне редко, неосновные обозначения цветов чаще всего заимствованы из русского языка и звучат аналогично, к примеру, *фиолетöвöй*, *сиреневöй*, *оранжöвöй*, *розöвöй*, *гöлубöй*, но в коми языке ударение всегда падает на первый слог.

II. Цвет в названиях реалий

Цветоименования во всех языках служат для называния объектов действительности. Например, в русском языке *белый* часто используется для обозначения различных видов животных и растений: *белена* (коми *пöттурун*), *белка* (коми *ур*), *береза* (коми *кыдз*), *белуха* ‘полярный дельфин’ (коми *еджыд дельфин*), *белуга* (коми *белуга*), *заяц-беляк* (коми *кöч*), *белёк* ‘детеныш тюленя’ (коми *тюленьпи*), *белорыбица* (коми *белорыбича (чимси сикас)*) [МАС, т. I, с. 77–79; БРКС].

В коми языке слово *еджыд* участвует, например, в образовании названий *еджыд нити* (или *еджыд яла*) – ягель, олений мох, *еджыд синдор* – синьга (водоплавающая птица семейства утиных). Эти названия имеют описательный характер для определенных видов. В коми языке есть сходства и различия в цветовых названиях по сравнению с русским языком (рис. 1).

Отличие (А) использования цветоименований указано на примере ягоды, где в русском отчетливо выражен красный цвет (*красника*), в то время как в коми название связано с местообитанием цапель, журавлей (*тури*). Следует уточнить, что точного перевода слова *красника* на коми язык нет, *турипув* – это клюква, тоже относящаяся к роду вакциниум. Сходство (Б) выражено в названии гриба, которое на обоих языках напрямую связано с цветом (*красноголовик* – *гӧрд гоб*).

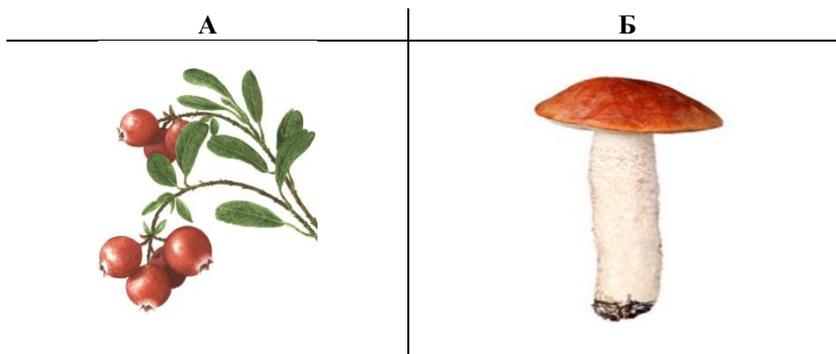

Рис. 1. Пример отличия (А) и сходства (Б) использования мотивировочного признака цвета в русском и коми языках

**А (ягода рода вакциниум) в русском и коми – красника и турипув соответственно; Б (гриб рода лекциниум) в русском и коми – красноголовик и гӧрд гоб соответственно*

Можно привести множество примеров с разными обозначениями в русском языке, которые основаны на цветах: белый: *белаха* (птица), *белоцветка* (цветущее растение), *беляйка* (млекопитающее); красный: *краснина* (рыба семейства лососевых), *красниха* (ягода), *красноголовик* (гриб); черный: *черноголовка*, *черныш*, *чернокудреник* и пр.; желтый: *желтопузка* (кузнечик), *желточница*, *желтушник* и пр.; зеленый: *зелёнка* (зеленый кузнечик), *зелениха*, *зелёнушка обыкновенная*; синий: *синецвет*, *синюха* и пр.; голубой: *голубец* (птица), *голубика* (ягода); серый: *серик* (гриб), *сероушка* (птица), *серушка* (гриб). Среди вышеназванных наименований имеется множество переводных наименований на коми языке, большинство из них никак не связано с цветом.

III. Символика цвета

Человек выделяется среди других живых существ особенностями своего цветовосприятия. Цветовое сознание формирует представления человека и определяет его место в мире и обществе [Уляшев, 2011, с. 11–12]. Все народы имеют свою собственную лингвоцветовую картину мира, которая включает в себя колоративы и различные языковые средства для обозначения цвета. Наглядным при-

мером этого может послужить одежда. В ней семантика цвета находит свое выражение (рис. 2).

Рис. 2. Пример внешнего вида народных костюмов русских (А) и коми (Б)

У коми народа до 1920-х годов белая одежда считалась подходящей только для младенцев и умерших. Белый цвет имел божественное значение, так как символизировал свет и начало мира, которое представлял верховное божество коми – Ен. Также люди боялись, что яркие цвета могут привлечь нежелательное внимание к детям, и их могут сглазить. Девушкам тоже рекомендовалось носить светлые оттенки, так как девственность ассоциировалась с белым, розовым и красным цветом.

Сочетанию красного и белого цвета особое значение придается в свадебном обряде. Белые рубахи и полотенца с орнаментами символизируют чистоту и оплодотворяются чувственностью красного цвета, который ассоциируется с огнем, солнцем и светом. Красный цвет в свадебном обряде символизирует любовь, энергию и плодотворный период в жизни женщины. В свадьбе и первом году жизни молодоженов важную роль также играет синий цвет, который связан с идеей оплодотворения. В оттенках, описывающих жениха, преобладают синие, черные и холодные цвета, в то время как желто-розовая белизна невесты в процессе свадьбы становится темнее и тускнеет [Уляшев, 1999, с. 78].

Одежда зрелой женщины после свадьбы должна была содержать красные оттенки, которые контрастировали с яркими и темными цветами. По окончании детородного периода яркие цвета исчезали из ее наряда, уступая место темным оттенкам. Это символизировало приближение старости и предстоящий уход в другой мир. На смертном одре человек одевался в белые одежды. Только в мире людей можно было носить яркие цвета, поэтому, если покойника похоронить в

цветной одежде, его дух будет путешествовать по времени до тех пор, пока цвета не выцветут. В коми верованиях белый цвет похоронной одежды символизирует очищение умершего от земных забот и дел, чтобы он мог предстать перед Богом в чистом виде.

В наборе основных цветов и у русских, и у коми особое значение имеет триада “*красный* (гёрд) – *белый* (еджыд) – *черный* (сьёд)”. Это объясняется тем, что древние люди строили представление о мире, исходя из аналогии с человеческим телом. Три упомянутых цвета являются одними из самых древних символов, которые у коми соотносятся с кровью, молоком и выделениями человека [Уляшев, 2011, с. 268–269].

Белый цвет важен и символичен для русской и коми культур, он олицетворяет жизнь в целом. С древних времен считалось, что некоторые предметы белого цвета имеют магические свойства, например, соль использовалась в свадебных обрядах, а мука и сахар – в лечебной магии. Женщины надевали чистые белые рубахи при сборе лекарственных трав в ночь на Иванов день. Во многих культурах, в том числе и в коми фольклоре, белый цвет ассоциируется со смертью: погребальная одежда шилась из белого холста, белые полотенца вывешивали как символ смерти в доме. Белый цвет может вызывать как положительные, так и отрицательные ассоциации. В цветовых предпочтениях преобладает положительная символика белого цвета, но и отрицательные ассоциации не исключены.

Черный цвет воспринимается как символ зла, темноты, страдания, смерти и болезни. Он также ассоциируется с иным миром по традиционным представлениям. Поэтому в ритуалах, где изображаются представители иного мира, используются сажа и черные маски. Однако в некоторых случаях в культуре коми черный цвет может иметь положительную трактовку, например, в свадебных обрядах, где упоминаются «красивые черные пимы», «красивая черная коса». В коми традиции черный цвет в основном ассоциируется с отрицательными понятиями, такими как зло, смерть и иной мир. Позитивный смысл черного цвета, связанный с красотой, уступает негативной символике, связанной с понятиями зла и смерти [Семенов, 2010, с. 137].

Красный цвет имеет особое значение в цветовых представлениях всех существующих народов. Этот цвет не имеет однозначного противоположного значения в цветовой символике и одновременно олицетворяет и смерть, и жизнь. В русском языке он ассоциируется с понятием «красивый», а в доме угол с иконами называется *Красным*. В коми сказках добрые персонажи часто изображаются с красными атрибутами. В производстве же красная отделка утвари и одежды символизирует жизнь. В гончарном искусстве предпочтение отдается глине красной цветовой гаммы, которая связана с идеей порождающего начала. Красный цвет также амбивалентен и олицетворяет границу между различными символическими мирами. В коми-зырянском декоративно-прикладном искусстве многоцветные пояса на белом фоне часто имеют красные нити, которые отделя-

ют периферийные цвета. У младенца левое запястье перевязывают красной ниткой для защиты от сглаза [Семенов, 2010, с. 137–138].

Синий цвет по своей символике сближается с черным цветом, соотносится с понятиями «иной мир», «смерть», «север». Недифференцированное восприятие желтого и зеленого цвета в традициях коми-зырян позволяет подразумевать один цвет под другим. Желтый цвет воспринимается как близко расположенный к белому, наделяется значением «священный», «красивый», «дорогой». Негативная символика желтого цвета просматривалась в обозначении злых, недобрых глаз как «*виж бугыль*» (желтые глаза), что воспринималось как атрибут представителя иного мира. Позитивные и негативные свойства в восприятии зеленого цвета тесно связаны с различными оттенками этого цвета. Светло-зеленый спектр воспринимался как положительный, темно-зеленый таил в себе отрицательные свойства. В фольклоре темно-зеленый бор выступает маркером иного мира. Темно-зеленые тона вместе с синим и черным цветами составляют единый хроматический ряд хвойного леса, наделенного негативной символикой. Пестрый цвет выделяется из ряда монохроматических цветов тем, что представляет собой сочетание различных цветовых тонов; пестрый воспринимался как нечто аморфное, неупорядоченное, хаос цветового спектра, что послужило основой использования пестрого цвета для маркировки переходного состояния пространства и времени. Народные представления четко связывали пестрый цвет с миром предков, женским началом, а также с благополучием, богатством [Семенов, 2010, с. 138–140].

Заключение. Безусловно, степень изученности цветообозначений в русском языке выше, чем в коми. Об этом свидетельствует объем, качество и возраст научной литературы. Каждый язык имеет свои особенности в области цветообозначений, которые связаны с естественными, историческими и культурными факторами. Цветовое восприятие мира в языках менялось в прошлом и продолжает меняться в настоящее время.

Основные цвета спектра в русском и коми языках преимущественно совпадают, но коми язык имеет существенное отличие: для обозначения желтого и зеленого с одной стороны и синего и голубого с другой стороны используется по одной лексеме – *виж* и *лӧз*. В современном коми существуют отдельные наименования: *кольквиж* (буквально ‘цвет яичного желтка’) и *турунвиж* (‘цвет травы’). В мире мало языков, где желтый и зеленый цвета обозначаются одним словом, а в коми-зырянский язык специальные обозначения для желтого и зеленого цветов внедрились, вероятно, под влиянием русского языка. В русском языке слово *желтый* образовано от той же основы, что и *зеленый*, этимологический анализ которого позволяет выявить первоначальное значение ‘растение’, тогда как в коми языке этот цвет восходит к семантике ‘недозревший’. Для голубого и синего в коми языке тоже образовались отдельные лексемы: *кельыдлӧз* – ‘голубой’, *пемыдлӧз* – ‘темно-синий’. Но в русском языке разграничение синего и голубого имеет более глубокие культурно-исторические причины.

Отличия наблюдаются в первоначальном этимологическом образе трех основных цветов – белого, черного и красного. Русское цветонаименование *белый* буквально значит ‘блестящий’, коми *еджыд* – ‘незрелый (о ягодах)’. Слово *черный* этимологического объяснения не имеет, т. е. изначально обозначало только цвет; еще в древние времена в коми культуре черный цвет (*сьод*) был связан с человеческими отходами. Современное название *красного* (*гörd*) в коми языке буквально значит ‘кровь’, в русском восходит к семантике ‘красивый, хороший’.

В коми-зырянском языке существует несколько слов для обозначения коричневого цвета: *тишай рöm*, *мугöm*, *мугов*, *перкаль*; образной основой этих цветонаименований служит обозначение чая, земли и даже насекомого. В русском языке *коричневый* цвет связан с коричневым деревом.

В русском языке современные цветонаименования сохраняют связь с предметами, имеющими соответствующую цветовую характеристику, и являются семантическими дериватами (*молочный*, *дымчатый*, *земляной*, *малиновый*, *пшеничный*, *небесный*). В коми языке в таких случаях обычно употребляются словосочетания: *йöв рöm* ‘цвет молока’, *тишын рöма* ‘цвет дыма’, *му рöма* ‘цвет земли’. Область номинации затрагивает важные для носителя коми языка реалии: *мырпом рöm* ‘цвет спелой морошки’, *пелысь рöm* ‘цвет рябины’, *пöжöm йöв рöm* ‘цвет топленого молока’. Многие цветонаименования заимствованы из русского языка: *фиолетöвöй*, *сиреневöй*, *оранжöвöй*, *розöвöй*, *гöлубöй*.

Мотивировочный признак цвета в образовании наименований конкретных реалий используется как в русском, так и в коми языке, но в большинстве случаев эти номинации не совпадают. То есть там, где в русском языке основанием для номинации послужил цвет, в коми цветовой признак реалии не был признан важным, существенным и доминирующим, и наоборот (*белка* – коми *ур*, *береза* – коми *кыдз*, *белёк* – коми *тюленьпи*; *еджыд нити* – рус. ягель, *еджыд синдор* – рус. синьга).

Одним из определяющих механизмов в описании мира является символика цвета, которая в русской и коми культуре в основных своих чертах совпадает. С помощью цветового спектра описывается трехчленная структура мира, где белый цвет характеризует верхний, сакральный мир, имеющий положительные характеристики; нижний, хтонический мир, имеющий отрицательные свойства, окрашивается в темные, черные тона; средний, профанный мир, имеющий амбивалентные характеристики, в коми культуре окрашивается в светло-зеленый, красный, пестрые цвета.

Безусловно, цветовая картина мира коми языка самобытна, она отражает представления древних коми об устройстве мира, традиции и культуру, особенности существования этноса. Но поскольку коми язык и культура впитали немало элементов русской культуры, можно говорить о влиянии русской системы цветообозначений на коми лингвоцветовую картину мира.

Список сокращений

БРКС – Большой русско-коми словарь. URL: <https://dict.fu-lab.ru/pagesearch> (дата обращения: 01.04.2024).

КРК – Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-роч кывчукӧр (Коми-русский словарь). Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 2000. 816 с.

КЭСКЯ – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка / под ред. В. И. Лыткина. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1999. 432 с.

МАС – Словарь русского языка : в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985–1988.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. И доп. О. Н. Трубачева. 3-е изд., стереотип. СПб.: Terra – Азбука, 1996.

ШЭСРЯ – Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка: Происхождение слов. 4-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2001. 368 с.

Список источников

1. *Бахилина, 1975* – Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 286 с.

2. *Василевич, Кузнецова, Мищенко, 2011* – Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С. Цвет и название цвета в русском языке / под общ. ред. А. П. Василевича. М.: ЛКИ, 2011. Изд. 3-е. 216 с.

3. *Вежбицкая, 1996* – Вежбицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Язык. Культура. Познание : пер. с англ. / отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1996. 411 с.

4. *Гончаров, Князев, 2010* – Гончаров О. А., Князев Н. Н. Лингвистическая детерминация восприятия цветов у русских и коми // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2010. № 2. С. 1–14.

5. *Истомин, Ильина, Уляшев, 2016* – Истомин К. В., Ильина В. И., Уляшев О. И. Восприятие цвета у русско- и комиязычного населения Республики Коми: еще раз к вопросу о связи языка и мышления // Антропологический форум. 2016. № 29. С. 9–32.

6. *Крапивник, 2014* – Крапивник Е. В. Цветонаименования: аспекты систематизации. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 144 с.

7. *Норманская, 2005* – Норманская Ю. В. Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индоевропейских языках. М.: С&К, 2005. 379 с.

8. *Пунегова, 2023* – Пунегова Г. В. Коми. Родной язык: 10–11 классы : учебник для среднего общего образования. М.: Юрайт, 2023. 354 с.

9. *Рябина, 2011* – Рябина Е. С. Основные цветообозначения в пермских языках : дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 2011. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyuetsvetooboznacheniya-v-komi-permyatskom-yazyke> (дата обращения: 12.12.2023).

10. *Семенов, Чудова, 2010* – Семенов В. А., Чудова Т. И. Народная культура коми (зырян) : учеб. пособие. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского гос. ун-та, 2010. 145 с.

11. *Уляшев, 2011* – Уляшев О. И. Хроматизм в фольклоре и мифологических представлениях пермских и обскоугорских народов. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 420, [1] с.

12. *Уляшев, 1999* – Уляшев О. И. Цвет в представлениях и фольклоре Коми. Сыктывкар: Изд-во Коми науч. центра УрО РАН, 1999. 154, [2] с.

List of abbreviations

BRKS – Big Russian-Komi dictionary [Electronic resource]. URL: <https://dict.fu-lab.ru/pagesearch> (accessed: 01.04.2024).

KRK – Beznosikova L. M., Aybabina E. A., Kosnyreva R. I. Komi-roch kyvchukkor (Komi-Russian dictionary). Syktyvkar: Komi kn. publishing house, 2000. 816 p.

KESKYA – Lytkin V. I., Gulyaev E. S. Brief etymological dictionary of the Komi language / under the editorship. V. I. Lytkina. Syktyvkar: Komi book publishing house, 1999. 432 p.

MAS – Dictionary of the Russian language: in 4 vols. / pod ed. A. P. Evgenyeva. 3rd ed. a stereotype. M.: Russian language, 1985–1988.

Fasmer – Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes. / per. s nem. and dop. O. N. Trubacheva. 3rd ed., st. St. Petersburg: Terra-Azbuka, 1996.

SHESRYA – Shanskyi N. M., Bobrova T. A. School etymological dictionary of the Russian language: Origin of words. 4th ed., stereotype. M.: Drofa, 2001. 368 p.

References

1. *Bahilina, 1975* – Bahilina N. B. Istoriya cvetooboznachenij v russkom yazyke [*History of color terms in Russian*]. Moscow, Nauka, 1975. 286 p. (In Russ.).

2. *Vasilevich, 2011* – Vasilevich A. P., Kuznecova S. N., Mishchenko S. S. Cvet i nazvanie cveta v russkom yazyke [*Color and color name in Russian*] / pod red. A. P. Vasilevicha. Izd. 3-e. Moscow, LKI, 2011. 216 p. (In Russ.).

3. *Vezhbickaya, 1996* – Vezhbickaya A. Designations of color and universals of visual perception. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition] : per. s angl / otv. red. i sost. M. A. Krongauz. Moscow, Russkie slovari, 1996. 411 p. (In Russ.).

4. *Goncharov, 2010* – Goncharov O. A., Knyazev N. N. Linguistic determination of the perception of colors among Russians and Komi. *Psichologicheskij zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshchestva i cheloveka «Dubna»* [Psychological Journal of the International University of Nature, Society and Man “Dubna”]. 2010. No 2. Pp. 1–14. (In Russ.).

5. *Istomin, 2016* – Istomin K. V., Il'ina V. I., Ulyashev O. I. Perception of color among the Russian- and Komi-speaking population of the Komi Republic: once again to the question of the connection between language and thinking. *Antropologicheskij forum* [Anthropological Forum]. 2016. № 29. Pp. 9–32. (In Russ.).

6. *Krapivnik, 2014* – Krapivnik E. V. Cvetonaimenovaniya: aspekty sistematizacii [Color names: aspects of systematization]. Moscow, FLINTA: Nauka, 2014. 144 p. (In Russ.).

7. *Normanskaya, 2005* – Normanskaya Yu. V. Genesis i razvitie sistem cvetooboznachenij v drevnih indoevropskikh yazykah [*Genesis and development of color naming systems in ancient Indo-European languages*]. Moscow, C&K, 2005. 379 p. (In Russ.).

8. *Punegova, 2023* – Punegova G. V. Komi. Rodnoj yazyk: 10–11 klassy [*Komi. Mother tongue: grades 10–11*] : uchebnyk dlya srednego obshchego obrazovaniya. Moscow, Yurajt, 2023. 354 p. (In Russ.).

9. *Ryabina, 2011* – Ryabina E. S. Osnovnye cvetooboznacheniya v permskikh yazykah [*Basic color terms in Permian languages*]: dis. ... kand. filol. nauk. Tartu, 2011. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-tsvetooboznacheniya-v-komi-permyatskom-yazyke> (accessed: 12.12.2023).

10. *Semenov, Chudova, 2010* – Semenov V. A., Chudova T. I. Narodnaya kul'tura komi (zyryan) [*Komi folk culture (Zyryan)*] : ucheb. posobie. Syktyvkar: Izd-vo Syktyvkarskogo gos. un-ta, 2010. 145 p. (In Russ.).

11. *Ulyashev, 2011* – Ulyashev O. I. Hromatizm v fol'klore i mifologicheskikh predstavleniyah permskih i obskougorskih narodov [*Chromatism in folklore and mythological ideas of the Perm and Ob-Ugric peoples*]. Ekaterinburg: UrO RAN, 2011. 420, [1] p. (In Russ.).

12. *Ulyashev, 1999* – Ulyashev O. I. Cvet v predstavleniyah i fol'klore Komi [*Color in Komi performances and folklore*]. Syktyvkar: Izd-vo Komi nauch. centra UrO RAN, 1999. 154, [2] p. (In Russ.).

Информация об авторах / Information about the authors

Урманчиева Ирина Серафимовна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русской филологии, Сык-
тывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина

167001, Россия, Сыктывкар, Октябрьский
пр., 55

Irina S. Urmancheeva

Candidate of Philology, Associate Professor
of the Department of Russian Philology,
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

55, Oktyabrsky Prosp., Syktyvkar, 167001,
Russia

Карманова Ксения Ивановна

Студент 4-го курса направления подго-
товки «Педагогическое образование»
(«Филологическое образование»)

167001, Россия, Сыктывкар, Октябрьский
пр., 55

Ksenia I. Karmanova

4rd year student in the direction of training
“Pedagogical Education” (“Philological Edu-
cation”)

55, Oktyabrsky Prosp., Syktyvkar, 167001,
Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

14.04.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

13.05.2024

Принята к публикации / Accepted for publication

21.05.2024

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ, ОБЗОРЫ,
МАТЕРИАЛЫ, ВОСПОМИНАНИЯ

PUBLICATION OF SOURCES, REVIEWS,
MATERIALS, MEMORIES

Биографический очерк / Memoirs

УДК 94

<https://doi.org/10.34130/2306-8450-2024-1-53>

Любовь Михайловна Макарова: генеалогия судьбы

Андрей Альбертович Павлов¹, Всеволод Алексеевич Макаров²

¹Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия

²ГТРК «Вятка», Киров, Россия

¹aapavlov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9192-4767>

Аннотация. Любовь Михайловна Макарова (1942–2021) – известный германист, доктор исторических наук (2005), профессор кафедры истории зарубежных стран в новое и новейшее время СГУ (2006) – проработала в СГУ почти сорок три года. Любовь Михайловна – автор 130 научных работ, в том числе монографии «Идеология нацизма» (2005). Настоящая статья – дань памяти известному российскому германисту. Она родилась в Кирове. Но Сыктывкар стал для нее второй родиной. В настоящей статье рассматриваются страницы ее детства и юности, учебы в МГУ и ГГУ – период до ее появления в Сыктывкарском государственном университете в 1976 г.

Ключевые слова: Любовь Михайловна Макарова, биография, Сыктывкарский государственный университет

Для цитирования: Павлов А. А., Макаров В. А. Любовь Михайловна Макарова: генеалогия судьбы // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2024. № 1. С. 53–66. <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2024-1-53>

Lyubov Mikhailovna Makarova: genealogy of fate

Andrej A. Pavlov¹, Vsevolod A. Makarov²

^{1,2}Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

¹aapavlov@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9192-4767>

Abstract. Lyubov M. Makarova (1942-2021) is the known germanist, the doctor of historical sciences (2005), professor at the department of history of foreign countries in modern and contemporary time (2006) worked in SGU almost forty three years. She is the author of more than 130 scientific works, including monography «Ideology of nazism» (2005). This article is a tribute of memory to the known Russian germanist. She was born in Kirov. But Syktyvkar became for her the second native land. This article considers her childhood and youth, study period in Moscow State University and GGU - the period before her work at Syktyvkar State University which started in 1976.

Keywords: Lyubov M. Makarova, biography, Syktyvkar State University

For citation: Pavlov A., Makarov V. Lyubov Mikhailovna Makarova: genealogy of fate. *Vestnik Syktyvkarского университета. Seriya gumanitarnykh nauk = Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series*. 2024, 1: 53–66. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2024-1-53>

26 апреля 2022 г. Любви Михайловне Макаровой, профессору кафедры истории зарубежных стран в новое и новейшее время (2006), а затем кафедры связей с общественностью и рекламы (2009), исполнилось бы восемьдесят. В том же году свое 50-летие отметил и Сыктывкарский университет. Л. М. Макарова вышла на пенсию в 2019 г., проработав в Сыктывкарском государственном университете без малого сорок три года (1976–2019), так что почти вся полувековая история университета – это и судьба Любви Михайловны Макаровой. Она была одной из тех преподавателей и ученых, без кого трудно представить исторический факультет СГУ в первые полвека его существования. Наш небольшой очерк о ней не претендует на полноту. В нем мы намерены раскрыть лишь некоторые страницы ее детства и юности, страницы ее жизни до приезда в Сыктывкар.

Любовь Михайловна не допускала в свою жизнь людей сторонних, не стремилась к публичности, как и почетным званиям и наградам, любя «науку в себе», а не «себя в науке». Надеемся, что этот очерк позволит чуть лучше узнать ее как человека, а вместе с тем и время ее молодости, которое безвозвратно ушло.

Любовь Михайловна, или Люба, Любочка, как называли ее родные и близкие друзья, родилась 26 апреля 1942 года в Кирове, в старом русском достаточно крупном провинциальном промышленном городе, получившем свое новое название в 1934 г., после убийства С. М. Кирова (ранее, с 1780 г. – Вятка, до того – Хлынов). Отец ее, Михаил Алексеевич Макаров (1902–1981), был участником Великой Отечественной войны, прожил долгую жизнь, работал бухгалтером, а перед выходом на пенсию – страховым агентом. Мать – Надежда Ивановна Макарова (Медведицина) (1906–1992) была дочерью священнослужителя Ивана Николаевича Медведицина, в роду которого было немало священников и педагогов, и жены его Елизаветы Васильевны, в девичестве Моломиной¹. Как дочь священнослужителя, Надежда начала свое обучение в Вятском женском епархиальном училище, открытом в Вятке еще в 1863 г. По

Люба. 5 лет. 1947 г.

¹ Иван Николаевич был священником в церкви с. Верховойское Нолинского уезда Вятской губернии. Умер от чахотки в 1918 г. Отец Елизаветы Васильевны – Моломин Василий Николаевич – четверть века работал в духовном училище в Вятке. Мать – Надежда Петровна Моломина (Юферева) – дочь протоиерея кафедрального собора г. Вятки.

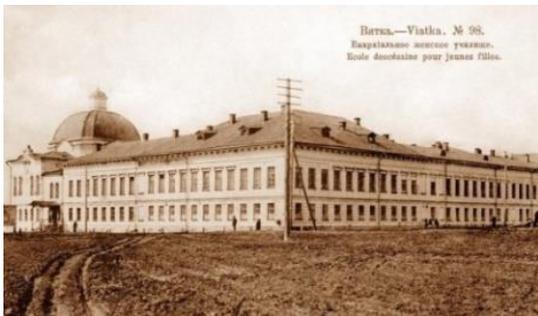
словам председателя земской управы Ивана Кошурникова, будущая роль учениц заключалась в том, «чтобы быть женами и матерями в семействах православного духовенства, быть помощницами своих мужей в их трудном деле руководителей нравственной жизни русского народа, его религиозно-нравственного воспитания и просвещения» [Кошурников, 1894, 3].

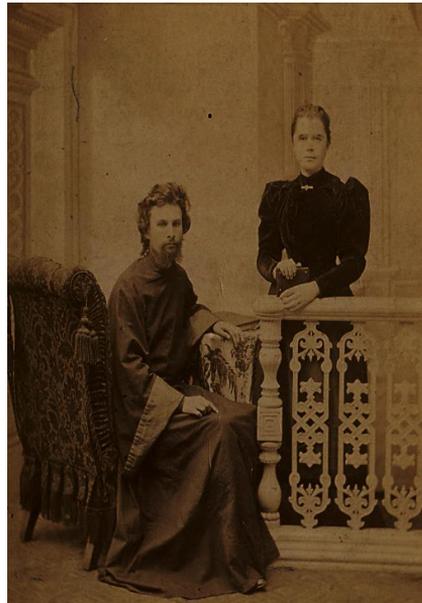
Моломин Василий Николаевич
(прадед по материнской линии,
преподаватель Вятского духовного
училища)

Моломина (Юферева) Надежда Петровна
(прабабушка по материнской линии)

Вятское женское епархиальное училище. Начало
1900-х гг.

Иван Николаевич и Елизавета Васильевна
Медведицыны (дед и бабушка
по материнской линии). 1895 г.

Точная дата ее поступления в училище неизвестна, очевидно, это был 1916 г. Помимо Закона Божьего и церковного пения, в училище изучали русский и славянский языки, географию, природоведение, историю, алгебру, геометрию, физику, дидактику, занимались рисованием и рукоделием. Выпускницы получали звание домашней учительницы. Окончить училище Надежде было не суждено. В 1918 г. в системе образования (как и вообще в российской действительности) произошли кардинальные изменения. Епархиальное женское училище, как и Вятская Мариинская женская гимназия, были закрыты, после чего Надежда Ивановна продолжила свое обучение в Глазове, входившем тогда в Вятскую губернию.

Надежда Ивановна (вторая слева в верхнем ряду) во время учебы в Глазове.

Впоследствии она работала учителем начальных классов, в 1940-х – бухгалтером в банке, в 1950-х – в облстатуправлении, с 1960-х – на пенсии.

В семье Макаровых было двое детей. В 1946 г. родился брат Алексей. Он закончит факультет физического воспитания Кировского государственного педагогического института и посвятит себя тренерской работе в детской спортивной школе.

Семья занимала две коммунальные комнаты в деревянном, дореволюционной постройки, доме с печным отоплением без удобств по улице Ю. А. Дрелевского (названной так в честь моряка Балтфлота,

Дом на улице Ю. А. Дрелевского, в котором провела свое детство Л. М. Макарова

комиссара, сыгравшего важную роль в установлении советской власти в Вятке в 1918 г.; ныне ей возвращено прежнее дореволюционное название Спасской). До революции дом относился к усадьбе известного вятского дантиста Цезаря Цезаревича Пуни, в нем он принимал своих пациентов. Именно из него отправилась Люба на учебу в Москву в 1965 г. Сейчас на его месте стоит новое здание Кировского театра кукол.

Семья Макаровых. 1948 г.

С 1949 по 1953 г. Люба училась в школе-семилетке № 42 г. Кирова, а затем в школе № 29, получившей в 1954 г. статус десятилетней общеобразовательной школы, которую и окончила в 1959 г. Эта небольшая уютная двухэтажная школа размещалась в здании бывшей Вятской мужской гимназии, также закрытой в 1918 г. (в 1964 г. она получила статус школы с углубленным изучением иностранных языков; с 1991 г. – Вятская гуманитарная гимназия). Училась Люба старательно. Любила читать. Дома книг было мало. Жили небогато. Ходила за книжками в детскую библиотеку, а позже в научную библиотеку им. А. И. Герцена.

Вятская мужская гимназия

Научная библиотека им. А. И. Герцена.
1960-е гг.

Люба Макарова
в школьные годы. 1956 г.

Любови к истории во многом поспособствовала ее школьная учительница истории Галина Михайловна Курис, прожившая долгую жизнь и пережившая свою ученицу на два года. По отзывам учеников, Галина Михайловна была очень умным, светлым и отзывчивым человеком. В 1968 г. она защитила кандидатскую диссертацию в МГПИ им. В. И. Ленина и стала преподавать в Кировском государственном педагогическом институте. В течение всей жизни Любовь Михайловна поддерживала с ней теплые отношения.

Г. М. Курис. 1955 г.

Окончив школу, Люба принимает, казалось бы, неочевидное решение – поступить в Кировское медицинское училище, которое успешно закончит и получит диплом сестры-акушерки в марте 1962 г. После окончания училища она будет направлена в Кировский областной онкодиспансер, в котором в соответствии с правилами того времени проработает три года (1962–1965) операционной сестрой. Несомненно, такого рода работа говорит о твердости духа нашей героини. Впоследствии, отучившись на истфаке МГУ, где имелась военная кафедра, Л. М. Макарова получит и звание лейтенанта запаса.

Многие известные советские историки, особенно первой половины XX в., приходили в профессию весьма сложными и непрямыми путями. В этом смысле путь, проделанный Л. М. Макаровой, не является исключением, однако все же ставит вопрос о мотивах.

С детства была ребенком смысленным и целеустремленным, приученным к работе: надо было помогать родителям по дому, присматривать за младшим братом, пока те на работе. По большинству предметов по окончании школы имела отличные отметки, хотя медалисткой и не была. Любила историю, особенно историю Франции, уделяя в связи с этим большое внимание французскому языку. Можно было выбрать немецкий, он будет столь важен в ее жизни впоследствии, но тогда по душе был французский. Да и учитель французского – легендарная Наталья Александровна Воскресенская, «классная дама», получившая образование до революции; она стажировалась в Бельгии, имела безупречное произношение, так что даже преподаватели пединститута приходили к ней послушать правильную французскую речь: на уроках ее говорили только по-французски.

Н. А. Воскресенская.
1955 г.

Школа № 29. 5 «а» класс. 1954 г. Л. Макарова – по центру в верхнем ряду

Школа № 29. Выпуск 1959 г. Л. Макарова – первая слева в третьем ряду,
Г. М. Курис – третья слева во втором ряду

Л.М. Макарова (в центре в первом ряду)
в годы учебы в Кировском
медицинском училище. 1959 г.

Кировское медицинское училище.
1960 г.

Здание МГУ, в котором размещался
исторический факультет. 1965 г.

Медицинское образование в послевоенные годы было чрезвычайно популярным, если не сказать модным. Но в Вятке существовал педагогический институт, учрежденный еще в 1918 г., в котором в 1934 г. был открыт исторический факультет, куда можно было бы поступить после школы. Однако он не привлек внимания Любви Михайловны. Она не намеревалась становиться школьным учителем.

Очевидно, еще до поступления в училище у нее сложился план поступления в Московский университет, учеба в котором позволяла изменить жизнь, давала гораздо больше возможностей реализовать себя, стать ученым, да и просто увидеть совершенно иную жизнь. Наличие среднего специального образования и трудовой стаж рассматривались как привилегии при поступлении в вуз, хотя этого было совершенно недостаточно, и Люба упорно готовится к поступлению в МГУ во время работы медицинской сестрой. Она берет уроки и консультируется у своей школьной учительницы по истории Г. М. Курис. Учит французский, занимаясь с Люсьеной Павловной Дюшепо (Смирновой), этнической француженкой, которая после замужества с кировским художником Владимиром Смирновым, главным художником Кировского театра кукол, жила в Кирове и работала костюмером в том же театре. Французский, надо заметить, очень понадобится ей во время учебы на историческом факультете, когда местом специализации она выберет кафедру истории средних веков, а предметом своей дипломной работы – французский средневековый город.

В 1965 г. Л. М. Макарова с первой попытки поступает на исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, а в 1970 г. получит диплом историка, преподавателя истории и обществоведения со знанием иностранного языка². В то

² Ректором МГУ в это время был выдающийся советский математик Иван Георгиевич Петровский, лауреат двух Сталинских премий, Герой Социалистического Труда. По воспоминаниям проф. В. Дергачева: «Время ректорства академика Петровского отмечено особым демократизмом. Возможно, с середины 50-х годов (начала хрущевской оттепели) и до начала 70-х годов Московский университет стал советской «зоной коммунизма» в лучшем смысле этого слова. Уровень созданных социальных условий для студенчества в этот период был недостижим ни в прежние, ни в последующие времена. Большую роль в жизни университета играло студенческое самоуправление, включая комсомольскую ор-

время истфак находился в центре – на ул. Герцена, 5 (сегодня – Большая Никитская), бывшем особняке князей Орловых-Мещерских, построенном в конце XVIII в. по проекту архитектора М. Ф. Казакова. По соседству находились филологический, психологический, философский факультеты и институт восточных языков³. На втором этаже располагался актовый зал. Вокруг и на третьем этаже – помещения для занятий и кафедры. Возглавлял факультет д. и. н., проф. И. А. Федосов.

Л. М. Макарова с братом Алексеем в Бердянске. 1966 г.

Л. М. Макарова с отцом и матерью в годы учебы в МГУ. 1967 г.

Л. М. Макарова у здания общежития МГУ со студентом из Африки. 1968 г.

На кафедре истории средних веков, которой руководит в это время д.и.н., академик АН СССР С. Д. Сказкин, она пишет диплом «Источники о союзе королевской власти и городов во Франции XI–XIV вв.» под руководством Нины Александровны Денисовой (Хачатурян), впоследствии известного медиевиста, доктора исторических наук (1987), а тогда ассистента кафедры, только что защитившей кандидатскую диссертацию (1968), посвященную возникновению словесного представительства во Франции в XIV в. В 1970 г. Любовь Михайловна станет первой ее дипломницей⁴. Надо отметить, что в это время на кафедре рабо-

ганизацию и студенческие советы» (<https://dergachev.org/Landscapes-of-life/Memory/04.html>).

³ Именно сюда первоначально хотела попасть Люба, но не сложилось.

⁴ Впоследствии под ее руководством будет подготовлено и защищено 10 кандидатских диссертаций, первая из которых – в 1983 г. См.: *Тимова, 2021*.

тали известнейшие советские медиевисты – Е. В. Гутнова, З. В. Удальцова, М. М. Смирин, А. Я. Гуревич и др. Е. В. Гутнова читала курсы по историографии, курсы по источниковедению и раннему средневековью читал А. Р. Корсунский, по позднему – Ю. М. Сапрыкин.

Параллельно с Л. М. Макаровой учились будущие известные медиевисты (и не только – на курсе было 150 человек). Так, вместе с ней в 1970 г. свои дипломные работы на кафедре защитили О. И. Варьяш (к.и.н., 1979) и В. А. Закс (к.и.н., 1980)⁵, а в 1971 г. это сделают С. П. Карпов (к.и.н., 1975; д.и.н., 1986; академик РАН, 2011) и Л. П. Репина (к.и.н., 1975; д.и.н., 1998; член-корреспондент РАН, 2011). Специализируясь по кафедре истории средних веков, Любовь Михайловна много внимания уделяла и латинскому языку, оставив добрую память о себе у Доната Александровича Дрбоглава (1922–2005), долгое время преподававшего на истфаке средневековую латынь.

Не будучи москвичкой, жила она, конечно, в общежитии, в спартанской обстановке, первоначально в новом комплексе зданий, возведенных в 1960-х гг., недалеко от главного здания (ГЗ) МГУ на Ломоносовском проспекте, 31⁶ (поблизости находился кинотеатр «Литва», венгерский магазин «Балатон», посольство КНР); на старших курсах – в ГЗ.

Л. М. Макарова стройотряде под Коломной. 1967 г.

Л. М. Макарова в общежитии МГУ. 1969 г.

Чтобы попасть в центр на учебу, надо было проделать неблизкий путь (пешком или на автобусе до станции метро «Университет», а затем на метро до станции «Библиотека им. В. И. Ленина» или «Проспект Маркса»). После учебы – в университетскую библиотеку, либо в «Ленинку», «Историчку» или «Иностран-

⁵ Л. М. Макарова училась в группе 12 с французским языком, была старостой. Группа состояла из 8 студентов. Из них 5 стали докторами наук. В одной группе с ней учились будущие известные ученые и политики. Среди них д.ф.н., депутат Государственной думы первого созыва В. С. Липицкий, д.п.н., политолог И. М. Бунин, д.и.н., в.н.с. ИВИ РАН В. А. Коленеко, д.и.н., г.н.с. ИРИ РАН И. С. Рыбаченок.

⁶ До этого студенты истфака жили в 4-этажном старом здании на берегу Яузы у «Матросской тишины» (Стромынка, 32). См., например, воспоминания истфаковца 1948–1953 гг., впоследствии доктора исторических наук В. П. Смирнова [Смирнов, 2005].

ку». Так что в общежитие возвращались обычно к вечеру. В комнате на стене висела карта любимой ею Латинской Америки, которой впоследствии она будет уделять много внимания на своих лекциях по новейшей истории, а известным деятелям ее посвятит несколько статей.

Активная студенческая жизнь не прекращалась и летом. Вместе с другими студентами после первого курса она ездила в «археологичку», после второго участвовала в работе стройотряда под Коломной, в 1969 г. отдыхала в студенческом палаточном лагере в Джемете (Краснодарский край). В 1966 г. она ездила навестить брата Алексея, проходящего службу в Советской армии⁷.

Несмотря на то, что Любовь Михайловна специализировалась по истории средних веков и защитила диплом, построенный на материале французских источников XI–XIV вв., содержащих сведения о взаимоотношениях городов и королевской власти во Франции, стать медиевистом, подобно упомянутым выше сокурсникам, ей было не суждено. Наметился очередной жизненный зигзаг, из которого она вышла с честью, став новистом – специалистом по новейшей истории Германии, по-видимому единственным доктором наук из числа выпускников кафедры истории средних веков 1970 г.⁸ При этом стоит заметить, что все дипломники кафедры 1970–1971 гг., защитившие свои кандидатские диссертации по истории средних веков, имели задел в виде дипломной работы. Любви Михайловне, можно сказать, пришлось начинать все сначала, в том числе изучать новые для себя языки, прежде всего польский и немецкий. И хотя, очевидно, «расстояние» между средневековой Францией XI–XIV вв. и Германией 30–40-х гг. XX в. не столь велико, как между средневековой Россией и той же Германией, однако пойти на такой шаг решился бы далеко не каждый. Но сложности не отвращали Л. М. Макарову от работы, напротив, побуждали к действию, заставляли работать над собой в стремлении испытать свои возможности, чтобы сказать себе в итоге: «Ессе, feci!».

Последующие два года жизни Л. М. Макаровой были связаны с Новосибирском, куда после окончания она была распределена в медицинский институт в качестве преподавателя латинского языка. Очевидно, выбор сделан был ею осознанно, с учетом опыта учебы в медучилище и работы медсестрой и глубокого изучения средневековой латыни в МГУ под руководством Д. А. Дрбоглава. Не мог не вызвать интереса и сам Новосибирск, крупный научный и культурный центр, расположенный далеко за Уралом, позволяющий окунуться в новый, непознанный мир. Надо сказать, что преподавание латыни в мединституте не оторвало ее от исторической науки, напротив, она активно участвует в научной жизни региона, в научных конференциях, устраивается на работу в археографическую экспедицию, работает в библиотеках Новосибирска, Иркутска, Хабаровска, знакомится с преподавателями исторического факультета Новосибирского

⁷ После армии он приедет к ней в Москву, она будет водить его по музеям, познакомит с творчеством импрессионистов.

⁸ Об однокурсниках Л. М. Макаровой см.: *Сорок лет, 2007*.

государственного университета, в частности с известным впоследствии медиевистом – д.и.н., профессором Ниной Викторовной Ревякиной, проработавшей в НГУ с 1964 по 1982 г. О научных связях говорит и ее участие в Третьей конференции историков Новосибирского университета, посвященной памяти члена-корреспондента АН СССР С. В. Бахрушина в 1971 г. Третий выпуск сборника материалов, опубликованный в 1972 г., был посвящен вопросам идеологии и политической жизни. В небольшой сборник вошли пять статей известных советских антиковедов и медиевистов (М. И. Рижского, Н. К. Тимофеевой, В. И. Уколовой, Н. В. Ревякиной), а также статья Л. М. Макаровой, написанная на основе ее дипломной работы, которая не потерялась на фоне работ маститых ученых и позволяет представить уровень выполненного ранее дипломного сочинения [Макарова, 1971]. Итоги археографической работы, которой посвятила себя Л. М. Макарова, находясь в Новосибирске, нашли отражение в двух публикациях, при подготовке которых как раз потребовались и хорошее знание латыни, и опыт работы со средневековыми текстами [Макарова, 1975]; одна из них была написана совместно с Н. В. Ревякиной [Макарова, Ревякина, 1975].

Уже работая в Новосибирске, она договаривается со своим будущим научным руководителем, проф. Калужского пединститута А. Н. Мерцаловым, о написании диссертации по буржуазной историографии нацизма и, оформив соискательство, сдает кандидатские экзамены по иностранному языку и философии.

После двух лет работы в Новосибирске Л. М. Макарова использует возможность участия в конкурсе на замещение вакантной должности ассистента кафедры истории Калужского пединститута и в 1972 г. переезжает в Калугу, где также проработает два учебных года. Уже в 1973 г. она поступает в заочную аспирантуру, а в июне 1974 г. сначала переводится на дневное отделение в Ярославский государственный университет, где в это время работает ее научный руководитель А. Н. Мерцалов⁹, а в октябре — в Горьковский университет, куда из Ярославля для руководства кафедрой новой и новейшей истории переезжает ее научный руководитель. Здесь она подписывает целевое направление в Сыктывкарский государственный университет, который был порекомендован ей А. Н. Мерцаловым.

Андрей Николаевич Мерцалов (1922–2010) был человеком непростым, неживчивым, принципиальным, работавшим в конце 1960-х – 1970-х гг. в ряде вузов в Калуге, Воронеже, Горьком, Иванове, Ярославле. Участник войны, кадровый военный, А. Н. Мерцалов окончил заочно исторический факультет Калужского государственного пединститута в 1953 г. В 1960 г. защитил кандидатскую диссертацию в МПГИ им. В.И. Ленина, посвященную фальсификации причин поражения Германии во Второй мировой войне в западногерманской мемуарной литературе, а в 1970 г. там же докторскую диссертацию, в которой дал анализ современной историографии Второй мировой войны. В 1974–1977 гг. он воз-

⁹ Работал в ЯрГУ с 1972 по 1974 г.

главлял кафедру новой и новейшей истории ГГУ, после чего уволился по собственному желанию¹⁰.

Тематика исследований научного руководителя предопределила и тему кандидатской диссертации Л. М. Макаровой («Нацистская пропаганда средствами искусства в освещении буржуазных историков»), которая была написана и обсуждена к моменту окончания аспирантуры. Однако защита ее затянулась в силу реорганизации в это время диссертационных советов и состоялась в 1978 г. В Томском государственном университете, когда Л. М. Макарова уже преподавала в должности ассистента кафедры всеобщей истории СГУ сразу по окончании аспирантуры в октябре 1976 г. Вся ее последующая жизнь будет связана с Сыктывкарским государственным университетом.

Список источников

1. *Кошурников, 1894* – Кошурников И. Заметка на отзывы печати о воспитанниках Вятского епархиального женского училища на поприще учительства их в земских школах // Вятские губернские ведомости. 1894. № 48. С. 3.
2. *Макарова, 1971* – Макарова Л. М. К вопросу о союзе городов и королевской власти во Франции в XI–XIII веках // Бахрушинские чтения. Вып. III. Вопросы идеологической жизни древности и средневековья. Новосибирск, 1971. С. 59–72.
3. *Макарова, 1975* – Макарова Л. М. Инкунабулы сектора редких книг и рукописей ГПНТБ СО АН СССР // Вопросы истории книжной культуры: сб. статей / отв. ред. Н. С. Карташов. Новосибирск, 1975. Вып. 19. С. 166–172.
4. *Макарова, Ревякина, 1975* – Макарова Л. М., Ревякина Н. В. Западноевропейская книга XV–XVIII веков в библиотеках Сибири и Дальнего Востока // Там же. С. 149–165.
5. *Смирнов, 2005* – Смирнов В. П. На историческом факультете МГУ в 1948–1953 годах (сугубо личные впечатления и размышления) // Новая и новейшая история. 2005. № 6. С. 130–165.
6. *Сорок лет, 2007* – Сорок лет спустя: 1965–2005. Истфак МГУ. Выпуск 1970 года. Юбилейный сборник / отв. ред. и сост. В. А. Коленко и А. А. Молчанов. М.: ИВИ РАН, 2007.
7. *Титова, 2021* – Титова Е. С. Научное и педагогическое наследие Нины Александровны Хачатурян (1931–2020) // Vox medii aevi. 2021. Vol. 1 (8). С. 167–185.

References

1. *Koshurnikov, 1894* – Koshurnikov I. Note on the reviews of the press about the pupils of the Vyatka diocesan girls' school in the field of their teaching in zemstvo schools. *Vyatka provincial news*. 1894. No. 48. P. 3. (In Russ.)
2. *Makarova, 1971* – Makarova L. M. On the issue of the union of cities and royal power in France in the 11th–13th centuries. *Bakhrushin readings. Issue III. Issues of the ideological life of antiquity and the Middle Ages*. Novosibirsk, 1971. Pp. 59–72. (In Russ.)

¹⁰ С 1978 по 1989 г. А. Н. Мерцалов занимал должность ведущего научного сотрудника Института истории СССР Академии наук СССР, но после отказа опубликовать его монографию, посвященную роли Сталина в Великой Отечественной войне, принял решение уйти из Академии.

3. *Makarova, 1975* – Makarova L. M. Incunabula of the rare books and manuscripts sector of the State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. *Issues in the history of book culture: collection of articles* / ed. N. S. Kartashov. Novosibirsk, 1975. Issue 19. Pp. 166–172. (In Russ.)

4. *Makarova, Revyakina, 1975* – Makarova L. M., Revyakina N. V. Western European Book of the 15th–18th Centuries in Libraries of Siberia and the Far East. *Ibid.* Pp. 149–165. (In Russ.)

5. *Smirnov, 2005* – Smirnov V. P. At the History Faculty of Moscow State University in 1948–1953 (strictly personal impressions and reflections). *New and Contemporary History*. 2005. Issue 6. Pp. 130–165. (In Russ.)

6. *Forty Years, 2007* – Forty Years Later: 1965–2005. History Faculty of Moscow State University. Class of 1970. Anniversary Collection / ed. and compiled by V.A. Koleneko and A.A. Molchanov. Moscow: IVI RAS, 2007. (In Russ.)

7. *Titova, 2021* – Titova E.S. Scientific and pedagogical legacy of Nina Alexandrovna Khachatryan (1931–2020). *Vox medii aevi*. 2021. Vol. 1 (8). P. 167–185. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Павлов Андрей Альбертович

Andrey A. Pavlov

кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой истории России и
зарубежных стран, Сыктывкарский госу-
дарственный университет имени Питири-
ма Сорокина

Candidate of Historical Sciences, Associate
Professor, Head of the Department of History
of Russian and foreign countries, Pitirim So-
rokin Syktyvkar State University

167001, Россия, Сыктывкар, Октябрьский
пр., 55

55, Oktyabrsky Prosp., Syktyvkar, 167001,
Russia

Макаров Всеволод Алексеевич

Vsevolod A. Makarov

видеомонтажёр, ГТРК «Вятка»

video editor, GTRK "Vyatka"

610002, Россия, Киров, Урицкого, 34

34, Uritskogo, Kirov, Russia, 610002

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	14.06.2024
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	24.06.2024
Принята к публикации / Accepted for publication	29.06.2024

УДК 929

<https://doi.org/10.34130/2306-8450-2024-1-67>

Юрий Михайлович Рапопорт. Вехи жизни и творчества

Светлана Ильинична Яковлева¹, Максим Юрьевич Рапопорт²

¹Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия

2НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

¹yakovlevasyktsu@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-7615-2268>

²mrapoport@hse.ru, <https://orcid.org/0009-0004-8363-7644>

***Аннотация.** Данный очерк подготовлен в связи со столетним юбилеем известного ученого и преподавателя, ветерана Великой Отечественной войны Юрия Михайловича Рапопорта. В очерке освещаются этапы жизни Ю. М. Рапопорта, а также его основные научные работы, среди которых труды по истории международного революционно-го движения и региональной истории, научные комментарии к публикациям дневников, а также собственные уникальные воспоминания.*

***Ключевые слова:** Юрий Михайлович Рапопорт, Коми пединститут, Сыктывкарский университет*

Для цитирования: Яковлева С. И., Рапопорт М. Ю. Юрий Михайлович Рапопорт. Вехи жизни и творчества // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2024. № 1. С. 67–83. <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2024-1-67>

Yuri M. Rapoport. Milestones of life and oeuvre

Svetlana I. Yakovleva¹, Maxim Yu. Rapoport²

¹Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

²National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia

¹yakovlevasyktsu@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-7615-2268>

²mrapoport@hse.ru, <https://orcid.org/0009-0004-8363-7644>

***Abstract.** This essay was prepared in honor of the centenary of Yuri Mikhailovich Rapoport, the famous researcher and professor, veteran of the Great Patriotic War. The essay highlights the main stages of Yuri M. Rapoport's life in connection with his places of study and work, as well as his main scientific works, including research on the history of the international revolutionary movement and regional history, scientific comments on the publications of diaries, as well as his own unique memories.*

***Keywords:** Yuri Mikhailovich Rapoport, Komi State Pedagogical Institute, Syktyvkar State University*

For citation Yuri M. Rapoport, S. I. Yakovleva, M. Yu. Rapoport. Milestones of life and oeuvre. *Vestnik Syktyvkarskogo universiteta. Seriya gumanitarnykh nauk = Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series.* 2024, 1: 67–83. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2024-1-67>

В интервью 2007 года Ю. М. Рапопорт сказал, что считает главной задачей подготовку своего жизнеописания для потомков [Рапопорт, 2007]. Здоровье, по-

дорванное войной и шестью десятилетиями напряженного и непрерывного преподавательского и научного труда, не позволило осуществить этот план в виде законченного текста. К счастью, многие рассказы зафиксированы на диктофонных записях разных лет. Так что составление полной биографии – вопрос времени.

Целью данного очерка является освещение основных этапов становления личности Ю. М. Рапопорта – заслуженного профессора и одного из основателей Сыктывкарского университета, кандидата исторических наук, профессора кафедры политической истории.

В очерке использованы воспоминания Ю. М. Рапопорта из более ранних публикаций и личных бесед.

Детство

Юрий Рапопорт родился 22 декабря 1923 года в селе Усть-Цильма. Родители – бухгалтер-ревизор Михаил Соломонович Рапопорт и телеграфистка Ольга Степановна Милькова – познакомились на работе по линии потребкооперации. В скором времени Михаил Рапопорт был вынужден оставить жену с маленьким сыном. В раннем детстве Юра воспитывался в семье матери – дедом Степаном Ивановичем Мильковым, известным на Севере учителем, и бабушкой Агнией Ивановной Сметаниной.

Ольга Степановна сыграла определяющую роль в жизни своего единственного сына. Благодаря ее усилиям семья с маленьким ребенком пережила трудное голодное время конца 1920-х – начала 1930-х годов.

Ранние годы Ю. М. Рапопорта отмечены чередой переездов между Усть-Цильмой, Ижмой, Щельяюром и Архангельском. Многие впечатления и образы того времени сохранились в памяти. Первые месяцы школы Юра Рапопорт учился в Ижме на коми языке. Второй и четвертый класс были закончены в Архангельске. С пятого класса и до окончания школы Юрий Рапопорт учился в Усть-Цилемской средней школе.

Одним из ярких воспоминаний детства стала поездка летом 1934 года, когда Юрия Рапопорта как отличника учебы направили во всесоюзный пионерский лагерь «Артек». Однако из-за транспортных проблем в Сыктывкар Юра попал уже после того, как делегация из Коми АССР уехала на смену. В качестве компенсации его отправили в пионерский лагерь в Слободу (ныне – Эжвинский район Сыктывкара), смена в котором завершилась первой в жизни поездкой в Ленинград.

Школьные годы также запомнились непрерывным чтением. Помимо классической литературы, мама приносила Юрию подшивки журнала «Новый мир», которые тот прочитывал от корки до корки. Будучи подростком, он осознал желание писать собственные художественные тексты. Были даже задумки первых сюжетов. Вторым увлечением юности были лыжи: Юра Рапопорт не раз становился призером школьных соревнований.

Летом 1941 года Юрий Михайлович закончил девятый класс. Впереди был последний год школы, профессиональное самоопределение, планы на жизнь.

Секретарь комсомольской организации школы Юрий Рапопорт проводил летние каникулы в пионерском лагере, куда был назначен вожатым.

Великая Отечественная война

В начале войны комсомолец, воодушевленный всеобщим патриотическим подъемом, не стал ждать совершеннолетия и последующего призыва, подав заявление об уходе на фронт добровольцем. Через месяц он вместе с товарищами и односельчанами Г. Тирановым, Д. Носовым и А. Булыгиным были направлены на учебу в Пуховическое военное училище, которое было эвакуировано в Великий Устюг из Белоруссии. Спустя много лет Ю. М. Рапопорт примет участие во встрече ветеранов-выпускников Пуховического училища, некоторые из них после войны продолжили карьеру в армии. Встреча, запечатленная на фото, оставит добрые воспоминания.

Курс подготовки был существенно сокращен из-за обстановки на фронте. Через шесть месяцев, в январе 1942 года, курсантам присвоили звание лейтенантов и направили в действующую армию.

«В 1324-м полку меня назначили командиром стрелкового взвода. Подразделения полка располагались на подступах к деревне Ситское, занятой противником. В первые дни пребывания на передовой мы – вновь прибывшие офицеры, ожидая пополнения поредевших в боях батальонов, выполняли задания штаба полка по налаживанию связи с соседними частями, ходили с небольшими группами солдат в разведку и в ночное патрулирование вдоль передовой, оборудовали траншеи и огневые точки, не раз попадали под минометный обстрел противника. Через несколько дней в полк прибыло пополнение, состоявшее в основном из солдат-сибиряков старших возрастов. Многие из них имели плохую подготовку и их приходилось обучать прямо на месте. Осложнялось все недостатком оружия: в моем взводе на 20 солдат было всего два автомата ППШ и два ручных пулемета, а вначале доставало даже винтовок» [Рапопорт, 1999, с. 1038].

История последнего боя описана самим Ю. М. Рапопортом в статье для Книги памяти Республики Коми. Это уникальное свидетельство, поскольку, как и другие фронтовики, он не любит делиться воспоминаниями об этих событиях. Важно обратить внимание читателей на несколько фактов. В феврале 1942 года плотность боев и тяжесть потерь на Юхновском направлении была такой, что у Юрия Михайловича не осталось однополчан. Встречаться после войны было не с кем. Место, в котором Ю. М. Рапопорт получил ранение, историки позже назвали Долиной смерти. Сейчас на Варшавском шоссе, недалеко от деревни Барсуки Мосальского района Калужской области, установлен мемориал, где захоронены более шести тысяч солдат, погибших в феврале 1942 года.

После тяжелого ранения, последовавших ампутации и изнурительного восстановления, которое затянулось на год и потребовало пребывания в госпиталях Калуги, Москвы, Горького, Новокузнецка и Томска, только в мае 1943 года

Юрий Михайлович смог приехать домой в Усть-Цильму. Вернуться к полноценной жизни и преодолеть тяжелую психологическую травму помогли две женщины – мама Ольга Степановна и Марфа Ивановна Носова, которая дождалась возлюбленного с фронта и вышла за него замуж.

Уже в августе 1943 года Ю. М. Рапопорт был принят на работу заведующим Усть-Цилемским районным отделом социального обеспечения. Еще через несколько месяцев, в начале 1944 года, его переводят на должность ответственного секретаря исполкома районного совета. На этой должности он проработает до 1947 года. В 1945 году Ю. М. Рапопорт вступил в Коммунистическую партию.

На молодого человека, инвалида войны сразу была возложена большая ответственность. Юрий Михайлович вспоминает:

*«В те суровые годы на долю населения северного района выпало много тягот и бедствий. С фронта продолжали приходиться похоронки. Все работы в колхозах выполнялись женщинами. В районе имелся только один изношенный трактор. В зимний период приходилось направлять женщин на лесозаготовки по повесткам ("мобилизовывать"). Весной 1946 года многим селениям нанес большой ущерб редкий даже для этих мест печорский наводок. Председатель райисполкома Зиновий Чупров на самолете вылетал определять места ледяных заторов, которые вызывали наводнение и создавали тем самым большую угрозу для населения, колхозного скота и имущества. **Исполком райсовета**¹ (выделение наше. – С. Я., М. Р.) создавал спасательные отряды, связывался с военной авиацией Архангельска, и прилетавшие самолеты бомбили заторы» [Рапопорт, 1999, с. 1039].*

Ю. М. Рапопорт – один из немногих из числа советских граждан, награжденных двумя медалями за победу в Великой Отечественной войне – «фронтовой» («За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.») и «тыловой» («За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»). Впоследствии Ю. М. Рапопорт был также награжден орденами Отечественной войны II (1947) и I (1985) степеней, медалью «60 лет Вооруженных сил СССР» (1978), медалью Жукова (1995), юбилейными медалями в честь победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

«Четырехлетний опыт районной работы в трудные военные и первые послевоенные годы, опыт общения с людьми разных возрастов и занятий, ознакомление с их нуждами и интересами явились как бы продолжением той школы, которую я прошел на фронте», – заключает Юрий Михайлович.

Учеба и работа в Коми партийной школе

В 1947 году в Усть-Цильму из Сыктывкара приезжали с проверкой кадров сотрудники Коми областного комитета ВКП(б) Н. Н. Рочев и М. М. Складнев.

¹ С учетом ранее названной должности очевидно, что автор имеет в виду себя.

Последний, ответственный работник Коми обкома партии, заметил Ю. М. Рапопорта и сказал, что ему необходимо продолжить учебу. Этот визит и напутствие определили дальнейшую судьбу.

Ю. М. Рапопорт был направлен в Сыктывкар на учебу в двухгодичную партийную школу. Большая часть слушателей школы в то время состояла из фронтовиков, недавно демобилизованных из армии.

Уже на втором году учебы Юрий Михайлович заочно поступает на историческое отделение Коми пединститута, одновременно обучаясь в партийной школе.

По окончании партийной школы выпускникам предоставляли разные возможности по продолжению карьеры. У Ю. М. Рапопорта как одного из лучших студентов был широкий выбор – предлагали и государственные должности (третьим секретарем горкома Воркуты, заведующим организационным отделом Совмина Коми АССР), и должность собственного корреспондента газеты «За новый Север» (впоследствии – «Красное знамя»; предлагал главный редактор А. Н. Узилевский).

Однако Ю. М. Рапопорт выбрал преподавание. В годы его учебы в партшколе из Москвы в Сыктывкар был командирован новый директор, выпускник Высшей партшколы ЦК ВКП(б) П. Е. Куклев. Он сразу заметил способности студента Рапопорта и предложил ему остаться преподавать. Сначала Ю. М. Рапопорт заменял Куклева на некоторых занятиях. Потом, после короткого опыта преподавания предмета «Советское строительство», Юрию Михайловичу, не имевшему на тот момент законченного высшего образования, доверили читать лекции по истории СССР.

Так в 1949 году в Коми партийной школе прозвучала первая из лекций Ю. М. Рапопорта по истории, впоследствии ставших легендарными. На протяжении следующих семи лет Юрий Михайлович продолжил вести занятия в партшколе, его учениками стали видные в будущем партийные и государственные деятели Республики Коми. Самый известный из них – Иван Морозов, первый секретарь Коми обкома КПСС с 1965 по 1987 год, – много лет спустя в торжественной обстановке вручал ему одну из наград и отметил, что также является учеником Юрия Михайловича.

Академия общественных наук при ЦК КПСС. Кандидатская диссертация

Именно учеба в Академии общественных наук при ЦК КПСС окончательно сформировала профессора Рапопорта как преподавателя и ученого.

Чтобы поступить в Академию, нужно было выдержать строгий отбор, который проходили далеко не все кандидаты, направленные региональными комитетами партии. В 1956 году Юрий Михайлович с первого раза блестяще сдал историю СССР и немецкий язык и был принят в ряды слушателей Академии.

Четыре года, с 1956 по 1960-й, Ю. М. Рапопорт провел в Москве, в аспирантуре при Академии общественных наук, работая над кандидатской диссертаци-

ей². Эпоха оттепели началась на его глазах: незадолго до отъезда в Москву он принимал участие в одном из партийных обсуждений доклада Н. С. Хрущева о культе личности И. В. Сталина.

Оттепель стала временем расцвета советской культуры и науки, в том числе истории. Появилась возможность изучать новые темы, использовать новые подходы. Для общественной мысли того времени характерен возврат к истокам коммунистических идей не только в виде наследия В. И. Ленина, но и к начальному этапу истории революционного движения. Яркими представителями этой эпохи, наряду с рожденными в 1930-х годах «шестидесятниками», стали фронтовики, чья молодость была прервана войной. Те, кто прошел и пережил войну, получили запоздалую возможность для самореализации.

Академия давала подлинно научное образование. В следующие 50 лет студенты Ю. М. Рапопорта поразились его эрудиции. По прошествии времени можно уверенно сказать, что это результат интенсивной учебы в Академии, где от аспирантов требовали знания актуальной литературы на иностранных языках, а также глубокого погружения в политическую экономию и иные области социального знания, философии, отечественной и мировой истории.

Слушателям Академии устраивали интересные встречи с политическими и государственными деятелями того времени. Юрию Михайловичу запомнились выступления секретарей ЦК КПСС Е. А. Фурцевой и П. Н. Поспелова, посла СССР в Польше П. К. Пономаренко, маршала С. М. Буденного, папанинца академика Е. К. Федорова, секретаря Компартии Сирии Х. Багдаша, а также творческие вечера композиторов Модеста Табачникова и Яна Френкеля.

В Академии общественных наук того времени аспиранты имели возможность интегрироваться в мировой научный контекст. Главное же, чем они овладели, – это важнейший для исторической науки метод добросовестной работы с источниками, позволявший накапливать знание даже в условиях известных цензурных ограничений. По этой причине для Ю. М. Рапопорта и его сокурсников в словосочетании «историк партии» ключевым словом является именно «историк». Никто из них, в отличие от многих иных преподавателей идеологических дисциплин, не «потерялся» в профессии после отмены в СССР официальной идеологии.

В годы учебы в Академии сокурсниками и близкими товарищами Ю. М. Рапопорта были, в частности, будущие доктор исторических наук, сотрудник Института марксизма-ленинизма Л. Ф. Морозов, ректор Новосибирского пединститута В. Т. Шуклецов, ведущий научный сотрудник Института истории СССР АН СССР С. А. Федюкин, член-корреспондент АН СССР В. И. Касьяненко, а также А. В. Кооп, впоследствии возглавивший Тартуский университет³.

² Важно отметить роль мамы и жены Ю. М. Рапопорта, которые остались в Сыктывкаре и посвятили себя воспитанию трех маленьких детей.

³ В годы ректорства Арнольда Коопа в Тарту получила всемирную известность семиотическая школа под руководством Юрия Лотмана. Известно, что даже в самые труд-

Тема кандидатской диссертации Ю. М. Рапопорта соответствовала духу времени. Он исследовал деятельность Германа Лопатина – первого переводчика «Капитала» К. Маркса на русский язык. Кропотливая работа в архивах позволила впервые опубликовать важные источники, в частности, письма Лопатина русскому анархисту П. Л. Лаврову, а также письма Маркса Лопатину. Кроме того, в результате были написаны две работы: диссертация и брошюра «Из истории связей русских революционеров с основоположниками научного социализма (К. Маркс и Г. Лопатин)».

Основные выводы работы заключались, во-первых, в том, что Герман Лопатин являлся в 1870-х годах вторым после русской секции Первого Интернационала связующим звеном между К. Марксом и российскими революционерами, а также анархистами и на протяжении нескольких лет оставался для К. Маркса ценным источником актуальных сведений о положении дел в России. Во-вторых, именно Г. Лопатин внес существенный вклад в первый перевод «Капитала» на русский язык, в работе над которым у него была возможность получить прямую консультацию автора. Кроме того, Лопатин сыграл ведущую роль на начальном этапе распространения марксизма в Российской империи, поскольку его рассказы о теории К. Маркса были заслушаны во время его поездок и ссылок во многих городах от Петербурга до Ташкента и способствовали интересу разночинной интеллигенции к учению К. Маркса [Рапопорт, 1960]. Именно эта социальная группа через двадцать лет станет базой для формирования РСДРП.

Научным руководителем диссертации стала Милица Васильевна Нечкина – доктор исторических наук, одна из самых известных советских исследователей движения декабристов. В опубликованном дневнике М. В. Нечкиной сохранились записи о встречах с аспирантом Рапопортом [Дневники, 2013, с. 408, 418]. Сам Ю. М. Рапопорт с благодарностью отзывается о научной руководительнице, вспоминая ее требовательность и внимательность, особенно подчеркивая ее ценные советы по поиску архивных материалов в самом начале работы над диссертацией.

Результат их научного общения отлично виден в тексте, который сейчас доступен в Интернете [Рапопорт, 1960]. Замечательная образность речи, доказательность, плотность идей в научном тексте, уместное цитирование, нетривиальные выводы – все перечисленное отличает эту и последующие работы Ю. М. Рапопорта.

О качестве диссертации свидетельствует, например, такой факт. В 1967 году во французском научном журнале «Cahiers du monde russe et soviétique» («Журнал о русском и советском мире») выходит статья одного из ведущих зарубежных специалистов по русской политической истории Михаэля Конфино «Об авторе «Некто Нечаев» (Неопубликованные письма М. Бакунина и Г. Лопатина)». В данной статье профессор Конфино, в 1962 году посещавший СССР, приводит

ные с точки зрения цензуры годы тартуские ученые и студенты отличались интеллектуальной свободой.

всю русскоязычную литературу по проблеме, но обильно цитирует и полемизирует лишь с двумя авторами. Один из них – Юрий Рапопорт [Confino, 1967].

Руководство Академии общественных наук не могло не заметить потенциал молодого ученого. Ю. М. Рапопорту предложили остаться в Академии и продолжить исследования. Однако Коми обком КПСС, который направлял Ю. М. в Академию, не отпустил ценного сотрудника.

Ю. М. Рапопорт вернулся в Сыктывкар и стал руководителем лекторской группы Коми обкома. Содержание данной работы сильно отличалось от того, какой она может показаться из названия. Вместо уютного кабинета Ю. М. Рапопорт объездил с лекциями всю Республику Коми от Прилузья и Койгородка до северных городов республики. Отработав в обкоме год, Юрий Михайлович по личной просьбе перешел на кафедру марксизма-ленинизма Коми государственного пединститута.

Коми пединститут

В пединституте Юрий Михайлович проработал 11 лет, с 1961 по 1972 год. Коллектив кафедры был ему хорошо знаком. Многие преподаватели Коми партийной школы после принятия решения о ее закрытии были переведены в пединститут. Профессиональные навыки Ю. М. Рапопорта были также хорошо известны преподавателям кафедры. Кроме того, в годы учебы в Академии он регулярно навещал коллег и товарищей и делился с ними последними достижениями из мира социальных наук.

Ю. М. Рапопорт преподавал историю КПСС преимущественно на историко-филологическом факультете пединститута. Многие сотни студентов-филологов, русских и коми языковедов, будущих учителей иностранных языков и истории стали слушателями его лекций, сдавали зачеты и экзамены. И то и другое многие запомнили на всю жизнь, некоторые до сих пор, спустя 60 лет, вспоминают своего преподавателя с благодарностью. Важная деталь: студенты Ю. М. Рапопорта тех лет замечают, что никогда не догадывались о тяжелом фронтном ранении преподавателя, узнав о нем из публикаций лишь спустя много лет. Отметим, что именно эти студенты, после окончания института направлявшиеся по распределению в школы республики Коми, сами впоследствии стали наставниками для нескольких поколений советских и российских школьников.

Поступательно развивалась и карьера Ю. М. Рапопорта. В 1964 году он был избран на должность доцента кафедры, а в 1968 году – на должность заведующего кафедрой истории КПСС и научного коммунизма.

В научной работе тех лет, как видно из списка публикаций [Указатель, 2000], Ю. М. Рапопорт параллельно разрабатывал две темы. Первая являлась продолжением кандидатской диссертации и была связана с восприятием учения К. Маркса российским революционным движением. Другая тема, которая с начала 1970-х годов выходит на первый план, – влияние политики Коммунистической партии на развитие экономики Коми АССР и других регионов Севера. Особенное значение в этом направлении имел анализ деятельности Коми партийной

организации: в 1964 году Ю. М. Рапопорт готовит главу в коллективной монографии «Очерки истории Коми партийной организации», а также совместно с Я. Н. Безносиковым занимается редактированием всей книги [Очерки, 1964].

Еще одним важным событием в научной жизни Ю. М. Рапопорта стала полугодовая командировка в Москву в 1968 году, в ходе которой он принял участие в написании многотомной «Истории Коммунистической партии Советского Союза». Сам факт участия в авторском коллективе этого издания, в редакцию которого под руководством бывшего секретаря ЦК КПСС П. Н. Поспелова входили ведущие специалисты того времени, говорит о всесоюзном признании авторитета приглашенных к работе авторов.

Особенность многотомной «Истории КПСС» заключается в том, что в ней не указаны авторы конкретных разделов. Однако из воспоминаний Ю. М. Рапопорта мы знаем, что, хотя первоначально предполагалось его участие в написании главы об экономике первых пятилеток, в итоговый текст в практически неизменном виде вошел написанный им фрагмент о Конституции СССР 1936 года [История КПСС, 1971, С. 512–521]. Глядя на этот текст из сегодняшнего дня, мы, конечно, замечаем на нем отпечаток времени. Но необходимо также отметить, что этот текст во многом закрепил нарратив описания и оценки сталинской конституции на годы вперед. Более того, в некоторых учебниках, как по истории, так и по конституционному праву, основные идеи этого текста по сей день воспроизводятся без должного переосмысления. Ревизия исторического и юридического значения Конституции СССР 1936 года, назревшая с учетом нового методологического понимания конституционализма как ограничения власти, стала предметом научных исследований совсем недавно [Великанова, 2021].

Материалы, подготовленные Ю. М. Рапопортом в ходе работы в авторском коллективе многотомной «Истории КПСС», были использованы спустя 10 лет и в последующих томах этого издания, выпуск которого, к слову, так и не был завершен.

Важным личным достижением рубежа 1960–70-х годов Юрий Михайлович всегда считал то, что все трое его детей получили высшее образование: дочери – в ведущих университетах Ленинграда, сын – в Горьковской консерватории.

Сыктывкарский университет

В 1971 году Юрия Михайловича вызвал в обком КПСС заведующий отделом науки и образования Л. Т. Рассохин. Он предложил Ю. М. Рапопорту занять должность ректора Коми пединститута вместо Н. П. Безносикова. Ю. М. Рапопорт это предложение категорически отверг. Причина, как вспоминает профессор, была в том, что в эти годы в пединституте развертывалось хозяйственное строительство, возводился новый учебный корпус. Юрий Михайлович никогда не занимался строительными работами, поэтому не мог позволить себе некомпетентности. Кроме того, он отлично сознавал, что административная работа сложно сочетается с научной деятельностью, которую оставлять не хоте-

лось. В итоге ректором стал человек, чья фамилия также звучала на той встрече. В. Н. Ахмеев проработал на этой должности более тридцати лет.

Вскоре Ю. М. Рапопорта снова пригласили в обком. Новое предложение заключалось в том, чтобы возглавить кафедру истории КПСС в создаваемом в то время Сыктывкарском университете. Это предложение Юрий Михайлович принял, тем более что оно не было неожиданным, поскольку за некоторое время до этого ему звонила В. А. Витязева, с которой они были знакомы по работе в Коми научном центре РАН, с тем, чтобы узнать его мнение относительно возможного назначения.

Непосредственно перед началом работы в новом Сыктывкарском университете на Ю. М. Рапопорта была возложена дополнительная нагрузка, по поводу которой не было предварительной договоренности. Во-первых, некоторое время Юрию Михайловичу пришлось заведовать единой кафедрой не только истории КПСС, но и научного коммунизма. Кафедра философии и научного коммунизма получила самостоятельность в 1975 году, ее возглавил В. А. Федорович.

Во-вторых, Ю. М. Рапопорта также попросили возглавить партийную организацию университета. В это же время, в июле 1972 года вышло Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мерах по дальнейшему совершенствованию высшего образования в стране», в соответствии с которым повышалось партийное влияние в вузах. На практике это означало возможность и, в известном смысле, обязанность секретаря партийной организации университета контролировать деятельность ректора. Такой характер взаимоотношений не устраивал ни Ю. М. Рапопорта, ни В. А. Витязеву, поэтому при первой возможности Юрий Михайлович оставил эту должность и сосредоточился на работе на кафедре.

Заметим, что первый ректор и первый заведующий одной из кафедр Сыктывкарского университета через всю жизнь пронесли уважительное и доброжелательное отношение друг к другу. Их последняя встреча состоялась случайно за полгода до ухода из жизни В. А. Витязевой, осенью 2009 года, у Национальной библиотеки Республики Коми, куда Юрий Михайлович шел обновлять книги, а Валентина Александровна уже возвращалась после работы в читальном зале.

В начале работы в университете перед Юрием Михайловичем возникла задача по созданию кафедры истории КПСС. Первыми сотрудниками кафедры стали О. И. Нагирняк, Л. П. Заборцева и В. С. Дегтев. Всю нагрузку кафедры в первый год выполняли они во главе с заведующим. В течение следующих нескольких лет на кафедру пришли Л. С. Шабалова, Г. И. Вячеславов, Е. А. Нестеров. Долгое время на кафедре проработал В. И. Ильин, ставший впоследствии доктором социологических наук, профессором СПбГУ. В свое время профессор Ильин благодарил Юрия Михайловича за то, что тот поддерживал его в начале преподавательской и исследовательской деятельности. Сотрудники кафедры и сам Ю. М. Рапопорт с теплотой вспоминают атмосферу, которая сложилась на кафедре. Многие преподаватели до сих пор поздравляют заведующего с днем рождения и Днем Победы.

На кафедре под руководством Ю. М. Рапопорта велась серьезная методическая работа. Раз в несколько лет коллектив кафедры готовил для студентов методические рекомендации по изучению истории КПСС. Основанные на базе марксистской философии, эти рекомендации, по сути, сводились к обучению навыкам критического анализа текстов, пусть и имевших специфический предмет изложения. С этой точки зрения данные материалы сохраняют педагогическое значение.

Принципиальной позицией Ю. М. Рапопорта была известная степень обособленности кафедры истории КПСС от исторического факультета университета. Отличительными чертами кафедры Рапопорта, которую он возглавлял до 1983 года, затем передав Л. С. Шабаловой, были междисциплинарность, глубокое понимание не только гуманитарных, но и социально-экономических наук. Именно эти особенности позволили впоследствии, как пишет сам Юрий Михайлович, *«коллективу этой кафедры быть признанным в университете одним из лучших по результатам учебной и научной работы, а затем стать в значительной мере основой новой кафедры – истории, политологии и социологии»* [Рапопорт, 1999, с. 1040].

Кафедра истории, политологии и социологии функционирует по сей день под названием «Кафедры истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам». Кафедра вошла в состав института истории и права Сыктывкарского университета в результате масштабной реорганизации 2013 года, когда к ней присоединились некоторые преподаватели КГПИ.

Ю. М. Рапопорт продолжал непрерывное саморазвитие, постоянно ездил на курсы повышения квалификации и мотивировал к тому же преподавателей своей кафедры. Тем, кому повезло слышать его лекции вживую, не нужно ничего говорить об их высочайшем интеллектуальном уровне. Другим могут помочь несколько фактов. Сейчас Сыктывкарский университет носит имя Питирима Сорокина, но вплоть до конца перестройки об этом выдающемся ученом в СССР мало кто знал. На лекциях Ю. М. Рапопорта в Сыктывкарском университете фамилия Сорокина звучала. Другой пример – в конце 1970-х годов Юрий Михайлович советовал одному знакомому заниматься в аспирантуре философией Каллистрата Жакова. Для позднесоветской науки это имя также было практически потеряно, интерес к творчеству К. Ф. Жакова был возрожден только в конце 1980-х годов. Знакомый пренебрег советом и диссертации так и не защитил.

Самого Юрия Михайловича на рубеже 1970–1980-х годов эти поиски привели к мысли о докторской диссертации. Оформив перевод на должность старшего научного сотрудника, в течение двух лет Ю. М. Рапопорт занимался подготовкой текста диссертации. Тема работы была связана с реализацией новой экономической политики в специфических географических и экономических условиях Европейского Севера. В результате кропотливой работы с обширным набором источников, хранившихся в архивах Архангельской, Вологодской, Мурманской областей и Республики Коми, Ю. М. Рапопорт подготовил монографию «Осу-

ществление экономической политики Коммунистической партии в условиях Европейского Севера РСФСР, 1917–1925 гг.» [Рапопорт, 1984].

В тексте монографии представлена целостная картина экономики данного региона, а также в динамике показано ее развитие в периоды революции, военного коммунизма и нэпа. Автор приходит к выводу, что в годы нэпа экономика Европейского Севера в большей части отраслей вернулась к дореволюционному уровню, а в некоторых даже превзошла его. Автор также подчеркивает роль местных партийных организаций, которым приходилось использовать нестандартные подходы при взаимодействии с самобытным и многонациональным северным крестьянством, в успехах и неудачах реализации нэпа на Севере. В результате автор приходит к выводу, что нэп, во всяком случае в данном регионе, был проектом скорее успешным и не исчерпал возможностей для дальнейшего развития. Конечно, между строк читается вывод и о необоснованности свертывания новой экономической политики.

В работе также особое внимание уделено характерным именно для нэпа институтам. Во-первых, концессиям, использование которых позволило путем привлечения иностранного опыта и капитала быстро построить ориентированную на экспорт лесную промышленность, обеспечивавшую страну валютой. Во-вторых, потребительской и кредитной кооперации, распространение которых в известной степени снизило напряженность проблем с продовольствием, а также обеспечило переход от прямого товарного обмена к денежному. Теме потребительской кооперации, значение которой подчеркивалось в монографии, были посвящены также несколько статей Ю. М. Рапопорта, написанных в последующем [Рапопорт, 1995; 1997].

Монография вышла только в 1984 году, хотя была закончена раньше. Публикации предшествовало долгое и сложное взаимодействие с редактором, ленинградским историком В. А. Селезевым.

Известно, что Юрий Михайлович не стал защищать данную монографию в качестве докторской диссертации. Любое указание на причины такого решения будет домысливанием, которое авторы очерка считают непозволительным. Однако, на наш взгляд, сам по себе факт принятия такого решения свидетельствует о последовательном и объективном отношении автора к себе, что подтверждает его качества истинного ученого.

Опубликованная монография стала одним из обязательных источников для дальнейших исследований истории и экономики регионов Европейского Севера России. На данную работу Ю. М. Рапопорта есть множество ссылок в диссертациях и статьях авторов из Мурманска, Архангельска, Санкт-Петербурга и других городов [Соколова, 2004; Фокин, 2010; Горохов, 2013; Котов, 2019].

Другим важным трудом того времени стало редактирование двух коллективных работ, посвященных деятельности КПСС на территории Коми. В 1982 году вышла книга «Дорогой борьбы и побед 1971–1981: Хроника Коми областной партийной организации» [Дорогой..., 1982]. В 1987 году вышла более подробная монография «Очерки истории Коми областной партийной организации» [Очер-

ки..., 1987]. С учетом скорого прекращения деятельности КПСС эти книги можно считать итоговыми обзорными работами об особенностях регионального государственного управления в советский период истории.

За годы работы в пединституте и университете Ю. М. Рапопорт получил множество наград различного уровня. Среди них медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970), почетные грамоты Президиума Верховного Совета Коми АССР (1967, 1972, 1983), почетная грамота Совета министров Коми АССР (1986).

Как было отмечено выше, перестройка и снижение роли КПСС в жизни общества, а также последующая смена политического режима не прервали научной и преподавательской карьеры Ю. М. Рапопорта. Отмена цензуры открыла возможность для публикации переводов трудов зарубежных историков, а открытие архивов стало причиной появления многих новых работ по истории XX века. Юрий Михайлович был полностью погружен в данный контекст и подготовил несколько спецкурсов по политической истории СССР, посвященных, в частности, фигурам Л. Д. Троцкого и Н. И. Бухарина, а также обзорный курс «Дискуссионные проблемы советского периода отечественной истории». В данных курсах, регулярно обновляемых, профессор Рапопорт освещал актуальные позиции историков по обсуждаемым проблемам.

В 1991 году Ю. М. Рапопорту было присвоено ученое звание профессора по кафедре политической истории, а в 1997 году Указом Президента РФ Б. Н. Ельцина – звание «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации».

В 1999 году в семье Юрия Михайловича и Светланы Ильиничны Яковлевой родился сын. Его развитию и воспитанию Ю. М. Рапопорт посвятит все последующие годы. С. И. Яковлева – кандидат исторических наук, доцент, сегодня продолжает работу на кафедре, которую 50 лет назад создал профессор Рапопорт.

Вплоть до середины 2000-х годов Ю. М. Рапопорт вел активную преподавательскую и исследовательскую деятельность, руководил научными работами студентов СГУ.

Последние годы в Сыктывкарском университете Юрий Михайлович по личной просьбе ректора В. Н. Задорожного работал как профессор-консультант. Эта должность предполагала преимущественно научное руководство студентами. Из последнего набора студентов лишь один получил от профессора Рапопорта отличную оценку. Сейчас А. Ю. Долгов (так звали студента) – кандидат социологических наук, доцент факультета социальных наук НИУ ВШЭ.

Летом 2007 года Юрий Михайлович принял решение завершить работу в университете и ушел на заслуженный отдых.

Дальнейшая деятельность

После выхода на пенсию Ю. М. Рапопорт продолжил исследовательскую работу. На протяжении нескольких лет он работал над восстановлением судеб участников Великой Отечественной войны, призванных из Коми АССР и прини-

мавших участие в битве за Москву. Идея данной работы была вызвана исторической несправедливостью, связанной с принятыми хронологическими рамками Московской битвы. Ю. М. Рапопорт, сам сражавшийся на фронте в двух (!) часах езды от Москвы, так и не был награжден медалью «За оборону Москвы». Таких солдат и офицеров, которые не попали в обозначенный период, было немало. Кроме того, многие из участников войны на тот момент по-прежнему числились пропавшими без вести.

За годы работы Ю. М. Рапопорту удалось точно установить по документам судьбы более сотни земляков. Данные материалы не опубликованы и хранятся в личном архиве профессора. Для выполнения исследовательской задачи Юрий Михайлович в 2008–2009 годах самостоятельно освоил персональный компьютер и навыки поиска в Интернете⁴, став одним из первых активных пользователей сайтов «ОБД-Мемориал» и «Подвиг народа», получивших впоследствии широкое распространение.

В 2012–13 годы по просьбе коллеги, доцента СГУ Л. П. Кучеренко Ю. М. Рапопорт изучил дневники ее отца Прокопия Аншукова, фронтовика, с которым Юрий Михайлович был знаком по работе в Усть-Цильме. Ю. М. Рапопорт подготовил вводную статью, предваряющую публикацию дневников, в которой провел глубокий исторический и личный анализ этого текста [Рапопорт, 2014].

В 2015–2018 годы Юрий Михайлович систематизировал весь свой архив, сначала документы, материалы, выписки из архивов и обширную библиотеку. Затем был приведен в порядок архив фотографий: к своему 95-летию Ю. М. Рапопорт подготовил для многочисленных родственников фотоальбом с избранными подписанными фотографиями членов семьи Рапопортов-Мильковых-Сметаниных и этапов своего жизненного пути, охватывающего период с начала XX века по сей день.

Юрий Михайлович продолжает играть важнейшую роль в жизни четырех поколений своей семьи. В частности, неоценим его вклад в жизнь младшего сына, одного из авторов этих строк. С первого класса школы и до окончания университета Юрий Михайлович держал руку на пульсе образования сына, вел ежедневные беседы, активно пользовался электронным дневником, знал поименно всех школьных учителей, нередко угадывая в них своих бывших студентов. Большую помощь он оказал при подготовке к поступлению в университет и в принятии решения о направлении и месте учебы.

Биография Юрия Михайловича Рапопорта – это неповторимая история о последовательности в мировоззрении и честности по отношению к коллегам, друзьям и родным. К нашему счастью, история продолжается!

⁴ В 2010 году был также освоен ноутбук, а в 2013–14 году – планшет iPad, подаренный внуками на 90-летний юбилей.

Список источников

1. *Великанова, 2021* – Великанова О. Конституция 1936 года и массовая политическая культура сталинизма. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 360 с.
2. *Горохов, 2013* – Горохов Р. В. Государственная политика в отношении частных промышленных предприятий на Европейском Севере России в 1920-е гг. : дис....канд. ист. наук. Вологда, 2013. 217 с.
3. *Дорогой борьбы..., 1982* – Дорогой борьбы и побед. 1917–1981. Хроника Коми областной организации КПСС. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1982. 352 с.
4. *Дневники, 2013* – «...И мучилась, и работала невероятно»: Дневники М. В. Нечкиной / отв. ред. Е. И. Пивовар; сост., вступ. ст. и комм. Е. Р. Курапова. М.: РГГУ, 2013. 824 с.
5. *История Коммунистической партии, 1971* – История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4, кн 2. М.: Политиздат, 1971. 607 с.
6. *Котов, 2019* – Котов А. С. Интеллигенция Вологодского края в 1917–1929 гг.: дис. ... канд. ист. наук, Череповец, 2019. 249 с.
7. *Очерки истории, 1964* – Очерки истории Коми областной партийной организации КПСС. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1964. 428 с.; 1987. 512 с.
8. *Рапопорт, 2014* – Рапопорт Ю. М. Дневник фронтовика Прокопия Аншукова // Дневник фронтовика П. Ф. Аншукова. Сыктывкар: Издательство СыктГУ, 2014. С. 89–98.
9. *Рапопорт, 1960* – Рапопорт Ю. М. Из истории связей русских революционеров с основоположниками научного социализма (К. Маркс и Г. Лопатин). М.: Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1960. 79 с.
10. *Рапопорт, 1997* – Рапопорт Ю. М. О сельскохозяйственной кооперации Европейского Севера в 1920-е годы // Материалы февральских чтений гуманитарного факультета // Материалы научных трудов гуманитарного факультета Сыктывкарского университета. Сыктывкар: Изд-во СГУ, 1997. С. 59–62.
11. *Рапопорт, 1999* – Рапопорт Ю. М. Оглядываясь на пройденные годы // Книга памяти Республики Коми. Т. 8. Сыктывкар, 1999. С. 1036–1040.
12. *Рапопорт, 1984* – Рапопорт Ю. М. Осуществление экономической политики Коммунистической партии в условиях Европейского Севера РСФСР, 1917–1925 гг. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1984. 216 с.
13. *Рапопорт, 1995* – Рапопорт Ю. М. Потребительская кооперация Севера в годы НЭПа: противоречия развития // Материалы научных трудов гуманитарного факультета Сыктывкарского университета. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 1995. С. 11–20.
14. *Рапопорт, 2007* – Рапопорт Ю. М. Юрий Рапопорт: «Свое жизнеописание я хотел бы оставить потомкам»: беседа с проф. истории Сыкт. гос. ун-та о перипетиях своей судьбы / записала Анна Сивкова // Республика. 2007. 8 мая.
15. *Соколова, 2004* – Соколова Ф. Х. Власть и интеллигенция Европейского Севера России в годы новой экономической политики // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2004. № 7. С. 225–236.
16. *Фокин, 2010* – Фокин Д. А. Кольский Север в политике Советского государства: формирование регионального управления: дис.... канд. истор. наук, Архангельск, 2010. 226 с.

17. *Указатель, 2000* – Юрий Михайлович Рапопорт. Библиографический указатель научных трудов / сост.: Е. Б. Емельянова. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского университета, 2000. 24 с.
18. *Confino M. Autour..., 1967* – Confino M. Autour de « l'affaire Nečaev » [Lettres inédites de Michel Bakunin et de German Lopatin] // Cahiers du monde russe et soviétique, vol. 8, n°3, Juillet-septembre 1967. P. 452–495.

References

1. *Velikanova, 2021* – Velikanova O. The Constitution of 1936 and the mass political culture of Stalinism. Moscow: *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2021. 360 p. (In Russ.)
2. *Gorokhov, 2013* – Gorokhov R. V. State policy towards private industrial enterprises in the European North of Russia in the 1920s. Diss Candidate of Historical Sciences. Arkhangelsk, 2013. 217 p. (In Russ.)
3. *The road of struggle and victory, 1982 – Dorogoj bor'by i pobed. 1917-1981. Hronika Komi oblastnoj organizacii KPSS* [The road of struggle and victory. 1917-1981. The chronicle of the Komi regional organization of the CPSU]. Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 1982. 352 p. (In Russ.)
4. *Diaries, 2013* – "... And suffered, and worked incredibly": Diaries of M.V. Nechkina / Ed. E.I. Pivovar; Comp., intro. art. and comment. E.R. Kurapova. Moscow, RGGU Publ., 2013. 824 p. (In Russ.)
5. *History of KPSU, 1971 – Istoriya Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza* [The history of the Communist Party of the Soviet Union]. Volume 4, Book 2. Moscow: *Politizdat* [Politizdat Publ.], 1971. 607 p. (In Russ.)
6. *Kotov, 2019* – Kotov A. S. The intelligentsia of the Vologda Region in 1917–1929. Diss Candidate of Historical Sciences Nizhny Novgorod, 2019. 249 p. (In Russ.)
7. *Essays, 1987 – Oчерki istorii Komi oblastnoj partijnoj organizacii KPSS* [Essays on the history of the Komi regional party organization of the CPSU]. Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 1987. 512 p. (In Russ.)
8. *Essays, 1964 – Oчерki istorii Komi partijnoj organizacii* [Essays on the history of the Komi party organization]. Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 1964. 428 p. (In Russ.)
9. *Rapoport, 2014* – Rapoport Y. M. Diary of front-line soldier Prokopy Anshukov. *The diary of front-line soldier P.F. Anshukov*. Syktyvkar: Syktyvkar University Press, 2014. pp. 89–98. (In Russ.)
10. *Rapoport, 1960* – Rapoport Yu. M. From the history of ties of the Russian Revolutionaries' with the founders of the Scientific Socialism: (K. Marx and G. Lopatin). Moscow: Publishing House of the Higher Party School and the Academy of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU, 1960. 79 p.
11. *Rapoport, 1997* – Rapoport Yu. M. On agricultural cooperation of the European North in the 1920s. *Materialy fevral'skih chtenij gumanitarnogo fakul'teta Syktyvkarskogo universiteta* [Materials of the February readings of the Faculty of Humanities of Syktyvkar University] / Syktyvkar: Syktyvkar University Press, 1997. Pp. 59–62. (In Russ.)
12. *Rapoport, 1999* – Rapoport Yu. M. Looking back at the years passed. *Kniga pamyati Respubliki Komi* [Memory Book of the Komi Republic]. Syktyvkar, 1999. Vol. 8. Pp. 1036–1040. (In Russ.)

13. *Rapoport, 1984* – Rapoport Yu. M. The implementation of the economic policy of the Communist Party in the conditions of the European North of the RSFSR, 1917-1925. Leningrad: Leningrad University Press, 1984. 216 p. (In Russ.)
14. *Rapoport, 1995* – Rapoport Y.M. Consumer cooperation in the North during the NEP years: contradictions of development. *Materialy nauchnyh trudov gumanitarnogo fakul'teta Syktyvkar'skogo universiteta* [Materials of scientific works of the Faculty of Humanities of Syktyvkar University]. Syktyvkar: Syktyvkar University Press, 1995. Pp. 11–20. (In Russ.)
15. *Rapoport, 2007* – Rapoport Y.M. Yuri Rapoport: "I would like to leave my biography to posterity": [conversation with History Prof. of Syktyvkar State University about the peripetias of his fate] / written by Anna Sivkova. *Respublica* [Republic]. 2007. May 8. (In Russ.)
16. *Sokolova, 2004* – Sokolova F. H. Power and intelligentsia of the European north of Russia in the years of the new economic policy. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Herzena* [Proceedings of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University]. 2004. No. 7. Pp. 225–236. (In Russ.)
17. *Fokin, 2010* – Fokin D. A. The Kola North in the politics of the Soviet state: the formation of regional governance. Diss Candidate of Historical Sciences. Arkhangel'sk, 2010. 226 p. (In Russ.)
18. *Index, 2000* – Yuri Mikhailovich Rapoport. Bibliographic index of scientific works. Comp.: E.B. Yemelyanova. Syktyvkar: Syktyvkar University Press, 2000. 24 p. (In Russ.)
19. *Confino, 1967* – Confino M. Autour de "l'affaire Nečaev" [Lettres inédites de Michel Bakunin et de German Lopatin]. *Cahiers du monde russe et soviétique*, vol. 8, n°3, Juillet-septembre 1967, pp. 452–495. (In French).

Информация об авторах / Information about the authors

Яковлева Светлана Ильинична

кандидат исторических наук, доцент,
Сыктывкарский государственный уни-
верситет имени Питирима Сорокина

167001, Россия, Сыктывкар, Октябрь-
ский пр., 55

Svetlana I. Yakovleva

Candidate of Historical Sciences, Associate
Professor, Pitirim Sorokin Syktyvkar State
University

55, Oktyabrsky Prosp., Syktyvkar, 167000,
Russia

Рапопорт Максим Юрьевич

аспирант, приглашенный преподаватель,
НИУ «Высшая школа экономики»

101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Maxim Y. Rapoport

postgraduate student, visiting lecturer, National
Research University «Higher School of Eco-
nomics»

20, Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

16.02.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

12.03.2024

Принята к публикации / Accepted for publication

19.03.2024

**Всероссийская научная конференция с международным участием
«Фольклор и книжность: памяти Андрея Николаевича Власова»**

Руслана Евгеньевна Тубылевич

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия
tubylevich.ruslana.sempai@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-0984-357X>

***Аннотация:** В статье делается обзор Всероссийской научной конференции с международным участием «Фольклор и книжность: памяти Андрея Николаевича Власова», посвященной доктору филологических наук, заведующему отделом русского фольклора ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, профессору Сыктывкарского государственного университета, ушедшему из жизни в 2023 году. Конференция прошла 13–14 июня 2024 г. в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Она объединила его учеников и коллег из Университета в Нише (Сербия), ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН и РГПУ им А. И. Герцена (Санкт-Петербург), РГУ им. А. Н. Косыгина (Москва), ННГУ им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород), СГУ им. Питирима Сорокина и Коми НЦ УрО РАН (Сыктывкар). Тематика докладов разделилась на два главных для А. Н. Власова направления – фольклор и книжность.*

***Ключевые слова:** Всероссийская научная конференция, Андрей Власов, книжность, фольклор, русская культура*

Для цитирования: Тубылевич Р. Е. Всероссийская научная конференция с международным участием «Фольклор и книжность: памяти Андрея Николаевича Власова» // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2024. № 1. С. 83–96. <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2024-1-83>

**All-Russian scientific conference with international participation
“Folklore and bookishness: in memory of Andrei Nikolaevich Vlasov”**

Ruslana E. Tubylevich

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia
tubylevich.ruslana.sempai@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-0984-357X>

***Abstract.** The article includes review of All-Russian scientific conference with international participation “Folklore and bookishness: in memory of Andrei Nikolaevich Vlasov dedicated to the Doctor of Philology, head of the department of Russian folklore of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, professor of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, who passed away in 2023. The conference was held on June 13-14, 2024 at the Institute of Russian Literature (Pushkin House). It united his students and colleagues from the University of Niš (Serbia), Institute of Russian Literature (Pushkin House) and Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint-Petersburg), the Kosygin State University of Russia (Moscow), National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod), Pitirim Sorokin Syktyvkar State University and Komi Science Centre of the*

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar). The topics of the reports were divided into two main areas for A. N. Vlasov – folklore and book studies.

Keywords: All-Russian scientific conference, Andrei Vlasov, book studies, folklore, Russian Culture

For citation: Tubylevich R. E. All-Russian scientific conference with international participation “Folklore and bookishness: in memory of Andrei Nikolaevich Vlasov”. *Vestnik Syktyvkarского университета. Seriya gumanitarnykh nauk = Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series*. 2024, 1: 83–96. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2306-8450-2024-1-83>

13–14 июня 2024 г. в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (далее – ИРЛИ РАН) прошла Всероссийская научная конференция с международным участием «Фольклор и книжность: памяти Андрея Николаевича Власова», посвященная доктору филологических наук, заведующему отделом русского фольклора ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН), профессору Сыктывкарского государственного университета, ушедшему из жизни год назад (17.10.1955–23.06.2023)¹.

Конференция проходила два дня, тематика докладов разделилась на два направления, главные для А. Н. Власова – фольклор и книжность.

Заседание первого дня было открыто вступительным словом директора ИРЛИ РАН д-ра филол. наук **В. В. Головина** и зав. отделом русского фольклора, д-ра филол. наук **А. В. Пигина**. Организаторы вспомнили проходившие в ИРЛИ РАН 19 октября 2023 г. «Мемориальные чтения памяти Андрея Николаевича Власова»² и подчеркнули, что в этот раз проводится научная конференция, в название которой вынесены два направления, составлявшие основу научного интереса Андрея Николаевича. «Андрей Николаевич относился к тому редкому типу ученого, кто совмещал интерес к фольклору и книжности на протяжении всей жизни», – отметил А. В. Пигин. В. В. Головин сообщил, что на конференции присутствуют ученики и коллеги Андрея Николаевича из трех центров: СГУ им. Питирима Сорокина (Сыктывкар), ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН и РГПУ им А. И. Герцена (Санкт-Петербург). «Самое главное в деятельности Андрея Николаевича – кроме его научных трудов – это то, что он создал школу: лабораторию

¹ Дорохова Е. А. Памяти Андрея Николаевича Власова // Живая старина. 2023. № 3 (119). С. 68–69; Канева Т. С. Памяти Андрея Николаевича Власова // Традиционная культура. 2023. Т. 24. № 3. С. 188–191; Прокуратова Е. В. Памяти Учителя: Андрей Николаевич Власов – археограф, фольклорист, исследователь литературы Русского Севера // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2023. Вып. 4 (28). С. 78–82.

² О «Мемориальных чтениях памяти Андрея Николаевича Власова» см.: Тубылевич Р. Е. Мемориальные чтения, посвященные Андрею Николаевичу Власову (ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН) // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2023. № 4. С. 100–108. О вечере памяти Андрея Николаевича в СГУ им. Питирима Сорокина (14 ноября 2023 г.) см.: Канева Т. С. Счастливые поле Андрея Николаевича Власова: встреча памяти учителя // Там же. С. 108–111.

в Сыктывкаре³, новое экспедиционное поле, большую когорту учеников, которые работали в разных областях науки. Дай Бог, чтобы каждый создал вокруг себя такой замечательный ореол из молодых (теперь уже маститых) ученых, чтобы его дело продолжалось», – заключил В. В. Головин.

Первые доклады сделали коллеги и ученики Андрея Николаевича из Сыктывкара (СГУ им. Питирима Сорокина) и Санкт-Петербурга (ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН).

Канд. филол. наук, доц. кафедры русской филологии и внештатный сотрудник НИЛ «Филологические исследования духовной культуры Севера» (далее – НИЛ ФИДКС) СГУ им. Питирима Сорокина **Т. С. Канева** рассказала о Фольклорном архиве Сыктывкарского госуниверситета – детище Андрея Николаевича Власова, одном из значимых результатов его жизни, с которым связаны первые пятнадцать лет научной деятельности ученого. Именно он определил стратегию и тактику сбора экспедиционных материалов, географию и маршруты, составы групп, основные задачи, принципы фондирования и описания экспедиционных записей. Благодаря ему были введены в научный оборот записи 1980–1990-х гг. Архив появился в 1986 г. как результат первых научных экспедиций, организованных Андреем Николаевичем в Усть-Цилемский и Вилегодский р-ны Республики Коми, на долгие годы ставшие главными полями для его учеников и коллег. Архив сформирован по региональному (локальному) принципу. При этом, как отметил докладчик, «первыми собраниями стали те, которые свидетельствовали о появлении Власова-фольклориста – из материалов его первых фольклористических поездок» на Пинегу и Верхнюю Тойму (экспедиции, организованные Ленинградской консерваторией⁴). Докладчик охарактеризовал состав документов Верхнетоемского и Пинежского собраний (аудиозаписи, рукописные материалы руководителя экспедиции и ее участников) и затронул вопросы изучения наследия ученых-собирателей. Т. С. Канева познакомила слушателей и с частью личных материалов Андрея Николаевича (папки, тетради, конспекты лекций, наброски статей), которые хранятся в НИЛ ФИДКС и содержат в себе интересные находки, требующие дальнейшего изучения. Эти материалы, по мысли Т. С. Каневой, должны войти в Коллекцию А. Н. Власова Фольклорного архива СГУ им. Питирима Сорокина.

³ Проблемная научно-исследовательская лаборатория фольклорно-археографических исследований (1988–2000), созданная усилиями Т. Ф. Волковой и А. Н. Власова при поддержке академика Д. С. Лихачева. Преемником ее научных традиций стали Центр фольклорных исследований Сыктывкарского университета (1999–2011), затем Научно-образовательный центр «Духовная культура Европейского Севера России» (2011–2017) и Научно-исследовательская лаборатория «Филологические исследования духовной культуры Севера» (НИЛ ФИДКС) (с апреля 2017 г.). Подробнее о НИЛ см. на сайте СГУ им. Питирима Сорокина: https://www.syktu.ru/edu/if/ign/noc_dk/ (дата обращения: 14.06.2024).

⁴ Ныне Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова.

Экспедиционная работа А. Н. Власова в старообрядческом центре на Удоре (Республика Коми) была раскрыта в докладе канд. филол. наук, зав. кафедрой журналистики и внештатного сотрудника НИЛ ФИДКС СГУ им. Питирима Сорокина **Е. А. Рыжовой**. «Андрея Николаевича Власова и как человека, и как ученого-исследователя всегда, на мой взгляд, выгодно отличала одна особенность – равнодушие к делу, которым он занимался, и к людям, которые его окружали. Он совершенно не напоминал ученого-отшельника или исследователя-затворника, с ним всегда было связано живое дело», – поделилась с участниками конференции Елена Александровна. В своем докладе она остановилась на сыктывкарском периоде экспедиционной и исследовательской деятельности А. Н. Власова (1980–1990-е гг.), одним из достижений которого стало открытие Удорского старообрядческого центра. С 1987 по 1999 г. было организовано 5 экспедиций в Удорский р-н под руководством Андрея Николаевича и с участием филологов, историков, библиотекарей, музыковедов, специалистов крупных научных центров. Докладчик вспомнила о том, что во время экспедиционной работы А. Н. Власов «всегда был собран, целеустремлен, очень подвижен и занят какой-нибудь полезной для экспедиции деятельностью. У него был профессиональный нюх на материал, он радовался каждой находке, любому открытию и заражал этой энергией всех, кто был с ним. Он всегда в человеческом и профессиональном плане доверял тем, кто был рядом с ним». Андрей Николаевич как исследователь-универсал собирал и книжность, и фольклор, по тому же принципу формировал пару специалистов для работы «по адресам». В ходе экспедиций были записаны ценные сведения о местной старообрядческой конфессии и книжниках, топонимические и исторические предания и другие материалы. Профессиональная заинтересованность исследователей к родовым старообрядческим коллекциям и многолетнее дружеское общение с хранителями собраний и их наследниками способствовали и профессиональной идентификации последних. Докладчица также подробно остановилась на местных книжниках, наставниках, особенностях удорской старообрядческой традиции и посвященных ей исследованиях сыктывкарских и Санкт-Петербургских специалистов.

Об одном неосуществленном замысле А. Н. Власова рассказала **Е. А. Дорохова**, этномузыколог, канд. искусствоведения, сотрудник Фонограммархива ИРЛИ РАН. «Путь становления Андрея Николаевича как ученого, особенности его научной биографии и личностные его качества как исследователя определили особый интерес к пограничным явлениям культуры, находящимся между музыкой и словом, фольклором и профессиональным искусством», – заметил докладчик. К таким явлениям относится и саморефлексия традиционной народной культуры, которой Андрей Николаевич планировал посвятить монографию. Материал собирался исследователем до последних дней, но проект так и не был осуществлен. Докладчику довелось быть «собеседником, помощником Андрея Николаевича и соавтором этого замысла», поэтому Екатерина Анатоль-

евна подробно остановилась на проблемах и особенностях этого явления, материале для исследования саморефлексии в трудах А. Н. Власова.

Как отметила **Т. Г. Иванова**, д-р филол. наук, главный научный сотрудник Отдела русского фольклора ИРЛИ РАН, «первые три доклада блестяще показали фигуру Андрея Николаевича с разных сторон».

Немемориальную часть заседания начал доклад Татьяны Григорьевны Ивановой об идеологеме «Русское государство» в исторических песнях XVIII века и кантах⁵ Петровского времени. Сферой, объединяющей эти два жанра, становится «отражение российской истории и построение концепции отечественной истории». В связи с этим важную роль играет историческое пространство. Некоторые локусы получают статус концептов, идеологем, т. е. «становятся элементом идеологической системы общества». К ним относится и идеологема «Русское государство», которая в исторических песнях и кантах конца XVII–XVIII вв. представлена разными топонимами: Россия, Московское государство, Московское царство, Рассеюшка, Российская держава/земля/страна, Росская земля, Рось, Русь и др. Докладчик рассмотрел контекст употребления каждого топонима, его частотность.

Канд. филол. наук, старший научный сотрудник Отдела русского фольклора ИРЛИ РАН **М. В. Рейли** обратилась к образу богатырского коня в былинах Урала на материале сборника Кирши Данилова и более поздних записей. Докладчик пришел к выводу о том, что «общими для сборника Кирши Данилова и более поздних записей являются следующие мотивы: свойства и качества коня, похвальба конем, образ богатыря в единении с конем, уход за конем и его седлание» и другие. Ряд мотивов в более поздних текстах проще и по форме, и по содержанию; кроме того, появляются и новые мотивы (например, мотив слабости коня, спор сокола с конем), некоторые из них носят единичный характер (кони как богатство, казнь конями).

В докладе д-ра филол. наук, профессора философского факультета Университета в Нише (Сербия) **Д. Попович-Николич** было уделено внимание новым записям быличек на территории Запланя (Южная Сербия) из фольклорного архива кафедры сербистики философского факультета Университета в Нише. Устное народное творчество Запланя ранее не было изучено полевыми исследованиями с использованием современного оборудования. Целью проекта было собрать все жанры устной словесности (поэзия, проза, малые речевые формы) и создать базу данных как основу для дальнейших исследований. Исследование проводили специалисты в области фольклористики и этнолингвистики: сотрудники Университета в Нише, Института балканских исследований Сербской академии наук, Института литературы и искусства в Белграде и др. Собранный материал кроме быличек включал в себя обрядовую лирику, краткие речевые формы (поговорки). Обратившись к быличкам, докладчик остановился на ряде особенностей: запись

⁵ «Многоголосные духовные и светские песни для вокального ансамбля и хора».

быличек от пожилых информантов; различие представлений о мифологических существах у старшего и молодого поколений; тематико-мотивный слой быличек, их объем, хронотоп, формулы достоверности, изменения в быличках как следствие когнитивных перемен и др.

Н. С. Коровина, канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (далее – ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН) начала выступление со слов благодарности в адрес А. Н. Власова за содействие в доработке диссертации и научном редактировании монографии. В докладе исследователь подняла вопрос о проявлениях северно-русской эпической традиции в коми сказках о богатырях русского эпоса. Они получили широкое распространение в Коми крае в XIX–XX вв. и на сегодня известно 29 коми сказок об Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Святогоре, Алеше Поповиче и Ставре Годичевиче. Из них 16 были записаны в пограничном между русскими и коми Удорском р-не Республики Коми. Автор подробно остановился на наиболее показательных в этом отношении семи сказках, записанных в 1947 г. известным фольклористом Ф. В. Плесовским на Мезени, охарактеризовал их композицию, былинные сюжеты, которые легли в основу сказок, следы архангело-беломорской эпической традиции (на примере сюжета «Смерть Святогора в гробу»), оригинальные мотивы и детали коми сказок о богатырях русского эпоса.

Канд. филол. наук, старший научный сотрудник Отдела русского фольклора ИРЛИ РАН **А. В. Никитина** обратилась к вопросу трансформации образов сказки народной в книжной сказке (на примере образа Бабы-яги). В «Сказке о славном и чудном богатыре Самсоне Лукьяновиче и царевне Судиславе» из лубочного сборника «Сказки моего дедушки» (первая четверть XIX в.) Баба-яга выполняет, по мнению докладчика, несвойственные ей функции. На фоне классических для сказок эпизодической (но важной, поворотной) роли Яги, ее места обитания, нарушается её привычная манера поведения, в частности, отсутствует традиционная формула встречи с главным героем, Яга совершает подвиг за него и др. В сказке, где, как определяет исследователь, героическая составляющая «утрирована» и дополняется мотивами русских былин и рыцарских романов, функционал Бабы-яги усложняется и традиционный сюжет, связанный с ней, моментами переворачивается (например, погоня не Яги за героем, а героя за ней).

В докладе канд. филол. наук, доцента РГУ им. А. Н. Косыгина **В. Е. Добровольской** затронут вопрос пополнения сказочного репертуара на материале сюжета «Евстафий Плакида». Воспринятый из распространенного на славянских землях жития сюжет, богатый различными перипетиями, вошел в лубочную литературу. В русских сказках зафиксировано 15 вариантов этого сюжета, но текстов, связанных с житием, два – из сборника Д. К. Зеленина «Великорусские сказки Пермской губернии» (зап. от Ф. Д. Шишкина) и сборника братьев Б. М. и Ю. М. Соколовых. Докладчик обращается и к остальным тринадцати сказкам, рассматривая трансформацию исходного сюжета в них, в том числе под

влиянием жанра, возможные источники новых мотивов (например, «Повесть о царице и львице»).

К литературному канону и фольклору в «Подщипе» И. А. Крылова (1800) обратилась д-р филол. наук, проф. РГПУ им. А. И. Герцена **О. М. Гончарова**. Докладчик охарактеризовала замысел автора, который, по ее мнению, состоял не в сатире, а в «предельной аннигиляции самого типа нормированных литературных практик XVII века», согласно которым «все правильное» выражалось высоким языком и резко отграничивалось от «неправильного», низкого, куда входила и вся сфера повседневности. С этой точки зрения Ольга Михайловна выявляет намеренные авторские нарушения привычных («дряхлающих») литературных канонов в «Подщипе»: «на смысловом уровне высокий ореол жанров, стилей, метра оказывается утраченным» («высоким» языком герои говорят о телесном; используются просторечие и дефектная речь и др.). Превращения, несоответствия и обман связываются и с атмосферой карнавала, святочного ряжения.

В докладе д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой русской литературы ННГУ им. Н. И. Лобачевского **А. В. Коровашко** обратился к проблеме неоднозначного разграничения литературы и фольклора. По его мнению, устная новелла прозаика и сценариста Е. Л. Шварца (1896–1958) «Подушкины ноги» является таким «переплетением литературы и фольклора». Докладчик проанализировал особенности перехода этого устного текста в письменный формат (в пересказе в мемуарах актрисы Г. Н. Холодовой (Халайджиевой), первой жены Е. Л. Шварца (напечатаны в сборнике «Житие сказочника Евгения Шварца» (1991)) и обратной трансформации (в устном выступлении О. Л. Крыжановского, зятя Е. Л. Шварца, на вечере памяти прозаика зачитавшего эту новеллу). Докладчик изучил текст с точки зрения его зависимости от сказочного сюжета «Чудесная корова» (на примере сказки о Крошечке-Хаврошечке). Отдельное внимание А. В. Коровашко уделил «следам подушкиных ног» в творчестве как современников Е. Л. Шварца, так и самого прозаика и сценариста.

Утреннее заседание второго дня конференции (14 июня 2024 г.) было открыто докладом д-ра культурологии и ведущего научного сотрудника Отдела русского фольклора ИРЛИ РАН **А. Н. Розова**. Предметом исследования докладчика стали фольклорно-этнографические материалы на страницах епархиальных ведомостей (1860-е–1917 гг.). Тема доклада находится в русле одного из аспектов научной деятельности А. Н. Розова уже на протяжении двадцати пяти лет – составления аннотированных указателей фольклорных и этнографических материалов на основе публикаций в епархиальных ведомостях. Для официальной и неофициальной частей автором составляется отдельный указатель, который включает 12 разделов: «Особенности народного православия и языческие представления в нем», «Суеверия, приметы, поверья, толкования снов. Роль священников в борьбе с предрассудками и суевериями», «Народная демонология», «Народная медицина. Заговоры», «Гадания», «Обряды семейные, свадебные, родильные и крестильные и похоронно-поминальные», «Праздники народно-церковного ка-

лендаря от Нового года до Рождества Христова», «Хозяйственные обычаи и обряды», «Посиделки, игры, хороводы, танцы (молодежные)», «Произведения устного народного творчества», «Различные программы, содержащие сведения по этнографии и фольклору» и «Разное». На материале региональных (Рязанских, Вологодских, Калужских и др.) епархиальных ведомостей А. Н. Розов поднял вопрос о наполнении материалом неофициальной части ведомостей, охарактеризовал его содержание, рассказал о различиях изданий с точки зрения количества фольклорно-этнографического материала в них и др.

Собирание регионального фольклора преподавателем Петроградского учительского института В. В. Даниловым и его учениками в 1911–1915 гг. было освещено в докладе канд. филол. наук, ученого секретаря ИРЛИ РАН **А. И. Васкул** и канд. филол. наук, секретаря и старшего научного сотрудника Отдела русского фольклора ИРЛИ РАН **С. А. Жадовской**. Подробная характеристика собранных учениками В. В. Данилова (1881–1970) материалов была обнаружена докладчиками в личном фонде известного этнографа и фольклориста Д. К. Зеленина (1878–1954) в Санкт-Петербургском филиале Архива Академии наук. Преподаватель и ученый, В. В. Данилов в своих научных трудах изучал древнерусскую литературу («Слово о полку Игореве», жанр «хождений»), творчество М. В. Ломоносова, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, поднимал вопросы, связанные с преподаванием. Исследование и собирание фольклора В. В. Данилов считал очень важным, в процессе контакта с носителями традиции убедился, что нелегкое дело – «склонить простого человека изложить свое духовное богатство» – легче удастся тем, кто близок к народу или вышел из него. Таковыми были в большинстве ученики учительских институтов и семинарий, которых он и привлек к делу собирания фольклора по двум областям – «суеверие» и «описание песенной традиции». Результатом стали 14 тетрадей с описанием этнографии и фольклора различных уездов Новгородской, Вологодской, Олонецкой, Витебской, Гродненской и Волынской губерний. В Русское географическое общество эти материалы передал Д. К. Зеленин. «Педагогическая деятельность В. В. Данилова в Учительском институте, результатом которой стали не только прочитанные курсы русской словесности, но и обогащение архива Русского географического общества новыми материалами, во многом схожа с деятельностью Андрея Николаевича Власова. Обучая студентов, <...> [он] формировал и пополнял при их участии фольклорное собрание филологического факультета, а также <...> поощрял студентов, например, Института народов Севера Герценовского университета⁶ собирать национальный фольклор. И это тоже давало Андрею Николаевичу материал для теоретических размышлений о проблеме саморефлексии традиции», – резюмировали докладчики.

В докладе независимого исследователя из Санкт-Петербурга **О. В. Селивановой** (в прошлом – зав. отделом редкой книги Фундаментальной

⁶ РГПУ им. А. И. Герцена.

библиотеки им. императрицы Марии Федоровны РГПУ им. А. И. Герцена) исследован вопрос о месте фольклора в лекциях крупного специалиста в области детской литературы и фольклора О. И. Капицы, которая разработала «уникальную систему преподавания детской литературы и фольклора, не имеющую аналогов не только в русской, но и в мировой педагогике». Докладчик проанализировал два цикла лекций Ольги Иеронимовны: 1) для студентов второго курса основного факультета Педагогического института дошкольного образования (1919–1920) и 2) краткий интенсивный курс для отделения детских садов и классов (1919). Ольга Владиславовна охарактеризовала следующие вопросы, связанные с народным творчеством, в этих лекциях: о происхождении и эволюции сказки, история ее собирания, место сказки в детской жизни и ее влияние на детей. О. И. Капица адаптировала биогенетическую теорию, разработанную американским психологом и педагогом Стенли Полом, к детскому фольклору и литературе. Исходя из этого, О. И. Капицей поднимался вопрос о выборе разновидности народной сказки при перенесении в детскую литературу, учитывании возрастных особенностей детей.

Канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник сектора фольклора ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН **А. В. Паниюков** обратился к общему с Андреем Николаевичем Власовым «полю» исследований – проблеме синергетики фольклорных контактов в полиэтнических регионах. Опираясь на опыт совместных исследований, проведенных в районах Республики Коми, Кировской и Архангельской областей, докладчик заметил: «Мы смотрели на одно и то же явление с разных ракурсов: он наблюдал за всем извне как специалист по русскому фольклору и книжности, а я как носитель коми языкового сознания и своей локальной традиции – изнутри». Синергетика – «одно из междисциплинарных направлений, изучающих поведение сложных систем разной природы». Основная идея синергетики – «существование систем, способных к самоорганизации». В качестве примера системы синергетических принципов межэтнического взаимодействия докладчик привел ижмо-колвинскую традицию (ныне – территория проживания колвинских ненцев в Усинском р-не Республике Коми). Её уникальность в том, что рождение и угасание этой традиции происходило в исторически обозримом времени и пространстве. Она характеризуется двумя мировоззрениями (языческое (ненцы) и христианское (ижемцы)), двумя фольклорными мировосприятиями, двумя главными жанрами (мужские эпические богатырские песни и женские песни-импровизации) и др.

С доклада **М. А. Федотовой**, д-ра филол. наук, ведущего научного сотрудника Отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН, началась часть конференции, посвященная книжности. Докладчица обратилась к одному из главных текстов, который исследовал А. Н. Власов. Житию Прокопия и Иоанна Устюжских Андрей Николаевич посвятил ряд статей и монографию «Житийные повести и сказания о святых юродивых Прокопии и Иоанне Устюжских» (2010). В ней ученый упоминает и редакцию Четых Минеи святителя Димитрия Ростовского

(1651–1709) по позднему изданию 1837 г., однако не снабжает её научным описанием. Не охвачена эта редакция и в труде протоиерея А. Державина, проанализировавшего почти все жития Четьих Миней и определившего их основные источники. Именно к этому тексту обратилась М. А. Федотова. Используя Пролог 1685 г., Дмитрий Ростовский создает свой текст, придерживаясь композиции первоисточника, но вносит стилистические правки (убирает недочеты, пересказывает своими словами, распространяет текст, предлагает новые логические связки, дополняет библейскими цитатами и сравнениями и др.). Другим источником для Дмитрия Ростовского становится пространное житие Прокопия Устюжского, на что указывают эпизоды, имеющиеся только в этом тексте и в житии, созданном ростовским святителем.

Вечернее заседание началось с доклада д-ра филол. наук, зав. кафедрой русской филологии СГУ им. Питирима Сорокина **И. М. Грицевской** и канд. филол. наук, доц. кафедры русской филологии СГУ им. Питирима Сорокина **Т. В. Бровкиной** о «Вопросо-ответах Псевдо-Афанасия к князю Антиоху» в старообрядческой книжности Усть-Цильмы⁷, в том числе и на материале, который собирал А. Н. Власов. Очень популярный (в частности у славян с XIV в.) и переведенный на множество языков памятник содержит 137 пар вопросов и ответов о человеке и его месте в Божьем мире, о природе души, о природе Рая, о непознаваемости Бога, о судах Божьих и др. В старообрядческой среде памятник тоже был популярен и переписывался до XIX в. В среде усть-цилемских старообрядцев известно 10 сборников, содержащих фрагменты этого текста. Докладчики подробно остановились на них с точки зрения трех стратегий использования материалов памятника: включения тех подборок вопросо-ответов, которые сформировались в Древней Руси и вошли в древнерусские сборники; наличия неизвестных для древнерусской традиции вопросо-ответов; использования единичных вопросо-ответов.

Духовные стихи в рукописных сборниках каргопольских староверов-странников были представлены в докладе **Е. В. Прокуратовой**, канд. филол. наук, доц. кафедры русской филологии и внештатного сотрудника НИЛ ФИДКС СГУ им. Питирима Сорокина. Тексты этого популярного среди староверов-странников жанра (особенно малоизученного северного, каргопольского старообрядчества) были записаны в ходе экспедиций на Каргополье и представлены в собраниях Санкт-Петербурга, Каргополя, Сыктывкара и с. Кослан Удорского р-на Республики Коми. К исследованию каргопольских сборников в фонде Каргопольского историко-архитектурного и художественного музея и составлению их описания приложил руку и А. Н. Власов. Е. В. Прокуратова подробно остановилась на тематике каргопольских духовных стихов: общерусского корпуса (ветхозаветные, евангельские, житийные, эсхатологической направленности и др.) и

⁷ Подготовлено по материалам проекта РФФ № 23–28–00205.

старообрядческого круга; смене их функционального предназначения и редких духовных стихах.

В докладе канд. филол. наук, старшего научного сотрудника Отдела русского фольклора ИРЛИ РАН **Н. Г. Комелиной** было исследовано существование сюжета «Сон Богородицы» в апокрифе и духовном стихе среди населения Зимнего берега Белого моря. Доклад был подготовлен в рамках изучения соотношения книжно-рукописной и устной традиции на этой территории. Впервые опубликованный в России в 1831 г. «Сон Богородицы», по мнению А. Н. Веселовского, восходит к книжному прозаическому тексту, составленному членами немецкого религиозного движения. «Сон» имеет в своей структуре определенный алгоритм, благодаря которому его рукописи превращаются в своеобразные «святые письма», обещающие защиту от бед и болезней. Отсюда и его прагматическое значение, актуальное и сегодня, в частности, на Зимнем Берегу Белого моря: его «читали от болезней и во время родов, брали с собой, отправляясь в дорогу и в суд <...> считалось, что он охраняет дом от пожара и воров». Бытование этого текста в виде духовного стиха автор рассматривает на примере семьи Крюковых – сказительской династии Зимнего Берега Белого моря.

Д-р филол. наук, зав. отделом русского фольклора ИРЛИ РАН **А. В. Пигин** рассказал об одном сатирическом стихотворном произведении в коллекции А. Н. Власова в Древлехранилище им. В. И. Малышева. В нее входят десять рукописей XIX–XX вв., содержащих ряд произведений, одному из которых и посвящен доклад – «Стиху о Хмеле и Табаке». В стихе, созданном в XIX в., разрабатывается излюбленная тема о пагубности пьянства и употребления табака в персонифицированных образах Хмеля и Табака, обвиняющих друг друга во вреде, наносимом человеку. Докладчик сравнил особенности четырех списков этого стиха и повести из коллекции Ф. А. Каликина; поднял проблему их источников.

Два вятских видения 30-х гг. XX в. были проанализированы в докладе **М. В. Кужлева**, младшего научного сотрудника Древлехранилища им. В. И. Малышева. А. Н. Власов стоял у истоков экспедиций на Вятку (с 2010 г. состоялось 13 экспедиций) и Вятского собрания рукописей XVI–XVIII вв. ИРЛИ РАН. В это собрание входят и два видения начала XX в., которыми ограничивается круг оригинальных рукописных видений на Вятке. Видение 1936 г. о шести облаках записано профессиональным старообрядческим переписчиком филипповского согласия М. А. Чупраковым (1870–1943). Видение 1932 г. о радостном городе принадлежит неизвестному визионеру. Докладчик раскрывает содержание обоих видений, говорит об используемых в них мотивах и образах традиционной иконографии.

После завершения программной части конференции ее итоги подвела д-р филол. наук **Т. Г. Иванова**. «Конференция о памяти <...> это очень двоякое чувство. С одной стороны, уже год как Андрея Николаевича нет с нами, а с другой стороны, мы все-таки поминаем его, я бы сказала, даже радостно, как это ни

странно. Потому что прозвучало за эти два дня много интересных докладов и докладов очень хорошо связанных». Татьяна Григорьевна привела и статистику конференции: 21 доклад; представлены Сыктывкар (6), Санкт-Петербург (11), Москва (2), Нижний Новгород (1) и Сербия (1). Были сделаны доклады по фольклору (11 докладов), книжности (7), литературе (2) и др. Из фольклорных тем была хорошо представлена сказка, но почти не охвачены былины (только один доклад М. В. Рейли); в трех докладах рассмотрена история фольклористики. Книжная часть докладов включила в себя темы, напрямую связанные с научными интересами А. Н. Власова: старообрядцы и книжность Усть-Цильмы, Зимний Берег Белого моря и др. Все доклады вызвали интерес у слушателей и живую дискуссию.

М. В. Рейли поблагодарила организаторов и участников конференции за интересные и содержательные доклады.

С благодарностью выступили и **Т. С. Канева** и **Е. В. Прокуратова** и сделали предложение выпустить к 70-летию Андрея Николаевича (в 2025 г.) совместный сборник материалов и исследований и создать сайт, посвященный А. Н. Власову.

А. В. Пигин отметил, что конференция получилась удачной, на высоком научном уровне и «приятной в человеческом отношении».

Участники конференции вспоминали и эпизоды живого общения с Андреем Николаевичем Власовым. Так, **Е. Е. Васильева**, кандидат искусствоведения, доцент кафедры русского народного песенного искусства Санкт-Петербургского государственного института культуры (СПбГИК), рассказала о самом главном, по ее мнению, качестве А. Н. Власова: «У него было ощущение единства жизни...». Д-р фил. наук, главный научный сотрудник и зав. отделом древнерусской литературы **С. А. Семячко** вспомнила случай из научной жизни, связанный с Андреем Николаевичем, и завершила выступление словами, близкими к одному высказыванию самого А. Н. Власова: «Эта конференция и эта память посвящены хорошему человеку».

По сообщению А. В. Пигина, во втором номере журнала «Словесность и история», издаваемом ИРЛИ РАН, вскоре выйдет ряд статей, подготовленных в память о замечательном ученом и педагоге Андрее Николаевиче Власове⁸.

Видеозапись заседаний конференции «Фольклор и книжность: памяти Андрея Николаевича Власова» доступна на официальном сайте Пушкинского Дома⁹.

⁸ Со сборником можно ознакомиться на официальном сайте ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. URL: <http://pushkinskiydom.ru/zhurnal-slovesnost-i-istoriya/slovesnost-i-istoriya-2-2024/> (дата обращения: 27.09.2024).

⁹ URL: ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН: <https://pushkinskiydom.ru/2024/06/10/folklor-i-knizhnost-pamyati-andreya-nikolaevicha-vlasova/> (дата обращения: 17.06.24).

Информация об авторе / Information about the author

Тубылевич Руслана Евгеньевна

младший научный сотрудник
Научно-исследовательская лаборатория
«Филологические исследования духовной
культуры Севера», Сыктывкарский госу-
дарственный университет имени Питири-
ма Сорокина

167001, Россия, Сыктывкар, Октябрьский
пр., 55

Статья поступила в редакцию / The article was submitted
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing
Принята к публикации / Accepted for publication

Ruslana E. Tubylevich

Junior Researcher
Research Laboratory «Philological studies of
the spiritual culture of the North», Pitirim
Sorokin Syktyvkar State University

55, Oktyabrsky Prosp., Syktyvkar, 167001,
Russia

21.09.2024
25.09.2024
25.09.2024

